

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Почтовый индекс журнала 24820

**Юридическая наука:
история и современность**

2012, № 2

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Александров А.И., Первый заместитель председателя комитета Конституционного законодательства Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Антонов И.А., советник Губернатора Ленинградской области, доктор юридических наук, доцент

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор

Григорьев В.Н., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального института, доктор юридических наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Коваленко А.Г., профессор кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор

Пашенцев Д.А., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор

Пылин В.В., доктор юридических наук, профессор

Рохлин В.И., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Свистунов А.А., начальник управления по высшему образованию Правительства Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор

Соболь И.А., профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Чибинев В.М., декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Хабибулин А.Г., помощник министра внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Щендрыйгин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2011

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

СОДЕРЖАНИЕ**Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве**

<i>Алиев Я.Л., Сальников П.П.</i>	Традиции и традиционализм политики: общая характеристика понятий	8
<i>Бабаджанов И.Х.</i>	Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению	21
<i>Реуф В.М., Удычак Ф.Н.</i>	Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии	28
<i>Дондоков Ц.С.</i>	Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20-ые годы XX века	36
<i>Рогожевский Е.И.</i>	Формирование институтов гражданского общества современной России в условиях централизации	41

**Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс.
Административное право и административная деятельность. Информационное право**

<i>Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М.</i>	Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идеино-теоретические истоки	44
<i>Вашкевич А.В., Мизонова А.Е., Козлов Е.Н.</i>	К вопросу об организации профилактической работы с водителями мототехники	49

**Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право.
Гражданский и арбитражный процесс.**

<i>Гольцов В.Б.</i>	О значимости и недостатках договорной конструкции в законодательстве (анализ деятельности подразделений Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации)	54
<i>Ихсанов Р.В.</i>	Судебная защита избирательного права в России: некоторые актуальные проблемы	59
<i>Бондаренко В.В.</i>	Проблема уступки права требования по кредитному договору	62

**Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное
и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды.
Корпоративное и энергетическое право**

<i>Тараико В.И.</i>	Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности	67
---------------------	---	----

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс.
Криминалистика, судебно-экспертная деятельность
и оперативно-розыскная деятельность

<i>Александров Р.А., Кондрат И.Н., Леонов А.И.</i>	Уголовное судопроизводство и судебный контроль	76
<i>Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л.</i>	Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности	81
<i>Нигметов Н.А.</i>	О необходимости создания общегосударственной системы профилактики / терроризма и экстремизма в России	87

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право.
Налоговое право

<i>Кондрат Е.Н.</i>	Виды и формы финансового контроля: некоторые вопросы классификации	90
<i>Щепкин С.С.</i>	Герменевтический метод как основа теоретико-правового анализа понятия налогов	98
<i>Долакова М.И.</i>	Таможенные пошлины в системе доходов государственного бюджета в период Российской империи	106

**Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная
деятельность. Адвокатура и нотариат.**

<i>Антонов И.А., Хабаров А.В.</i>	Безопасность учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы: вопросы инженерно-технического обеспечения	110
<i>Палатина Т.А.</i>	Процессуальный статус суда как субъекта уголовно-процессуальных правоотношений по делам частного обвинения	115

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право

<i>Мамедов С.К.</i>	Проявления сепаратизма и международное право	119
---------------------	--	-----

Философия права. Правовая культура и правосознание.
Социология права и юридическая психология

<i>Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Рейф В.М.</i>	Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм	123
<i>Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасанова С.Г.</i>	Человек, общество, государство: аксеологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений	130
<i>Кирилов И.В.</i>	К вопросу о происхождении течения «ваххабизм» и его влияние в России	139

Информация для авторов	142
------------------------------	-----

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>Aliev Ya.L., Sal'nikov P.P.</i>	Traditions and traditionalism of the police: general characteristic of the concepts	8
<i>Babadzhanov I.Kh.</i>	The right to life and the right to human body: some approaches to axiological dimension	21
<i>Reuf V.M., Udychak F.N.</i>	Mechanism for ensuring national security in Russia: some issues of legal theory and ideology	28
<i>Dondokov Ts.S.</i>	Safety of citizens and organized crime in the Far Eastern Republic: the 20's of XX century	36
<i>Rogozhevskiy E.I.</i>	Formation of institutes of a civil society of modern Russia in the conditions of centralization ..	41

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities. Data protection law

<i>Artamonova G.K., Shumkov D.V., Reuf V.M.</i>	The concept of state sovereignty: socio-political and ideological-theoretical origins	44
<i>Vashkevich A.V., Mizonova A.E., Kozlov E.N.</i>	On the issue of arranging preventive work with drivers of motor vehicles	49

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Gol'tsov V.B.</i>	On the significance and drawbacks of contractual structure in the legislation (analysis of the activities of units at the Russian Federation Unified state system of prevention and liquidation of emergency situations)	54
<i>Ikhsanov R.V.</i>	Judicial protection of electoral right in Russia: some topical issues	59
<i>Bondarenko V.V.</i>	The problem of assignment of claim under credit agreement	62

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law

<i>Tarayko V.I.</i>	State-legal policy of Russia in the area of ensuring environmental safety	67
---------------------	---	----

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

<i>Aleksandrov R.A., Kondrat I.N., Leonov A.I.</i>	Criminal proceedings and judicial control	76
<i>Aliev Ya.L., Aruev K.B., Sal'nikov S.P., Tret'yakov I.L.</i>	Motor vehicle criminals: on personality typology	82

<i>Nigmatov N.A.</i>	On the need for creation of a nation-wide system to prevent terrorism and extremism in Russia	87
Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law		
<i>Kondrat E.N.</i>	Types and forms of financial control: some classification issues	90
<i>Shchepkin S.S.</i>	Hermeneutic approach as the basis of theoretical legal analysis of taxes concept	98
<i>Dolakova M.I.</i>	Customs duties in the system of state budget incomes in the period of the Russian Empire	106
Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system		
<i>Antonov I.A., Khabarov A.V.</i>	Security of institutions executing punishments of imprisonment: issues of engineering and technical services	110
<i>Palatina T.A.</i>	The remedial status of court as subject of criminally-remedial legal relationship on affairs of private charge	115
International relations and foreign policy. International and European law		
<i>Mamedov S.K.</i>	Displays of separatism and international law	119
Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology		
<i>Artamonova G.K., Gorbashev V.V., Retunskaya T.P., Reuf V.M.</i>	Law and justice: natural law theory and juridical positivism	124
<i>Babadzhanov I.Kh., Reuf V.M., Khasanova S.G.</i>	Person, society, state: axiological evaluation and ideological basis of protective legal relations	130
<i>Kirilov I.V.</i>	On the origin of “Wahhabism” movement and its influence in Russia	139
Information for the authors		142

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,

профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: yakub@mail.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,

профессор Саратовского юридического института
МВД России,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: naukarf@yandex.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

ТРАДИЦИИ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ПОЛИЦИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЙ

Аннотация. В статье предлагается общая характеристика понятий «традиции» и «традиционизм» полиции. Анализируются диалектико-материалистическое понимание и идеалистическая методология научного исследования этих понятий. Привлекаются работы К. Маркса, Ф. Энгельса, с одной стороны, и Паскаля Бойера, Кристора Дж. Наира, Файерабенда, Аласдара Макинтира – с другой. Обосновленно представлен взгляд на проблему со стороны Х.Б. Актона, который считает, что традиции и разум исключают друг друга.

Авторы доказывают, что рациональный, т.е. субъективно-идеалистический, подход к пониманию традиций своими корнями уходит в учение Ф. Ницше, как автора социологической теории традиций, исследуют творчество А.Р. Нисбета.

Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на обилие концептуальных построений и точек зрения в понимании традиций, западные ученые исходят из приоритета духовного, рационального над материальным. Они сводят сущность традиций к идеальным элементам их содержания. Предпринимается попытка нащупать в таком понимании традиций «рациональное звено». Анализируются взгляды советских и российских авторов в этой области. Отмечаются присущие им моменты, не позволяющие в полной мере выразить сущность традиций.

Исследователи предлагают и обосновывают свое авторское определение традиций полиции. Подчеркивают, что категория «традиция»озвучна, сопоставима и является смежной с понятием «традиционизм». Предлагается авторская концепция понимания «традиция».

Ключевые слова: традиции; традиционализм; полиция; рациональный подход; социологическая теория; духовное; рациональное; материальное; понятие; концепция; взгляд; сущность явления; авторское определение; государство; право; орган государства; функции; политика; идеология; законодательство.

TRADITIONS AND TRADITIONALISM OF THE POLICE: GENERAL CHARACTERISTIC OF THE CONCEPTS

The summary. The article proposes the general characteristic of the concepts "traditions" and "traditionalism" of the police. The dialectic-and-materialistic understanding and idealistic methodology for scientific research of these concepts are analyzed. The works of K. Marx, F. Engels, on the one hand, and Pascal Boyer, Christor G. Nairi, Feyerabend, Alasdair MacIntyre – on the other, are involved. Separately presented is the view on the issue on the part of H.B. Acton who considers that traditions and reason exclude each other.

The authors prove that rational, i.e. subjective-idealistic approach to the understanding of traditions is rooted in the doctrine of F. Nietzsche as the author of sociological theory of tradition, research the work of A.R. Nisbet.

The authors come to the conclusion that in spite of the abundance of conceptual models and viewpoints in the understanding of traditions western scientists proceed from the priority of the spiritual, rational over the material. They reduce the essence of traditions to ideal elements of their content. An attempt is made to feel for "rational link" in such an understanding of traditions. The views of Soviet and Russian researchers in this area are analyzed. The elements peculiar to them which do not allow expressing the essence of traditions to the full extent are noticed.

The researchers propose and justify their authors' definition of the police traditions. They emphasize that the category of "tradition" is conformable, comparable and adjacent to the concept "traditionalism". The authors' conception for understanding of "tradition" is proposed.

Key words: traditions; traditionalism; police; rational approach; sociological theory; the spiritual; the rational; the material; concept; conception; view; essence of phenomenon; author's definition; the state; law; state body; functions; politics; ideology; legislation.

В анализе сущности и понятия традиций и традиционализма имеется множество методологических подходов и точек зрения. Несмотря на их множественность и различия в определениях, все подходы и точки зрения сводятся к двум противоположным методологическим принципам: диалектико-материалистическое понимание традиций и их субъективно – или объективно-идеалистическое толкование. Диалектико-материалистическое понимание традиций основывается на признании первичности общественного бытия, вторичности общественного сознания, их единства и противоположности, относительной самостоятельности и активности общественного сознания, его уровней, видов и форм, их воздействия на общественное бытие. Это понимание исходит из единства, противоположности и взаимодействия объективного и субъективного в материальном мире, в познании, в теории и социальной практике

[44, стр. 4-71].

Идеалистическая методология научного исследования традиций рассматривает их не как плод и интегрированный результат социальной практики человечества, его социальных общностей и отдельных людей, а как порождение сознания или божественной воли, сверхъестественного пророчества. Указанный принципиальный подход к пониманию традиций не означает абсолютного субъективизма в определениях их понятия, сущности и механизма формирования, функционирования и развития. Надо отдать должное западным научным исследованиям традиций. Западные ученые-философы, социологи, психологи, юристы уделяют достаточно внимания проблематике традиций. Некоторые работы содержат довольно глубокие указания на сущность, содержание и формы проявления традиций, на методологию их научного познания. В этих работах содержится попытка создать цельную теорию или учение о традициях.

Паскаль Бойер рассматривает традиции как модели действительной социальной практики (в его терминологии – «истины» – truth и «социального общения» – communication). Сущность традиций он определяет через такие термины, как «символы», «культурные модели» или «социализация» [73, р. 8-9].

Кристофф Дж. Наири проблему традиций связывает с соотношением традиционного и рационального. Наири является сторонником и автором рациональной теории традиций, которую он называет традиционализмом. Он считает, что рациональное зависит от традиции. Имеет ее в своей основе [80, р. 7]. Этой точки зрения придерживается Файерабенд, который рассматривает рациональное (разумное) как «одну традицию среди многих других, а не как стандарт, к которому должны примериваться традиции» [74, р. 72].

Аласдар Макинтир формулирует ту же идею следующим образом: «Все разумное содержится в контексте определенной традиционной модели мышления... Живая традиция... является исторически протяженным, социальновыраженным аргументом» [75, р. 222]. В другой работе он выражает ту же идею следующим образом: «...лицо за пределами всех традиций испытывает недостаток нужных рациональных источников (аргументов) для исследования, и в последующем полагается на исследование, в котором традиционное является разумно предпочтительнее» [76, р. 367].

Х.Б. Актон является сторонником «классической» теории традиций, сущность которой состоит в том, что традиция и разум взаимно исключают друг друга. По его мнению, «традиция – это убеждение или практика, переходящая от одного поколения к другому и принимаемая как авторитет или следуемая без обоснования». Это не значит, что традиции не могут быть предметом рационального исследования в случаях, когда «традиционное убеждение ставится под сомнение». Актон подчеркивает, что «традиционную практику следует продолжать, потому что она служит достижению желаемой цели ... Ссылка на сложившуюся практику как аргумент достижения предполагаемой цели не может подрывать роли практики как основания формирования традиции» [72, р. 2].

Рациональный, то есть субъективно-

идеалистический, подход к пониманию традиций своими корнями уходит в учение Ф. Ницше, который полагал: «Исторический феномен, четко известный и полностью выраженный в понятии «познание», не имеет реального значения» [78, р. 67].

Одним из авторов социологической теории традиций является А.Р. Нисбет, который связывает понимание традиций с анализом такой категории, как социальное развитие. Нисбет сводит развитие к количественным изменениям. Считает, что социальные процессы в своей сущности остаются неизменными. Он трактует социальные процессы как события, социальные структуры, исторические типы личности. Главной проблемой общества Нисбет считает проблему моральных (духовных) ценностей, которые, по его мнению, несмотря на безусловные корни их происхождения, передаются от поколения к поколению в интерпретации «небольших социальных групп», которые обладают достаточным знанием и заинтересованы в их культивировании [79, р. 91-103].

Несмотря на обилие концептуальных построений и точек зрения в понимании традиций, все указанные выше взгляды на эту проблему исходят из приоритета духовного, рационального над материальным. Они сводят сущность традиций к идеальным элементам их содержания. Понимают их преимущественно как стабильно сложившиеся или исторически устоявшиеся духовные ценности, которыми люди руководствуются в своей практике. И даже в случаях, когда авторы указанных концепций апеллируют к социальной практике как источнику и критерию формирования традиций (Гиддингз, Нисбет, Сам-мер, Уорд и др.). Они толкуют социальную практику не как историческую деятельность человечества, а как совокупное социальное знание (представление) о ней.

В указанных подходах, точках зрения и взглядах нельзя не заметить и «рациональное зерно» в понимании сущности традиций. Таким «зерном» является трактовка традиций как некой исторически устойчивой модели сознания или поведения. Именно в этом духе понятие традиций трактуется в толковых англо-американских словарях. Оксфордский толковый словарь английского языка определяет традиции через такие термины, как «передача», «покорение», «связывание», «врученная мысль», «полученный совет или доктрина», а также «действие, передаваемое в каком-либо материальном виде

другому». В этом словаре дается семь однородных, но различающихся по форме и некоторым моментам содержания определений традиции [81, р. 225].

Толковый словарь Вебстера более точно определяет понятие традиции, используя такие термины и формулировки, как «убеждения, обычаи, переходящие от поколения к поколению» или как «давно устоявшийся обычай или практика, признанная в качестве неписаного закона», или как «учения научных школ, переходящие к последующим поколениям» [82, р. 1544].

Традиция (от латинского слова *traditio* – передача, первоначально – покорение) – элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени.

В российских изданиях, в значительной мере принадлежащих советским авторам, традиции определяются как исторически сложившиеся и передававшиеся из поколения в поколение обычай и нормы поведения людей. П.В. Иванов и В.В. Луцкин, раскрывая данное ими определение традиции, отмечают такие его признаки, как устойчивость, повторяющийся характер сторон, свойств, отношений, явлений социальной действительности, указывают на их исторический характер, связь с понятием *обычай* и отличие от него. Подчеркивают преемственность поколений как закономерность развития общества, формой выражения которых являются традиции и обычай. Характеризуют их противоречивый характер – прогрессивность и реакционность. Они, в частности, верно подмечают, что наиболее зримо и действительно традиции проявляются «в период потрясений, период перехода к новым экономическим отношениям, в чрезвычайных ситуациях, в боевой обстановке и трудовых буднях» [27, стр. 6-7; 34].

Отмечают три основные группы традиций: революционные, боевые или военно-патриотические и трудовые, а также профессиональные, семейно-бытовые, национальные, спортивные, традиции искусства, культуры и т. д. [70, стр. 1348] Подобные определения характеристики понятия традиций даются и в работах других авторов. Некоторые отличия в определениях и формулировках понятия «традиции» касаются ее отдельных существенных

сторон и признаков. Ф. Энгельс, характеризуя сущность традиции, отмечал ее устойчивость, повторяемость, инерционный характер ее воздействия на людей. Он писал, что «традиция – это великий тормоз, это сила инерции в истории» [34; 45, стр. 272; 46, стр. 318]. В этом определении он характеризовал, прежде всего, буржуазные реакционные традиции. Великий педагог А.С. Макаренко указывал на связь традиции с культурой и привычкой. Он говорил: «Наша задача – не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но и воспитывать в себе правильные привычки, то есть такие привычки, когда мы поступали бы правильно, вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем потому, что мы так привыкли» [43, стр. 411]. Многие авторы отмечают нравственно-этическую, мобилизующую и нормативно-закономерную сущность традиции [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 19; 20; 22; 23; 24; 25; 26; 28; 29; 30; 31; 32; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 42; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 68; 69].

Соглашаясь с существенными характерными моментами определений понятия традиции, в них, в этих определениях, нельзя не отметить ряд важных моментов, которые не в полной мере выражают сущность традиции. Эти моменты выражаются в следующем.

Во-первых, недостаточно четко отражается исторический характер традиции. Любая традиция независимо от ее характера, социальной направленности и связи с прогрессом не существует отдельно от конкретного исторического этапа развития общества, от конкретных условий ее формирования, проявления и функционирования. Она не есть плод кратковременного промежутка времени, а является синтезированным следствием и результатом относительно длительного промежутка времени в развитии конкретного исторического типа общества, имеющего только присущие этому обществу социальные движущие силы, источники и экономические, социально-политические, научно-технические, духовные и естественно-природные условия развития. Для каждого исторического типа общества характерны *свои* традиции, отличные от традиций других исторических типов общества по своему характеру, формам проявления, социальной направленности и социальной роли.

Во-вторых, нельзя сводить сущность традиций только к обычаям или нормам поведения людей (П.В. Иванов, В.В. Луцкин). И названные авторы, и большинство отечественных и зарубежных авторов указывают на *множественную, разнородную, сложную и устойчивую* по характеру природу традиции. Традиция – это не только обычай, привычка или их совокупность. Она соединяет в себе в интегрированном виде и духовное, и материальное, и субъективное, и объективное начала. Ее сущность выражается в многообразии устойчивых форм проявления в виде *моделей и стереотипов отношений, сознания, поведения и деятельности*. Традиция – это не только стереотипы сознания, как говорят об этом многие западные авторы. Основу традиции составляют *объективные формы* поведения и деятельности, социальной практики людей, исторически определенных социальных общностей, групп и слоев населения. В ее корнях находятся исторически определенные по характеру типы способа производства, орудий труда, производственных отношений, сугубо конкретные естественно-природные факторы социальной практики.

Как модель сознания, мышления, познания, отношений, поведения и деятельности традиции представляют собой относительно устойчивый, многократно (и даже веками) повторяющийся *слепок* диалектически связанных между собой духовных и материальных элементов общественного сознания и общественного бытия, общественных отношений, поведения и деятельности.

Как *стереотипы* сознания, мышления, отношений, поведения и деятельности традиция представляет собой исторически сложившуюся *инерцию*, определенную *шаблонность, длительность*, а также *эталонность* различных идеальных и материальных форм системообразующих элементов традиции. Инерционность, шаблонность, длительность и эталонность характеризуют относительную устойчивость, неизменность, повторяемость традиций, с одной стороны, и *высшее качество* достигнутого уровня сознания, отношений, поведения и деятельности, с другой стороны. Поэтому нельзя подчеркивать только односторонний характер социальной роли традиции, ее прогрессивность или реакционность. В данном конкретном обществе они существуют и

взаимодействуют в диалектическом единстве, взаимодействии и противоречии. Для данной экономически и политически господствующей социальной силы традиция всегда является существенным элементом, цементирующим и стабилизирующим данную социальную систему. Поэтому мы не можем не различать исторически конкретные типы традиций: первобытные, рабовладельческие, феодальные, буржуазные, социалистические традиции.

Историческая типизация традиций не устраниет связи и преемственности различных поколений и понимания традиции как их связи и преемственности. Она предполагает и связь, и преемственность поколений как двуединый элемент сущности традиции, поскольку новый исторический тип общества не может возникнуть на пустом месте. Он всегда сохраняет в себе существенную и даже львиную долю элементов старого общества (например, производительные силы, достигнутый уровень духовного, материального и социального развития).

В-третьих, в указанном определении традиции не акцентируется внимание на один из самых существенных признаков ее сущности – *носителе* или субъекте традиции. Традиция не существует вне ее носителя. Каждому социальному носителю соответствует своя традиция ибо он, носитель, субъект, является источником возникновения и формирования традиции, ее движущей силой и пользователем. Характер, сущность субъекта традиции, его социальное положение, потребности и интересы определяют ее характер, социальную направленность и роль.

Основными носителями, субъектами традиции являются, прежде всего, различные социальные общности – классы, социальные слои, нации, народности, профессиональные группы, социально-политические и иные социальные образования. Среди указанных субъектов определяющее и решающее значение имеют классы, нации и социально-политические образования. Они, в свою очередь, определяются социальной структурой общества и, в конечном счете, способом производства, типом и формами производственных отношений.

Классы, как большие группы людей, занимающие исторически определенное место в общественном производстве, в отношении к средствам производства, способам распределения его результатов и размерам получаемого дохода

[41, стр. 15], определяют насущные и социально-необходимые общественные потребности и интересы, а, следовательно, и сущность, социальную направленность и роль традиций данного общества. От классов и классовой структуры общества зависит характер и социально-политическая, а также любая иная сущность традиций во всех сферах общественной жизни и, особенно, в ее социально-политической сфере. В первобытном обществе, как это хорошо показал английский ученый Л. Морган, не было классов, семьи, государства, эксплуатации человека человеком. В нем не было и классовых, а также государственно-правовых и семейных традиций. У ирокезов, среди которых Л. Морган [77] прожил почти 40 лет, главной традицией была верность общинным устоям, незыблемость нравственных правил и обычаев, обусловленных имевшимися у них орудиями труда и сложившимися на их основе способами добывания средств к существованию. Ирокез, грубо нарушивший общинные устои (племени, рода), просто изгонялся из племени. Это было самым суровым наказанием, поскольку в одиночку он не мог защитить себя от противостоящих ему сил природы и стихии.

В Древней Греции и, в частности, в Спарте важнейшей была проблема сохранения господства рабовладельцев. У спартанцев была традиция: они регулярно объявляли и проводили так называемые «криптии», то есть походы в сельские местности, где проживали бесправные и нередко становившиеся рабами илиоты. Зверски убивали наиболее сильных из них. Военный характер спартанского господства способствовал сохранению в среде спартиатов пережитков доклассовых отношений, таким пережитком была значительная обобществленность быта спартиатов, связанная с их полным устраниением от хозяйственной деятельности и столь же полным превращением их в военный господствующий класс [17, стр. 95]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Римской империи [48].

Недостаточная четкость и определенность социально-классовой структуры общества, ее разнородный и неоднозначный (переходный) характер обуславливает нечеткость и менее устойчивые формы классовых, а также социально-политических традиций. Возврат России к новым производственным отношениям означал и ломку прежних революционных, боевых и трудовых

советских традиций, отказ от них, в том числе, в официальной политике и идеологии [21].

Нации и иные национальные образования (народности, национальные меньшинства, этнические группы) являются основополагающими субъектами национальных традиций. Именно эти субъекты заключают в себе все существенные и веками накопленные модели и стереотипы общественных отношений, сгустки социального опыта и характерного для них способа мышления, поведения и деятельности. Это не значит, что на них не оказывают влияния традиции других субъектов – нации, народностей, даже иных государственных образований. Данное обстоятельство становится предметом в том числе и самостоятельного научного анализа [64; 65; 66; 67].

Вместе с тем, возможна ситуация, когда все они превращаются в единую гражданскую нацию, как это имеет место в России.

«Историческая Россия, – отмечает В.В. Путин, – не этническое государство и не американский «плавильный котел», где, в общем-то, все, так или иначе – мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки. Как и этнические татары, евреи, белорусы...».

Русская государственность имеет особый характер. Об этом писал в свое время Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инословную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство».

Стержнем, скрепляющим ткань этой уникальной цивилизации, является русский народ, русская культура. Русский народ уже давно самоопределился.

«Самоопределение русского народа, – по мнению В.В. Путина, – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным

ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей» [3].

Особенной национальной традицией японцев и Японии является культ солнца, приверженность вековым преданиям, позволяющая им сохранять свою национальную самобытность и устойчивость от внешнего воздействия, их особый национальный патриотизм. Японцы начинают свою историю с богов. Как гласит предание, в давние дни в пустом ненаселенном пространстве обитали три божества, известные под именами «Владыка всего неба, Высокий производитель и Божественный производитель». От двух последних произошли Солнце и Луна, отчего вместо трех явилось пять богов неба. И в наши дни национальное знамя Японии до сих пор имеет гербом красное солнце, поднимающееся из пустого пространства. И недаром Японию называют страной восходящего солнца [71, стр. 17-18].

Социальный носитель или субъект является решающим критерием систематизации традиций, их классификации по характеру носителя (субъекта). Он определяет и множественность критериев такой систематизации, поскольку является главным решающим элементом и сознания, и поведения, и деятельности. Множественность потребностей, интересов предопределяет и бесконечное многообразие форм поведения и деятельности, как и сфер их проявления.

Основными критериями систематизации традиций является их субъект, характер и сфера проявления. По субъекту традиции классифицируются на классовые, общесоциальные, национальные, этнические, семейные. Внутри этих систем имеется своя классификация: традиции рабочего класса, господствующего класса (рабовладельческие, феодальные, буржуазные и т. д.), национальные традиции (русские, украинские, английские и т. п.). По характеру традиции могут быть прогрессивные и реакционные. По сфере проявления система традиций включает: трудовые, производственные, профессиональные, боевые, бытовые, культурные, научно-технические, спортивные и пр.

И при такой многоликиости ситуаций очень важно видеть «единство в многообразии». Необходимо не только видеть различия, но и пытаться найти общее, в том числе находить общие для всех

ценности. Например, для представителей России таким общим является наша поликультурная общность, опирающаяся на культуру, историю, идентичность. «Многие граждане СССР, оказавшиеся за рубежом, называли себя русскими...», – пишет В.В. Путин. – Причем сами считали себя таковыми независимо от этнической принадлежности. Интересен и тот факт, что этнические русские нигде и никогда, ни в какой эмиграции не составляли устойчивых национальных диаспор, хотя и численно, и качественно были представлены весьма значительно. Потому что в нашей идентичности – другой культурный код.

Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар.... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознания «свой-чужой» определяется общей культурой и общими ценностями.

Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [3].

В-четвертых, в традиционном определении понятия традиции совершенно упускается ее двуединая объективно-субъективная природа. Понятие традиции связывается с социальной психологией, то есть с субъективной стороной традиции. С этим трудно согласиться, поскольку традиция по своей природе есть множественное, системное объективно-субъективное понятие. Важнейшей и определяющей стороной традиции является ее объективная сущность. Традиция – это не столько модель или стереотип сознания, мышления, сколько модель и стереотип общественных отношений, поведения и деятельности. Общественные отношения как отношения между людьми в процессе их общественного бытия составляют глубинный

коренной элемент традиции. Определенные порядок, характер, строй, структура, формы общественных отношений являются прародителями возникновения и формирования моделей, стереотипов и эталонов сознания, поведения и деятельности.

Двуединая сущность традиции состоит в том, что она органически заключает в себе диалектическое единство общественного бытия и общественного сознания, материального и духовного. Она, эта сущность, интегрирует в себе единство и противоречивость элементов социальной психологии, идеологии, науки и материализованных форм их реализации в общественных моделях и формах общественных отношений, поведения и деятельности. Единство и одновременно противоположность, а также бесконечное многообразие материального и духовного с неизбежностью порождают и единство, и противоречивость, а также сложность и системность традиции, множественность и системность критерии ее систематизации. Традиции и традиционализм многообразны по сферам и формам своего проявления. Они присущи всем сферам производства, экономики, политики, права, духовного мира людей.

В-пятых, подчеркивание элемента сохранения и передачи сложившихся стереотипов сознания, поведения и деятельности, разумеется, является существенным для понимания сущности традиции. Но нельзя не подчеркивать, не выделять диалектический и противоречивый характер такой передачи. Преемственность поколений людей не означает лишь количественный эволюционный характер общественного развития. В традициях в концентрированном виде сосредотачиваются разные и даже противоположные по характеру и социальной роли традиции – и прогрессивные, и реакционные, и эволюционные, и революционные. И все же ведущую роль играют прогрессивные, революционные традиции, создающие новое качество и новый уровень общественного бытия и общественного сознания, которые в свою очередь рождаются только через борьбу социальных носителей традиций и преодоление имеющихся между ними противоречий.

Вот почему В.В. Путин ставит задачу: «Нам надо выстроить такую модель государства, цивилизационной общности с таким устройством, которая была бы абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто считает Россию своей

Родиной» [3].

Поколения как исторические и социальные общности, характеризующиеся существенными возрастными и социальными характеристиками, обнимают самые разные классовые и национально-этнические слои населения, между которыми имеется и много общего, единого в интересах, потребностях, способах их удовлетворения, и много противоречивого. Разрешение этих противоречий является источником рождения новых поколений, новых носителей и новых традиций. Традиции выражают не только преемственность и непрерывность поколений, но и их исторически строго определенную пространственно-временную протяженность, относительно определенные временные и пространственные рамки жизнедеятельности.

В-шестых, указанное выше понятие традиции обходит и такой важный признак этого понятия, как решающую роль социальной практики в возникновении, формировании и развитии традиции. Социальная практика как исторически-обобщенная деятельность человечества по преобразованию природы и самого себя является основой, движущей силой возникновения и реализации традиции, а также критерием определения ее характера по отношению к прогрессу общества. Традиция формируется только в процессе совокупного социального опыта, практики общественных отношений во всех их бесконечно многообразных формах проявления. Устойчивые модели и стереотипы этих отношений складываются только в результате определенных количественных и качественных изменений в их характере и параметрах [47, стр. 364].

Сказанное позволяет дать обобщенное авторское определение понятия традиции. Если употреблять это понятие во множественном числе, оно может быть следующим.

Традиции – это исторически сложившиеся, повторяющиеся и сохраняющиеся модели и стереотипы сознания, отношений, поведения и деятельности социальных общностей (народов, наций, классов, социальных слоев и групп населения), исторически сложившиеся на основе их совокупного опыта, культуры и социально-политической практики и передаваемые последующим поколениям. Они являются относительно самостоятельным структурным элементом социальной психологии данного общества, предметно-чувственной и теоретико-

практической деятельной формами отражения и проявления их истории и всех сторон жизнедеятельности.

Категория «*традиция*» созвучна, сопоставима и является смежной с понятием «*традиционализм*». Некоторые авторы прямо отождествляют эти два понятия. Но это, хотя и смежные, но различные понятия. *Традиционализм* – это совокупность взаимосвязанных, концентрированных и исторически повторяющихся форм общественного сознания, общественных отношений, поведения и деятельности, выражающих их строго определенную идеиную и социальную направленность. Иными словами, традиционализм – это определенное учение и практика реализации строго определенных форм сознания, отношений, поведения и деятельности. Традиционализм включает сами традиции. Он отражает строгую социальную направленность их содержания и практики применения. Подчеркивает однозначность и неизменность традиций с акцентом на субъективно-идеальную сторону их сущности и содержания.

Общее понятие традиции и традиционализма является исходным для определения понятий «традиции полиции» и «корпоративный традиционализм полиции», поскольку они, полицейские традиции и полицейский традиционализм, являются составной частью общих традиций и любого традиционализма. Особенности этих понятий обусловлены спецификой их носителя (субъекта), сферы проявления и практики применения.

Субъектом традиции полиции являются органы внутренних дел России как государства и как социальной системы. По Конституции РФ, Российская Федерация является правовым, демократическим, федеративным государством с республиканской формой правления. Разумеется, фактическая сущность РФ как государства достаточно далека от конституционных постулатов [1]. В любом из названных элементов сущности этого государства имеются существенные противоречия, которые характерны как для государства в целом, так и для его системообразующих элементов, одним из которых является полиция. Высокие конституционные принципы являются основополагающими и для организации и деятельности ОВД. Органы внутренних дел, полиция – один из элементов аппарата принуждения (насилия), являющегося

неотъемлемой составной частью сущности любого государства. Однако исторический тип и форма государства определяют характер, социальную сущность и социальное предназначение указанного аппарата. Еще более конкретны исторические условия и практика реализации традиций. Она всегда оформляется в виде определенного учения, определенной идеологии и в виде строго определенных принципов, форм, методов и способов политической пропаганды, общественной психологии, извлекаемых из анналов истории и применяемых к конкретным социальным условиям и обстоятельствам [27, стр. 12-18].

Полиция призвана всемерно охранять и защищать законные интересы, права и свободы личности, человека и гражданина, безопасность государства и общественный порядок [2]. Конституционные принципы деятельности ОВД реализуются на практике с учетом характера, степени остроты и форм проявления социальных противоречий российского общества и государства [33, стр. 70-77].

Сущность, место и социальная роль полиции определяют и сущность, содержание, формы проявления, а также социальную роль и направленность их традиций. Они являются первостепенными для определения их понятия. Они подчеркиваются в имеющихся в юридической литературе определениях понятия традиций полиции. Типичным является их следующее определение. Традиции ОВД (полиции) – это совокупность или система требований, норм, которые выражают принципы организации и деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью и охраняющих правопорядок. Акцент в этом определении делается на принципы организации и деятельности органов внутренних дел и на их социальное предназначение.

Указанное определение совсем не учитывает характерных и существенных признаков общего понятия традиции, о которых сказано выше. Не учитывает оно и тех признаков этого понятия, которые содержатся в его авторском определении в настоящем исследовании.

По характеру и сфере проявления традиции полиции являются социально-политическими. Политические отношения и государственно-правовые формы их проявления и реализации являются определяющими и решающими для их сущности и роли. Это отношения между

государством, его органами, к которым относятся и полиции, и личностью, обществом, а также отношения между органами государства, то есть внутригосударственные, а также межгосударственные отношения. Социально-политический характер этих отношений обуславливает и их социально-политическую сущность, с одной стороны.

С другой стороны, любое государство, его сущность неотделимы от права и его политико-правовых отношений. Закон, право являются формой реализации политики. Государственно-правовые формы выражают и государственно-правовой характер сущности и форм проявления традиций полиции. Их воздействие как на ОВД, так и на всю социальную систему российского общества. Подробная характеристика особенностей традиций полиции нуждается в самостоятельном исследовании.

Корпоративный традиционализм полиции характеризует следующие существенные признаки сущности и практики применения полицейских традиций. Он имеет в виду, во-первых, совокупность, множественность этих традиций, их взаимосвязь и последовательность. Во-вторых, подчеркивает объединенность традиций в одно целое в виде определенного учения и определенной социальной (политической) практики. В-третьих, особо выделяет, с одной стороны, ведомственную, государственно-правоохранительную и полицейскую принадлежность традиций и, с другой стороны, их приверженность давним, исторически-конкретным постулатам и формам.

С учетом сказанного можно сделать следующие выводы:

1. *Традиции полиции* – это государственно-правовые устойчивые модели, эталоны и формы общественного сознания, отношений и деятельности органов внутренних дел государства, исторически сложившиеся на основе совокупного опыта, культуры и социально-политической практики, передаваемые предыдущими и

воспринимаемые последующими поколениями органов внутренних дел.

2. По своему месту в общей системе национально-государственных традиций и традиционализма традиции полиции являются их неотъемлемой составной частью. Для традиций полиции и полицейского традиционализма как органической части общих традиций и традиционализма характерны, с одной стороны, общие признаки, выражающие сущность любой традиции и любого традиционализма, а также их особенные признаки, характеризующие сущность органов внутренних дел как важнейшего системообразующего элемента государственности.

3. Корпоративный традиционализм полиции – это учение и практика применения органами внутренних дел (полицией) конкретно-исторических взглядов и форм борьбы с преступностью, охраны прав и свобод граждан, общественной безопасности и общественного порядка.

4. Прямая связь с политикой и всем общественным строем общества, историческим типом социальной системы и историческим типом государства, их зависимость от общественно-политических атрибутов – главная и решающая отличительная особенность сущности традиций полиции и полицейского корпоративного традиционализма.

5. Указанная особенность определяет государственно-правовые формы характера, содержания, реализации и социальной роли традиций и традиционализма полиции. По своему характеру, содержанию и формам проявления традиции и традиционализм полиции являются не только единством, но и противоположностью двух сторон: социально-политической и государственно-правовой. Социально-политическая сторона их сущности выражается в политической природе и сфере проявления. Государственно-нормативная, политико-правовая форма их содержания является необходимой стороной этой сущности.

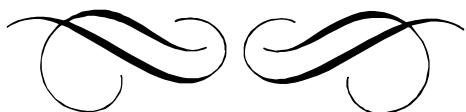
Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: официальный текст. – М., 1999.
2. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
3. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – № 7(5493). – 23 января.
4. Алиев Я.Л. Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность. – СПб., 2006.

5. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – Ростов-на-Дону, 2004.
6. Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. – Ростов-на-Дону, 2003.
7. Баранов П.П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания: Избранное. – Ростов-на-Дону, 2005.
8. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999.
9. Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб, 2003.
10. Гришин А.А. Моральный фактор в деятельности органов внутренних дел. – М.: МЮИ МВД России, 1995.
11. Гутман М.Ю. Зарождение традиций Ленинградской милиции // Вопросы идеологической, массово-политической работы в ОВД. – Л., 1985.
12. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
13. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб., 1996.
14. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Хальзов В.И., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
15. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Основы педагогической психологии высшей школы МВД России. – СПб., 2000.
16. Десятерник В.И. Революционные традиции – молодому поколению. – М.: Мысль, 1980.
17. Древняя Греция / Отв. ред. В.В.Струве и Д.П. Каллистов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
18. Дреев О.И. Роль национальных обычаев и традиций в социальной регуляции поведения. – Л.: ЛГУ, 1982.
19. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница. – СПб., 2003.
20. Егоршин В.М. Милиция, полиция, шерифат, или тайны правоохранительных органов: (о сотрудничестве милиции СССР с полицией США). – СПб.: Экополис и культура, 1994.
21. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. – М., 1996.
22. Ермолович Г.П. Население и полиция. Противостояние преступности в США / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2000.
23. Ершов Ю.А. Полиция России в постперестроечный период: Комплектование, профессиональная подготовка и социальная защищенность (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998.
24. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научно-методологического семинара. 28-30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
25. Зуев Ю.П. Роль социалистической обрядности в идеально-нравственном воспитании советских людей: Традиции, обряды, современность / Под ред. В.А. Зац. – Киев: Политиздат Украины, 1983.
26. Зыбин С.Ф. Аппараты по работе с личным составом в органах внутренних дел. – СПб.: СПб. юридический институт МВД России, 1996.
27. Иванов П.В., Луцкин В.В. Воспитание сотрудников на традициях органов внутренних дел: Учебное пособие. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2002.
28. История органов внутренних дел / В.В. Перфильев, А.В. Лучинин, А.В. Шиловцев и др. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 1998.
29. История органов внутренних дел России. Краткий исторический очерк: Учебное пособие / Сост. Т.М. Занина. – Воронеж: ВИ МВД России, 1999.
30. История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.М. Масленников, В.П. Сальников. – СПб., 1998.
31. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). – Ярославль, 1992.
32. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989.
33. Кваша Л.Ф. Конституционно-правовые основы деятельности российской милиции. – М.: Академия управления МВД России, 2000.
34. Кожанов В.И., Бочарова Р.А. Революционным, боевым и трудовым традициям верны. – М.: Просвещение, 1982.
35. Кожин И.А., Луканичев А.П. Из опыта пропаганды революционных, боевых и трудовых традиций Московской краснознаменной милиции: Материалы к лекции / Под ред. Р.С. Мулугаева. – М., 1973.
36. Колганов В.М. Культурные традиции русской армии и флота. – М., 1994.
37. Колодкин Л.М. Государственная кадровая политика в системе работы с кадрами в органах внутренних дел // Организация работы с кадрами в органах внутренних дел: Курс лекций. – М.: Академия управления МВД России, 1997.
38. Корчагин О. И., Башкин А.В. Первые годы ленинградской милиции. – Л., 1967.
39. Крылов Б.С. Полиция Великобритании. Основные черты организации и деятельности: Учебное пособие. – М.: ВШ МВД России, 1974.
40. Кукушин В.М. Проблемы повышения авторитета и престижа сотрудников ОВД среди населения. – СПб., 1996.

41. Ленин В.И. Великий почин // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 45.
42. Лысенко В.В., Сальников В.П., Сизиков М.И., Филиппова С.В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции в дореволюционный период. – СПб., 1996.
43. Макаренко А.С. Сочинения. Т. 5. – М., 1961.
44. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Гл. I: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1. – М., 1970.
45. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. – М., 1961.
46. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. – М., 1961.
47. Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики / Под общ. ред. Н.Д. Табунова и В.А. Бокарева. – М.: Воениздат, 1982.
48. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во «Акра», 2006.
49. Министерство внутренних дел России: 1802 – 2002 гг. Исторический очерк в 2-х томах / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
50. Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802-2002) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
51. Морозов В., Сергеевин В. Эволюция английской полиции // Международный опыт правоохранительной деятельности. Ч. 1. – Владимир, 1997.
52. Невирко Д.Д. Социология милиции (социологический аспект подготовки кадров для органов внутренних дел). – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000.
53. Плахов В.Д. Традиции и общество. – М.: Мысль, 1982.
54. Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
55. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
56. Психологический механизм юридического поведения личности / Под научной ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
57. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
58. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Алитейя, 2000.
59. Сотрудник органов правопорядка: Прохождение службы, обеспечение, правовая и социальная защита / С.В.Степашин, А.В. Коровников, О.Е. Кутафин. – М.: АСТ-Пресс, 1999.
60. Традиции и обычаи русского народа. – СПб., 1999.
61. Традиции, обряды, современность: Сборник статей межреспубликанского филиала института научного атеизма Академии общ. наук при ЦК КПСС / Сост. В.Н. Горовой и др. – Киев: Политиздат Украины, 1983.
62. Файкс Г. Большое ухо Парижа. Французская полиция: История и современность / Пер. с нем. Автор вст. статьи В.М. Гиленсен. – М.: Юрид. лит., 1981.
63. Чарльз М.Т. Современное состояние и перспективы профессиональной подготовки сотрудников полиции (милиции) США и России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Алитейя, 2000.
64. Чибинев В.М., Макаров Д.А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление Древнерусского государства. – СПб.: Лема, 2008.
65. Чибинев В.М. Проблемы влияния Воряжских и Византийских традиций на формирование государственности древней Руси. – СПб.: Лема, 2010.
66. Чибинев В.М. Проблемы формирования и развития государственности и права в Волжской Булгарии в VII – XIII вв. – СПб.: Лема, 2011.
67. Чибинев В.М. Проблемы формирования и развития государственности и права в Хазарском каганате в VII – X вв. – СПб., 2011.
68. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 2010.
69. Шамаров В.М., Лойт Х.Х. Воспитательная работа с личным составом органов внутренних дел: Пособие / Под ред. А.А. Прошина, В.П. Сальникова. 2-е изд., перераб. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
70. Энциклопедический словарь. – М., 1987.
71. Япония. Историко-этнографический очерк. – М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1901.
72. Acton H.B. Tradition and some other forms of order. Proc. Of the Ar. Soc; 952/ 53.
73. Boyer P. Tradition as truth and communication. A cognitive description of traditional discourse. – New York: Cambridge, 1990.
74. Feyerabend. Science in a free society. – N.Y., 1972.
75. Maklntyre Alasdair. After Virtue. London, 1981.
76. Maklntyre Alasdair. Whose Justice? Which rationality? – London: Duckworth, 1988.

77. Morgan L.G. Ancient Society. –London, 1878.
78. Nietzsche F. Untimely Meditations / Transl. By R.J. Hollingdale with an Introduction by J.P. Stern. Cambridge Univ. Press. 1983.
79. Nisbet R.A. Tradition and revolt. With a new introduction by Robert G. Perrin. New Brunswick, London: Transaction Publishers New Brunswick, 1999.
80. Nyiry C J. Tradition proceedings of an international research workshop at IFK. Vienna. 10-12 June.1994. Edited by Cristoph J. Nyiry. Wien. 1995.
81. The Oxford English dictionary. Vol. 11. Oxford. 1970.
82. Webster's new world dictionary. Canada, 1968.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ПРАВО НА ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К АКСИОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗМЕРЕНИЮ

Аннотация. В статье предпринята попытка подойти к соматическим правам человека с позиций аксиологического измерения. Жизнь и тело человека предлагается рассматривать как социальную ценность.

Обосновывается мысль о том, что жизнь человека – это высшая социальная ценность, особое состояние и свойство не только и не столько физиологическое, сколько социальное. Она рассматривается в контексте общественного бытия.

Автор анализирует нормы Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, других международных документов, национальное законодательство, выступления руководителей государств приходит к выводу, что многие из них декларируют отношение к жизни человека как наивысшей ценности. Обеспечить такое отношение в реальности обязаны государства и общества, где должны господствовать гуманистические взгляды, отводящие человеческой жизни соответствующее место в иерархии моральных ценностей.

Любопытные, хотя и не бесспорные, мысли высказываются автором по целому комплексу соматических прав. Главная его идея – должна существовать мировоззренческая уверенность в «праве» человека распоряжаться своим телом и его органами, т. е. создавать и ликвидировать их, «реставрировать» или «модернизировать».

Ключевые слова: право на жизнь; право на тело человека; соматические права; социальная ценность; безопасность человека; духовная атмосфера; иерархия моральных ценностей; телесное и духовное начало.

BABADZHANOV I.Kh.

THE RIGHT TO LIFE AND THE RIGHT TO HUMAN BODY: SOME APPROACHES TO AXILOGICAL DIMENSION

The summary. The article presents a attempt to approach to somatic human rights in terms of axiological dimension. Human life and body are proposed to consider as a social value.

The substantiated idea is that human life is the highest social value, a special state and attribute not only and not so much of physiological nature as of social one. It is considered in the context of social being.

The author analyzes the norms of the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, other international documents, national laws, speeches of states leaders comes to the conclusion that many of them declare the attitude to human life as the highest value. Ensuring such an attitude in reality has to be provided by states and societies

where humanistic views assigning an appropriate place in the hierarchy of moral values for human life should rule.

Interesting, though not undisputed, thoughts are expressed by the author on a wide range of somatic rights. His main idea is that there must exist the world-view assurance in the “right” of individual to dispose of his or her body and its organs, i.e. create and eliminate them, “restore” or “upgrade”.

Key words: right to life; right to human body; somatic right; social value; human safety; spiritual atmosphere; hierarchy of moral values; body and spiritual origin.

Среди всех прав человека приоритетное место должно быть отведено праву на жизнь. Высшей ценностью любого демократического общества является жизнь человека. Право на жизнь, возглавляющее систему гражданских прав человека, закреплено в международных нормативных актах (Всеобщей декларации прав человека, Международном Пакте о гражданских и политических правах, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и т. д.), а также в большинстве конституций стран мира.

Сегодня человеческая жизнь рассматривается в качестве одной из высших социальных ценностей. При этом ценностное восприятие человеческой жизни предполагает, что жизнь является особым состоянием, свойством, но не только и не столько физиологическим, сколько социальным. Ценностное значение жизни определяется не тем, что она присуща человеку от природы, не просто в силу особенностей жизни как таковой, как особого явления, а в силу того, что она рассматривается в контексте общественного бытия. Она представляет социальную значимость в силу того, что человек, наделенный жизнью, становится субъектом определенных общественных отношений [4; 9; 13; 42; 45; 46; 56; 86]. При этом как любая социальная ценность [8; 16; 29; 30; 36; 47; 49; 55; 61; 63; 68; 79; 80, стр. 307-312; 83, стр. 313-328] носит ориентирующий характер. По отношению к субъекту (человеку) она выступает объектом его интересов, а для его сознания исполняет роль повседневного ориентира в предметной и социальной действительности, обозначения его практического отношения к окружающим явлениям.

Отношение к человеческой жизни как наивысшей ценности нашло отражение и во многих иных актах, закрепляющих в той или иной редакции положения ст. 6 упомянутого Пакта. Так

Африканская хартия прав человека и народов закрепляет неприкосновенность жизни, право каждого на уважение его жизни и целостности его личности. Американская конвенция о правах человека декларирует защиту законом права каждого на жизнь, устанавливая запрет произвольного лишения жизни.

Данное право зафиксировано и в ст. 2 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В сущности, цель ст. 2 также заключается в защите лиц от незаконного лишения жизни. Эта защита обеспечивается комплексом обязательств, возлагаемых на государства – участников Конвенции.

Однако любые усилия государства по созданию условий эффективного осуществления права на жизнь будут тщетны, если духовная атмосфера общества будет отравлена изнутри, если идеи жизни как высшей ценности не будут питать общественное сознание, не проникнут во все клеточки организма, именуемого социумом. О состоянии духовного здоровья общества можно судить по господствующим в нем гуманистическим воззрениям, отводящим человеческой жизни определенное место в существующей иерархии моральных ценностей.

Именно моральные ценности играют трудно переоценимую роль в социальном служении в преодолении разобщенности людей, формировании доверия и готовности понимать и помогать друг другу, в обеспечении свободы и права на достойную жизнь. «Общество свободных людей, – отмечает В.В. Путин, – совсем не тоже, что толпа одиноких разобщенных эгоистов, безразличных к общему благу... Личная свобода продуктивна, если ты помнишь и думаешь о других. Свобода без нравственной основы – превращается в произвол».

Доверие между людьми складывается только тогда, когда общество скреплено общими ценностями и люди не утратили способность к

вере, когда в нем господствуют честность, чувство справедливости, когда существует уважение к правовому закону, а он в качестве самой главной социальной ценности объявляет жизнь человека» [2]. Еще в первом своем Президентском послании Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года Д.А. Медведев в качестве главных ценностных ориентиров назвал, наряду со справедливостью, свободой, семейными традициями и патриотизмом, **жизнь человека** [1].

С появлением в Конституции Республики Таджикистан ст. 18, закрепляющей право на жизнь, исчезла необходимость рассмотрения жизни как одного из элементов физической неприкосновенности. Современный взгляд на физическую неприкосновенность как объект правовой защиты позволяет определить ее как состояние организма человека, характеризующееся отсутствием воздействия любого рода, имеющего целью нарушение анатомической целостности организма и естественного протекания физиологических процессов. В то же время действия, направленные на вторжение в сферу физической неприкосновенности, нередко обуславливают возникновение непосредственной угрозы в отношении жизни.

Безусловно, физическая свобода, как и личная неприкосновенность, необходимые факторы успешной реализации права на жизнь. Нельзя не согласиться с тем, что человек, будучи лишенным физической свободы, в зависимости от форм лишения (связывание на долгое время, помещение в холодную и сырую камеру и т. п.) может быстро утратить и здоровье, и жизнь. В силу этих и других обстоятельств некоторые современные исследователи полагают, что жизнь, здоровье и физическая свобода – это блага, являющиеся биологическими характеристиками человеческого существования и при этом настолько тесно связанные между собой, что составляют единый объект – личную безопасность человека. Однако стоит отметить, что право на свободу и личную неприкосновенность, провозглащенное во Всеобщей декларации прав человека и Международном Пакте о гражданских и политических правах, является самостоятельным гражданским правом человека.

Право на тело и его юридическая регламентация как центральная проблема исследования охватывает целый комплекс соматических прав,

которые основываются на мировоззренческой уверенности в «праве» человека распоряжаться своим телом и его органами, то есть создавать и ликвидировать их, «реставрировать» или «модернизировать». В этот комплекс следует, в первую очередь, включить право на трансплантацию органов и тканей человека, право на аборт, клонирование, искусственное репродуктирование и, наконец, право на смерть [3; 5; 6; 7; 10; 11; 12; 14; 15; 17; 18; 19; 20, стр. 90-112; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 31; 32, стр. 95-102; 33; 34; 35; 37, стр. 151-174; 38, стр. 6-11; 39, стр. 39-47; 40; 41; 43; 44, стр. 126-131; 48, стр. 14-33; 50; 51; 52, стр. 420-437; 53; 54; 57; 58; 59; 60; 62; 64; 65; 66; 67; 69; 70; 71; 73; 74; 75; 76; 77; 78; 81; 82; 84, стр. 460-467; 85]. Именно эти аспекты столь широкой темы могут и должны быть в центре внимания при проведении исследования, по проблемам права на жизнь и права на тело человека.

Заметим, что задача не должна сводиться лишь к поискам упрощенного ответа на вопрос – имеет ли человек право распоряжаться своим телом или нет? Важнее проследить эволюцию человеческой мысли и поступков в этом вопросе и провести сравнительный анализ соответствующего законодательства в его исторической ретроспективе. Права имеют сугубо личностный характер и определяются как «соматические» [72, стр. 14.]), необходимо учитывать, что сам человек воплощает в себе телесное и духовное начала. Третье тысячелетие знаменует начало перехода к новой социально-культурной парадигме, которая влечет за собой создание этики нового правопонимания, а также более глубоких представлений о самом человеке и его правах. Эти проблемы с учетом новых научных достижений и социального опыта нуждаются в специальных разработках, и их успех будет зависеть от усилий целой группы специалистов – представителей различных областей знаний [72, стр. 9].

Попытки ученых связать право на жизнь с содержанием гражданских, социальных и других прав и свобод лишний раз подчеркивают его огромную, роль в полноценном существовании человека. Во-первых, вышеназванные права и свободы выступают своеобразной гарантией права на жизнь, во-вторых, обладание правом на жизнь является, в свою очередь, предпосылкой осуществления всех иных прав и свобод. Если жизнь является объектом посягательства, то теряется смысл в достижении каких-либо иных благ.

В теории естественного права, в философии прав человека действует своего рода презумпция достоинства человека. Гуманизм данного подхода сформулирован во Всеобщей декларации прав человека и заключается в безусловном утверждении, что все люди – члены одной человеческой семьи, и они рождаются, уже обладая достоинством, и в человеческом достоинстве все равны. По природе люди наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства, в духе уважения достоинства, прав и свобод другого человека.

Достоинство человека – предпосылка его прав и свобод. Только через отношения, только через совместную жизнь людей, через сравнение с чем-то другим может быть выражено достоинство человека. «Ценность, лежащая в основании естественного права, есть достойная, внутренне самостоятельная и внешне свободная жизнь всего множества индивидуальных духов, составляющих человечество», – писал русский философ И. Ильин.

Такая жизнь возможна только в виде мирного и организованного равновесия субъективных притягивающих кругов равновесия, каждому одинаково обеспечивающего возможность духовно достойной жизни, потому нарушающего это равенство лишь в сторону справедливости.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что право на жизнь – одно из важнейших личных прав, гарантирующих существование человека как биологического существа и субъекта общественных отношений. Несмотря на разные подходы в понимании содержания этого права, существует некое ценностно-обобщающее начало, позволяющее придать праву на жизнь общечеловеческое значение. На наш взгляд, это общечеловеческое значение усматривается, прежде всего, в том, что право на жизнь в контексте любой национальной правовой культуры рассматривается как сложное системное явление,

как комплекс представляющих социальную ценность субъективных возможностей человека, в совокупности определяющих его способность к физиологическому и социальному существованию.

Как справедливо отмечает О.Э. Старовойтова [72], новейшие биомедицинские технологии принесли избавление от многих серьезных недугов. Однако наряду с предоставлением огромных положительных возможностей новые научные достижения стали источником определенных трудностей. В частности, уже давно требуют юридического решения вопросы, связанные с определением начала человеческой жизни и ее конца, с юридическим статусом коматозных больных, человеческого эмбриона, с допустимостью вмешательства в генетические характеристики человека.

Многие достижения биомедицинской науки в силу своей крайней востребованности начинают применяться, так и не получив надлежащей регламентации со стороны закона. Право на тело и его юридическая регламентация целый комплекс соматических прав, которые основываются на мировоззренческой уверенности в «праве» человека распоряжаться своим телом и его органами, то есть создавать и ликвидировать их, «реставрировать» или «модернизировать». Современные биомедицинские знания позволяют настолько глубоко проникнуть в человеческую сущность, что человек сам становится ее произведением. Особенно ярко эта новая тенденция медицины проявляется в генетических технологиях – в генетической инженерии, клонировании человека; в репродуктивных технологиях – в экстракорпоральном оплодотворении и т. д.

Некоторые вопросы, затронутые в настоящей статье, имеют дискуссионный характер, что обосновывает важность их анализа и предложений по урегулированию в законодательном порядке.

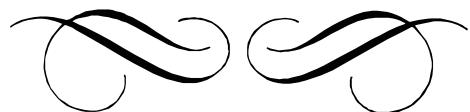
Список литературы

1. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г. // Российская газета. – 2008. – № 230. – 6 ноября.
2. Путин В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 2012. – № 05(28512). 16 января.
3. Актуальные проблемы пересадки органов / Под ред. Ю.М. Лопухина. – Вып. 3. – М.: Медицина, 1978.
4. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971.
5. Бабаджанов И.Х. Гносеология правовой танатологии (теоретико-правовые аспекты учения о смерти). – Душанбе, 2009.

6. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. – Душанбе: «ЭР-граф», 2011.
7. Бабаджанов И.Х. Правовая жизнь и смерть как правовое состояние и специфическое юридическое явление // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 8-16.
8. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасanova С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 135-147.
9. Бахрах Д.Н. Индивидуальные субъекты административного права // Государство и право. – 1994. – №3. – С. 16-24.
10. Бердяев Н. О самоубийстве. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
11. Быкова С., Юдин Б., Ясная Л. Что думают об эвтаназии врачи? // Врач. – 1994. – №4.
12. Вольтер М.Ф. О самоубийстве // М.Ф. Вольтер Избранные произведения по уголовному праву и процессу. – М.: Юридическая литература, 1956.
13. Герасименко Ю.В. Лица, не являющиеся гражданами России, как субъекты конституционно-правовых отношений // Государство и право. – 2002. – №6. – С. 22-28.
14. Гиацинтов А.Н. Аборт и его социальные последствия // Церковь и медицина на пороге третьего тысячелетия. – Минск: Изд-во Белорусского экзархата. – М.: Новая книга, 1999.
15. Глушков В.А. Социологические и правовые аспекты эвтаназии // Социологические исследования. – 1992. – №7.
16. Горбачев В.Г., Растигчин В.Г., Тищенко В.И. Культурные ценности. – М., 1994.
17. Горелик И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. – Минск: Выс. шк., 1971.
18. Громов А.П. Эвтаназия // Судебно-медицинский эксперт. – 1992. – №4.
19. Гулациль П.Ф. Самоубийство с древнейших времен и до наших дней. Исторический очерк философских воззрений и законодательства о самоубийстве. – СПб., 1990.
20. Гюбнер Ю. Самоубийство в С.-Петербурге (материалы для нравственной статистики) // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1868. – №3.
21. Дзедушицкий М. Самоубийство. – Киев: Типография Е.Я. Федорова, 1877.
22. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М., 1994.
23. Ефремов В.С. Основы суицидологии. – СПб.: Диалект, 2004.
24. Ефремов В.С. Самоубийство в художественном мире Достоевского. – СПб.: Диалект, 2008.
25. Зильбер А.П. Трактат об эвтаназии. – Петрозаводск: Петр. ГУ, 1998.
26. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. – М., 2006.
27. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. – М., 2006.
28. Карамзин Н.М. О самоубийстве // Вестник Европы. – 1801. Сентябрь. – С. 207-209.
29. Карнаухов С.С. «Интересы» или «ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена // История государства и права. – 2009. – №7.
30. Кейзеров Н.М., Шамба Т.М. Интеллектуальная собственность и культурные ценности (проблемы социально-правовой защиты). – М., 1994.
31. Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. – 1992. – №7.
32. Коваленко П.П. Пересадка тканей и органов. – Ростов-на-Дону, 1976.
33. Конанчук Н.В. О психологическом смысле суицидов // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – №5.
34. Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни. – М., 1923.
35. Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни // А.Ф. Кони. Соч. Т.4. – М.: Юрид. лит., 1967.
36. Косарев А. Ценности и оценки в истории государства и права // Юридическое образование. – 2006. – №4.
37. Красненкова И.П. Философский анализ суицида // Идея смерти в российском менталитете. – СПб.: РХГИ, 1999.
38. Курило Л.Ф. Некоторые этические вопросы технологии эмбриональных стволовых клеток // Проблемы репродукции. – 2000. – №3.
39. Курило Л.Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые моральные этические проблемы методов вспомогательной репродукции // Проблемы репродукции. – 1998. – №3.
40. Лихачев А. Самоубийство в Западной Европе и в Европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования. – СПб., 1882.
41. Лукас К., Сейден Г. Молчаливое горе: жизнь в тени самоубийства. – М.: Смысл, 2000.
42. Магазинер Л.М. Субъективное право // Правоведение. – 1999. – №1. – С. 128-138.
43. Маграбян А.С. Правовое регулирование операций по изменению внешнего облика человека // Медицинское право. – 2008. – № 3.
44. Маккьюсик В. Размышления о социальных, юридических и этических аспектах «Геном человека» // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы) / Сост. В.И. Иванов, Б.Г. Юдин. – М.: Медицина, 1998.
45. Малиновский А.А. Назначение субъективного права // Правоведение. – 2006. – №4. – С. 222-230.

46. Малько А.В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. – 2000. – №3. – С. 30-48.
47. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
48. Манассеин В. Реферат о новых наблюдениях и фактах в области самоубийства // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1865. – №2.
49. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – №10. – С. 5-15.
50. Матюшин И.А. и др. Геонтология медико-биологического эксперимента. – М., 1987.
51. Мирский М.Б. История отечественной трансплантологии. – М.: Медицина, 1985.
52. Мур Ф. История пересадок органов / Пер. с англ. Под ред. Р.В. Петрова. – М.: Мир, 1973.
53. «Не хотим быть клонами!» Проблемы современной евгеники // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
54. Невзоров И. О самоубийстве. – Казань, 1891.
55. Неновски Н. Право и ценности. – София: Болгарская академия наук, 1983.
56. Нечаева А.М. О правоспособности и дееспособности физических лиц // Государство и право. – 2001. – №2. – С. 29-34.
57. Ольхин П. О самоубийстве в медицинском отношении. – СПб.: Типография библиотеки медицинских наук доктора. – М., 1859.
58. Паномарев Н.В. Самоубийство в Западной Европе и в России в связи с развитием умопомешательства (статистическое исследование). – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1880.
59. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. – М.: Новое литературное обозрение, 1999.
60. Пурич-Пейкович Й., Дуньич Д.Й. Самоубийство подростков. – М.: Медицина, 2000.
61. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985.
62. Розанов П.Г. О самоубийстве. – М., 1891.
63. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
64. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
65. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
66. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
67. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования / Под ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
68. Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. – 2005. – №12.
69. Сиуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы. – М., 1997.
70. Сиуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Пассад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998.
71. Слюсарев А.А. Биология с общей генетикой. – М.: Медицина, 1978.
72. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
73. Старовойтова О.Э. Понятие танатологии // История государства и права. – 2000. – №4.
74. Старовойтова О.Э. Правовые проблемы танатологии (историко-теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
75. Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийств в трудах философов, социологов, психотерапевтов и художественных текстах. – М.: Когито-Центр, 2001.
76. Трансплантация органов: тезисы докладов XI Всесоюзной научной конференции по трансплантации сердца, печени, почек и др. органов. – Львов: Свит, 1990.
77. Фролов И.Т. О человеческом в человеке: Сб. – М.: Политиздат, 1991.
78. Фролов И.Т. Философия и история генетики. Поиски и дискуссии. – М.: Наука, 1988.
79. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
80. Шамба Т.М. Законность и правопорядок в системе политико-правовых ценностей современной правовой жизни // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета. – М., 2004.
81. Швейцер А. Благовение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992.
82. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. – М.: Смысл, 2001.

83. Экимов А.И. Право, ценности и интересы // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета. – М., 2004.
84. Юдин Б.Г. Клонирование человека: предварительные уроки дискуссии // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
85. Юм Д. О самоубийстве // Д. Юм. Соч. Т. 1, 2. – М.-Л.: Академия, 1965.
86. Якимов А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. – 2003. – №4. – С. 5-10.

РЕУФ Владислав Маркович,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук

E-mail: reuf@yandex.ru

УДЫЧАК Фатима Нурбиевна,

доцент кафедры конституционного права Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук

E-mail: ydichak@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассмотрен механизм обеспечения национальной безопасности России с позиций правового и идеологического обеспечения. Речь идет о необходимости формирования государственно-правовой идеологии, о нахождении для всех и каждого в обществе духовных ценностей, о модернизации политической системы, о повышении роли децентрализации власти, о выходе за рамки уже существующих институтов права и государства.

Анализируются различные теоретико-правовые категории, обеспечивающие исследуемую проблему, вводится в научный оборот и обосновывается категория «государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности». Эта категория представлена с учетом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, исходит из того, что основное содержание национальной безопасности состоит в поддержании правовых и институциональных механизмов и ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам страны.

В этой связи обращается внимание на излишнюю зависимость нашей экономики от мировой, на риски техногенного, природного и социального характера. Идет речь о «конкуренции юриспруденций», о прозрачности и подконтрольности представителей государства обществу, о борьбе с системной коррупцией, о разрушении обвинительной «связки» правоохранительных, следственных, прокурорских и судебных органов, об изменении самого государства, исполнительной и судебной власти.

Ключевые слова: государство; право; власть; национальная безопасность; механизм обеспечения; правовая теория; идеология; теоретико-правовые категории; угроза; институты; ценности; образование; наука; гражданское общество.

**REUF V.M.
UDYCHAK F.N.**

MECHANISM FOR ENSURING NATIONAL SECURITY IN RUSSIA: SOME ISSUES OF LEGAL THEORY AND IDEOLOGY

The summary. The article considers the mechanism for ensuring the national security in Russia from the perspective of legal and ideological provision. The subject is concerned with the need for formation of the state legal ideology, finding of spiritual values for all and everyone in the society, modernization of political system, increasing the role of decentralization of power, going beyond the existing institutions of law and state.

Various theoretical-and-legal categories providing the issue under study are analyzed, the category of "state legal mechanism for ensuring national security" is introduced into the scientific circulation and justified. This category is presented with a glance to the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020, proceeding from the fact that the basic content of national security consists in maintenance of legal and institutional mechanisms and resource potential of the state and society at the level that meets the national interests of the country.

In this regard the attention is drawn to the excessive dependence of our economy on the international one, to the risks of technogenic, natural and social nature. The subject is concerned with "competition of jurisprudences", the transparency and accountability of representatives of the state to the society, combating the system corruption, the destruction of accusatory "connection" between law-enforcement, investigative, procuratorial and judicial authorities, with the change of the state itself, the executive and judicial branches of power.

Key words: the state; law; power; national security; mechanism for ensuring; legal theory; ideology; theoretical-and-legal categories; threat; institutions; values; education; science; civil society.

С методологической точки зрения, государственно-правовой аспект обеспечения национальной безопасности целесообразно рассматривать через призму теоретико-правовых категорий. В связи с этим уместно введение в научный оборот категории «государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности» [8; 9; 15; 18; 37; 48; 62; 65], что отражает суть структурно-функционального анализа соответствующих элементов системы обеспечения национальной безопасности. Понятие «механизм» широко используется в теоретическом правоведении, где ему придается юридическое значение («правовой механизм»), а его содержание раскрывается как «комплекс юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме». При этом «все элементы правового механизма находятся в логической взаимосвязи» [69, стр. 83]. Понятие механизма связывается также с функционированием и взаимодействием государственных институтов – «государственный механизм» [12, стр. 21-28; 23; 24, стр. 35-40; 31; 32; 34, стр. 113-117; 35; 45, стр. 14].

Понятие государственно-правового механизма, ограничивает предметную область исследования сферой позитивного права, областью публично-правового регулирования. Видовое

понятие «государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности» следует формулировать с учетом официальной интерпретации родовых (более общих) категорий, содержание которых раскрывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [2]. В частности надо исходить из официального доктринального положения, согласно которому «основное содержание обеспечения национальной безопасности состоит в поддержании правовых и институциональных механизмов, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации».

И в этом контексте особое беспокойство вызывает зависимость нашей российской экономики от мировой. «Сегодня Россия зависит от мировой экономики, – отмечает В. В. Путин, – интегрирована в нее очень сильно – сильнее, чем большинство других стран... Крайне высокая зависимость от импорта потребительских товаров, технологий и сложной продукции. От колебания цен на основные экспортные товары – т. е. от факторов, которые мы, по большому счету, не контролируем.

Иметь экономику, которая не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния – для России непозволительно».

Эта экономика не отвечает национальным

интересам нашей страны, не обеспечивает ее безопасность, она слишком сильно зависит от внешнего рынка и в производстве, и в потреблении. «Нам нужна новая экономика, - продолжает В.В. Путин, – с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе. Нам необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы».

При этом в диверсификации экономики мы не можем рассчитывать на протекционистские меры. ... Высокие импортные пошлины оплачивают наши граждане и наши предприятия. Чрезмерный протекционизм всегда приводит к застою низкому качеству и к высоким ценам» [4]. А это опять угроза нашей национальной безопасности.

Сегодня наблюдаются кардинальные перемены в экологической жизни всего мирового сообщества. Никогда еще столь быстро не обновлялись технологии. «Многое из того, – подчеркивает В.В. Путин, – что нас сегодня привычно окружает, казалось фантастикой лет пятнадцать – двадцать назад. Никогда не была столь острой борьба за лидерство в глобальной конкуренции.... Никогда люди не сталкивались со столь огромными рисками техногенных катастроф, никогда не были столь серьезными угрозы природной среды» [4]. Хотя необходимо отметить, что и возможности человечества никогда не были столь велики. И в этой ситуации очень важно обеспечить максимальную защищенность наших граждан от ударов кризисов, а нашей российской экономике обеспечить стабильное поступательное развитие. Такова должна быть экономическая политика государства. Этого требует национальная безопасность Российского общества.

Соответственно государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности – это система государственных институтов, последовательно организованных, действующих поэтапно и на основе официальных нормативных установок осуществляющих деятельность по поддержанию правовых и институциональных механизмов, ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам.

Механизм обеспечения национальной

безопасности, в контексте теоретико-правовой интерпретации, выступает в качестве комплекса юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме. Это предполагает необходимость комплексного анализа явления в двух проекциях – функционально-институциональной (комплекс средств-институтов) и процессуальной (поэтапное действие средств-институтов).

Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности представляют собой направления государственно-правового воздействия, предполагающие решение определенных задач в основных сферах жизнедеятельности, и которые в комплексе отражают сущность и содержание правовой деятельности государства по обеспечению национальной безопасности. Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности напрямую зависят от характера масштабов и степени реальных и потенциальных угроз в политической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной, экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности. Кроме того рассматриваемые функции осуществляются не только во внутренней, но и во внешнеполитической сфере, что предопределяет необходимость участия в мероприятиях по обеспечению безопасности за пределами Российской Федерации в соответствии с международными договорами и соглашениями, заключенными или признанными Российской Федерацией.

Возьмем в качестве примера такую проблему, влияющую на безопасность государства, как деловой климат в стране, ее привлекательность для долгосрочного применения капитала. Сегодня решается эта проблема неудовлетворительно. Мы проигрываем, по выражению В.В. Путина, в «конкуренции юриспруденций». Работающий в России бизнес часто предпочитает регистрировать собственность и сделки за границей. Это, конечно, влияет на безопасность государства. Главная проблема здесь – отсутствие прозрачности и подконтрольности общества в работе представителей государства. Претензии можно предъявлять всем, начиная от таможенных и налоговых служб и заканчивая судебной и правоохранительной

системой. «Если назвать вещи своими именами, – по мнению В. В. Путина, – речь идет о системной коррупции. Издержки для бизнеса могут колебаться – ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от «степени расположенности» к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае – не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой «договаривающийся» бизнес, в свою очередь, будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников налоговой, правоохранительной, судебной системы, вместо того, чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий» [4].

Фундаментальной, системной задачей здесь выступает потребность расчистить поле для бизнеса, который готов побеждать в частной конкуренции. А это уже не чисто экономическая, а скорее, политическая сторона обеспечения безопасности государства. По мнению В. В. Путина, нам необходимо изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную «связку» правоохранительных, следственных, прокурорских и судейских органов. «Исключить из уголовного законодательства всеrudименты советского правосознания, все зацепки, которые позволяют делать из хозяйственного спора уголовное дело на одного из участников. Все экономические дела должны перейти из судов общей юрисдикции в арбитражные суды» [4]. Нужны конкретные предложения на этот счет. Речь идет о необходимости формирования государственно-правовой идеологии [38; 46; 48; 49; 58; 62; 63; 64; 67] в российском обществе и необходимой правовой культуры [6; 7; 10; 16; 39; 40; 50; 51; 52; 54, стр. 158-162; 55; 56, стр. 3-11; 57, стр. 44-54; 59; 60; 61; 66; 68].

Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности осуществляются посредством взаимодействующих между собой государственных организационных институтов, которые в контексте рассматриваемой проблематики условно подразделяют на две группы: во-первых, это государственные организационные институты, для которых соответствующая функция является основной; во-вторых, это те институты

государства, для которых функция обеспечения национальной безопасности является дополнительной (реализуется, как правило, в случае возникновения соответствующих угроз интересам государства, общества, личности).

Это не значит, что институты государства, для которых анализируемая функция является дополнительной, менее значимы, чем те, для которых она основная. Да и сама функция может выдвинуться на передний план для всего государства и общества. Сегодня, например, проблема бюджетной сбалансированности жизни российского общества приобрела первостепенную задачу. Нам очень важно восстановить долгосрочное соответствие между величиной государственных доходов и расходов. Связь между ними ослабла в период кризиса, когда значительные ресурсы выделялись на смягчение внешних шоков. Произошло это повсеместно в мире, в большинство стран, сильно затронутых кризисом. По мнению В. В. Путина, именно негативный опыт стран Евросоюза и США очень наглядно показывает, как опасно нарушение бюджетной сбалансированности для безопасности государства и с экономической, и с социальной, и с политической точки зрения. Бюджетное заимствование порой очень опасно и проводить его необходимо в высшей степени аккуратно.

«Значительный долг, – считает В. В. Путин и с ним нельзя не согласиться, – это всегда отказ от части независимости страны. Он создает ситуацию, когда любое ухудшение экономической конъюнктуры ставит страну в зависимость от инвесторов, международных организаций, стран-кредиторов, которые диктуют правительству, какие меры оно должно принимать. С этой точки зрения Россия сегодня находится в выгодном положении по сравнению с другими странами, имея, например, самый низкий уровень государственного долга среди всех стран «Большой двадцатки». И мы должны сохранить это свое преимущество как залог макроэкономической безопасности» [4]. В данном случае, деятельность институтов, для которых функция обеспечения национальной безопасности является дополнительной, выдвигается на передний план.

Государственно-правовой институт обеспечения национальной безопасности как разновидность организационных институтов государства характеризуется рядом признаков:

- во-первых, он представляет собой

относительно обособленную часть единого механизма, обладающую определенной автономией;

- во-вторых, обладает регулятивным государственно-властным характером;
- в-третьих, имеет не только свою организацию, но и функциональное назначение в рамках государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности.

Кроме того, следует учитывать, что государственно-правовой (организационный) институт обеспечения национальной безопасности не тождественен соответствующему государственному органу, который является способом связи регулируемых государством отношений с их материальной основой. Институт представляет собой нормативное выражение системы общественных отношений, в указанном смысле это идеальное явление, выраженное как система категорий, статусов, принципов, духовных ценностей и т. д. Материальная составляющая, безусловно, предполагается, но не является основной, когда речь идет об институтах права или государства.

Нахождение для всех и каждого в обществе духовных ценностей, безусловно, очень важная задача. В ее решении существенная роль принадлежит государственной политики в области образования и культуры. Выбор образовательной программы, многообразие образования – наше несомненное достижение. «Но варианность, – по мнению В.В. Путина, – должна опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире». Также задачи стоят и перед государственной политикой в области культуры, которая предполагает формирование сознания людей, отвечающего лучшим ценностям общественной морали, в том числе и в области национальной безопасности. В этом и заключается привлекательность образования и культуры и их ценность с таким устройством, которая была бы абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто считает Россию своей Родиной [5]. Возможность такая предполагает наличие единых духовных ценностей, обеспечиваемых, в том числе, и государственно-правовой идеологией, и соответствующую политическую систему.

О необходимости комплексного реформирования политической системы России можно все чаще слышать и от государственных

руководителей нашей страны. Достаточно подробно об этом говорил Д.А. Медведев в Послании Президента Федеральному Собранию. Безусловно, каждый российский гражданин должен иметь законную возможность участия в политической жизни страны. Необходимо сделать ее политическую систему более эффективной, лучше представляющей интересы граждан нашего государства, прозрачной, отвечающей современным представлениям о законности и справедливости. Важная роль здесь принадлежит децентрализации государственной власти. Соответствующие законопроекты уже внесены в Государственную Думу. Их реализация позволит провести серьезное перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов. «Пора на деле, – по мнению Д.А. Медведева, – приблизить к людям исполнение важнейших для них функций государства... Это должно создать условия для успешного развития территорий, для более качественного исполнения обязанностей государства перед гражданами... Процесс децентрализации власти будет сопровождаться усилением политической ответственности руководителей регионов и муниципалитетов за конечные результаты их работы по развитию территорий, по повышению качества оказываемых людям услуг» [3].

Такой подход предполагает выход за рамки уже существующих институтов права или государства. Предложение сделано Д.А. Медведевым в Послании Президента Федеральному Собранию. Он высказался за создание большого или открытого правительства, которое для решения стратегических и оперативных задач объединяло бы все уровни и ветви власти, кто готов участвовать в процессах реального управления государством, в выработке и экспертизе важнейших решений и программ. «Такое открытое правительство, – считает Д.А. Медведев, – это, по сути, социальный метод для самых активных и талантливых людей, кадровый резерв для обновления и пополнения исполнительной власти в центре и в регионах...

Наконец, открытое правительство – это эффективный способ обратной связи, позволяющий оценить действенность государственной политики, принципиально иначе построить работу органов власти, сделать ее современной, опирающейся на инициативу с мест» [3].

Рассмотрение государственно-правового института обеспечения национальной безопасности в качестве идеального явления предполагает и серьезное возрождение культуры. Это один из главных факторов модернизации России. Важно поддерживать и традиционные школы, и новые проекты во всех областях искусства. Особое внимание уделять обновлению инфраструктуры сферы культуры, использованию современных технологий. Важно продолжить создание сети современных ВУЗов, которые отвечают мировым стандартам как по качеству образованию, так и по уровню проводимых научных исследований, которые способны обеспечить высокий уровень культурного и нравственного воспитания студентов [3].

Понятие государственного органа [33, стр. 94-100] и в научной, и в учебной литературе, как правило, связывается с материальной основой (людьми, зданиями, помещениями, оборудованием, техническими средствами, вооружением и т. д.), т. е. это структурные образования, располагающие «материально-техническими возможностями для осуществления своих функций» [17, стр. 181]. В частности государственные органы, осуществляющие функцию по обеспечению национальной безопасности, реализуют свои материально-технические возможности при помощи соответствующих технологий, а также технических, программных, лингвистических,

правовых, организационных средств, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

В качестве институциональной основы механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации можно выделить следующие *организационные институты государства высшего уровня*: 1) институт главы государства; 2) институты государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной); 3) институт конституционного правосудия; 4) институт совета безопасности [11; 13; 14; 19; 20; 21; 22; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 36; 41; 42; 43; 44; 47; 53]. *Второй уровень институциональной системы* образуют правоохранительные институты; судебные институты; институты государственного контроля и надзора; государственные институты исполнительного производства; институт гражданской обороны; институты защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; институты разведки, контрразведки и охраны государственных границ, а также силовые институты и, прежде всего, вооруженные силы, которые выражают силовой компонент государственного механизма обеспечения национальной безопасности [1].

Список литературы

1. О Военной доктрине Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.02.2010 г. № 146 // Российская газета. – 2010. – № 27.
2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. №537 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – №20. – Ст. 2444.
3. Медведев Д.А. Письмо Президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2011. №290 (5666). 23 декабря.
4. Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. – 2012. – №15(3030). 30 января.
5. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. №7 (5493). 23 января.
6. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – №1.
7. Акимов А.Н., Чекин А.Н. Правовая культура на примере стран романо-германской и ангlosаксонской правовых семей // История государства и права. – 2006. – №10.
8. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности в России. – М., 2006.
9. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности в России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
10. Антонов М.В., Поляков А.В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – №2.
11. Байтин М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
12. Байтин М.И. Механизм современного российского государства // Правоведение. – 1996. – №3.

13. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990 – 1996 гг. – М.: НИИ ПУЗиП, 1997.
14. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. – 2001. – №10.
15. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание. – СПб., 1999.
16. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
17. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: ИХФ Омега-Л, 2002.
18. Возжениников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
19. Войтович Л.В. Реформа гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы в контексте становления гражданского общества // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. научно-практ. конф.: 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 105-111.
20. Воробьева О.А. Конституционные основы судебной власти в России // Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всеросс. науч.-практ. конф. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 115-119.
21. Воронцов Д.Н., Ковальски Е. Судебная власть как особая форма деятельности государства // Право и государство: теория и практика. – 2009. – №1.
22. Гончаров В.В., Жилин С.М. Понятие и сущность государственной власти: конституционно-правовой анализ // Социология власти. – 2010. – № 1.
23. Григонис Э.П. Государственный механизм России: история и современность. – СПб., 1999.
24. Григонис Э.П. Механизм государства: традиционное понимание и новые интерпритации термина // Вестник СПб. ун-та МВД России. – 1999. – №1.
25. Деменев Ю.И. Роль судебной власти в России // Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всеросс. науч.-практ. конф. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 142-145.
26. Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
27. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. – 1992. – №8.
28. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., 2007.
29. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
30. Изварина А.Ф. Функции судебной власти Российского государства // Право и государство: теория и практика. – 2009. – №7(55).
31. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
32. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2008.
33. Керимов Д.А. Государственные органы // Д.А. Керимов. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007.
34. Керимов Д.А. Механизм функционирования государства // Д.А. Керимов. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007.
35. Колдаев В.М. Государственная власть. Механизм государственной власти. – М., 1993.
36. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. – М.: Юрист, 2007.
37. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
38. Крыгин С.С. Правовоспитательная функция современного российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
39. Кудрявцев В.Н. Право как элемент культуры // Право и власть. – М.: Прогресс, 1990.
40. Латыпов Ф.Т. Правовая культура в системе социальной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2008. – №6.
41. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2006.
42. Любашин В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды // Правоведение. – 2002. – № 6.
43. Малахов А.К. Приоритеты государственно-правового развития России в контексте ее глобальной суверенизации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
44. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. – 2001. – №3. – С. 94-99.
45. Механизм государства: классическая и постклассическая парадигмы: Монография / Под ред. С.А. Сидорова, И.Л. Честнова. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
46. Неважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. – 2000. – №2.
47. Петрухин И.Л. Проблемы судебной власти в современной России // Государство и право. – 2000. – №7. – С. 15-21.

48. Правовое обеспечение национальных интересов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005.
49. Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. – М., 2008.
50. Ромашов Р.А. Правовые культуры современности: от контраста цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – №8.
51. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
52. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – №1.
53. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 64-72.
54. Сальников В.П., Бородин В.В., Рожкова Л.П. Морально-правовая культура демократического общества // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
55. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – №1.
56. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
57. Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Вып. 7. – Саратов, 1986.
58. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
59. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – №4(8).
60. Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. – 1992. – №10.
61. Смоленский М.Б., Дунаев Н.Н. Правовая культура и личность в контексте российской государственности. – Ростов-на-Дону, 2002.
62. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
63. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
64. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
65. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политico-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
66. Цыбулевская О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
67. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб., 1999.
68. Шаля В.М. Методология исследования феномена «правовая культура» // Философия права. – 2008. – №3.
69. Шундиков К.В. Правовые механизмы: постановка проблемы // Проблемы теории государства и права. – 2002. – №3.

ДОНДОКОВ Цирен Сомонович,
заместитель директора Юридического института
Читинского университета по научной работе,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: dtsyren@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: 20-ЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса обеспечения безопасности граждан в Дальневосточной республике в начале XX века. Выделяя конкретный исторический период, автор путем комплексного анализа исследует специфику борьбы с организованной преступностью в аспекте исторического и политического положения.

Ключевые слова: безопасность граждан; борьба с преступностью; Дальневосточная республика.

DONDOKOV Ts.S.

SAFETY OF CITIZENS AND ORGANIZED CRIME IN THE FAR EASTERN REPUBLIC: THE 20'S OF XX CENTURY

The summary. The article is concerned with the process of ensuring the safety of citizens in the Far Eastern Republic in the beginning of XX century. Distinguishing the particular historical period the author through a comprehensive analysis researches the specific character of combating organized crime in the aspect of historical and political situation.

Key words: safety of citizens; combating crime; Far Eastern Republic.

В Дальневосточной республике в обстановке разгула насилия, экономической разрухи и наличия большого количества оружия у населения произошел резкий рост уровня преступности. Осуществляя борьбу с возросшей преступностью, народная милиция республики главный свой удар направила против бандитизма, который стал серьезной угрозой устанавливаемому правопорядку. Ожесточенное сопротивление, которое оказывалось властям, часто выливалось в организацию вооруженных групп, занимающихся грабежами, разбоями, убийствами представителей власти. Если в ноябре 1921 года на всей территории Дальневосточной республики действовало только 8 банд, которые составляли небольшие отряды численностью от 15 до 50 человек, то в середине августа 1922 года уже 8 внешних хорошо вооруженных банд с

численностью 2260 человек под предводительством Шильникова и Сычева и 12 внутренних, насчитывающих около 800 человек [2, л. 2].

Только в одном Петровском уезде Прибайкальской области действовало несколько банд общей численностью до 600 вооруженных бандитов. Много банд было и на территории Забайкальской и Приамурской областей, особенно в районах, расположенных вблизи Китайской границы.

Для ликвидации этих банд Правительство республики вынуждено было создавать специальные отряды милиции. Одним из таких отрядов, который возглавил бывший студент Казанского университета В.М. Лундин (впоследствии начальник уголовно-розыскного отделения Читинского управления народной

милиции), весной 1922 года были разгромлены банды, действующие в Петровском уезде. 63 бандита были уничтожены в схватках, более 300 арестовано. Со временем были уничтожены или рассеяны бандформирования в других местах.

Особенно много банд появилось после мая 1921 года, когда Правительство Дальневосточной республики провело денежную реформу, заменив обесцененные бумажные знаки золотой валютой, и провело ряд мер по оживлению золотодобывающей промышленности. Золото привлекло к себе не только грабителей-одиночек. Вокруг золотых приисков стали организовываться вооруженные крупные банды, занимающиеся грабежом старателей, которые нападали на прииски, терроризировали население. Появился так называемый «горный» или «приисковый» бандитизм. Правительство Дальневосточной республики вынуждено было для борьбы с ним создать осенью 1921 года специальную горную милицию, которую возглавил коммунист Н.А. Таранов. Ее небольшие подвижные отряды выдвигались на самые отдаленные приисковые участки, а также в районы, где чаще всего совершались грабежи и убийства. Горная милиция защищала приисковое население и их имущество от бандитов, а также обеспечивала продвижение на прииски грузов и транспортировку оттуда рудничного золота. Многие служащие горной милиции погибли в схватках с грабителями, но и банды уничтожались одна за другой. Впоследствии один из руководителей горной милиции Н.А. Таранов писал в своем отчете: «Горная милиция со дня своего существования не получала от казны ни гроша, была предоставлена сама себе, неся ужасные таежные лишения собственного голодного существования. Сотрудники горной милиции в большинстве своем оставались на служебном посту стойкими бойцами, твердо и непримиримо проводя в жизнь все меры и законы Дальневосточной республики» [7, стр. 109].

Население г. Читы длительное время терроризировала банда, возглавляемая неким Костей Ленковым. Горожане с наступлением темноты запирались в домах, боясь выходить на улицу. Бандиты действовали мелкими группами, совершая налеты на прохожих и проезжих, блокируя въезды и выезды из города. Бесчинствовали также на Ингодинском и Витимском трактах, у постоянных дворов и других местах. Банда эта, или как именовали ее тогда, «уголовная шайка

грабителей и разбойников», сформировалась из разрозненных мелких преступных групп осенью 1921 года. Постепенно разрастаясь, она окружала себя сетью пособников различного толка. В нее входило около сотни квалифицированных грабителей, «наводчиков», сбытчиков краденого и других соучастников. Город Чита был территориально распределен на «сферах влияния» мелких групп банды. Только за один год бандой было убито более 50-ти граждан. Продолжительное время, вплоть до весны 1922 года, ленковцы орудовали, по существу, безнаказанно. Были тому две существенные причины. Во-первых, сказывалось то, что кадровый состав городской милиции и уголовного розыска после разгрома семеновщины был существенно обновлен, пополнялся в основном за счет бывших партизан, прошедших хорошую школу боевой выучки, но слабо подкованных профессионально, лишь на ходу набиравших необходимый опыт, познавая на практике специфику милиционерской жизни. Во-вторых, в банде среди ближайшего окружения Ленкова были бывшие сотрудники милиции. Читинская милиция, работая в тесном контакте с аппаратом уголовного розыска, привлекая курсантов Центральной милиционной инструкторской школы, в мае 1922 года ликвидировала эту банду. В схватках с бандитами погибли четыре работника милиции, в их числе – начальник уголовного розыска Д.И. Фоменко. Почти весь октябрь 1922 года шел судебный процесс, привлекший к себе большое внимание читинской общественности. В ходе его 19 бандитов были приговорены к расстрелу, многие к различным срокам (от 3 до 20 лет) заключения, «к общественно-принудительным работам с лишением свободы» [1, стр. 78; 8].

Уже в 20-ые годы удалось по существу искоренить организованный бандитизм и в городе Хабаровске [2, л. 69].

Угрожающие масштабы приобрел особый, присущий только Дальнему Востоку, вид бандитизма - хунхузичество, процветавшее в приграничных с Китаем уездах Дальневосточной республики. Хунхузы – это бандиты преимущественно из китайцев [4, стр. 10]. Они объединялись на территории Китая в устойчивые крупные группировки криминального характера, незаконно переходили Государственную границу и на территории республики совершали преступления. Хунхузы нападали на золотые

прииски и похищали золото, совершили налеты на населенные пункты, массовые убийства, похищали скот, людей и увозили их за кордон. Этот вид бандитизма имел свои особенности: банды были хорошо вооружены и многочисленны, при преследовании быстро уходили за границу или растворялись среди местных китайцев, проживавших в большом количестве на территории Дальневосточной республики. Часть хунхузов получала оружие от японцев, которые ставили перед ними задачу разорять сельское население и тем самым вызывать у него недовольство существующей властью. Кроме того, это давало возможность японцам оправдывать свое пребывание на Дальнем Востоке якобы для поддержания порядка.

Их преступная деятельность наносила большой ущерб экономике республики, держала в страхе ее население, отвлекала значительные силы для борьбы с нею. Народной милиции совместно с частями Народно-Революционной армии пришлось вести борьбу с многочисленными хорошо вооруженными бандами хунхузов, проникавшими с китайской территории.

Вот только один пример. 27 декабря 1921 года отряд хунхузов численностью более 200 человек, перейдя Государственную границу, вторгся из Китая на территорию Завитимского уезда Амурской области. Жители села Благословенное, в которое ворвались хунхузы, оказали отчаянное сопротивление с оружием в руках. Бой длился более двух часов. Однако из-за превосходства силы хунхузов защитники села были разгромлены. Четверо суток хунхузы грабили и разоряли село. Уходя, угнали с собой 217 лошадей, 17 коров и забрали у жителей все наиболее ценные вещи, расстреляли 5 жителей, сожгли 23 жилых дома, здание почты и школы [9, стр. 64]. Подошедшие на помощь отряды Народно-Революционной армии и народной милиции часть хунхузов уничтожили, остальные отступили на китайскую сторону [3, стр. 118].

Забегая вперед, можно отметить, что хунхузничество как вид бандитизма долго еще тревожило приграничные районы Дальнего Востока и стало постепенно исчезать из милицейской статистики лишь к середине 1926 года, а пока оно продолжало держать в страхе население, в повышенной боевой готовности милицейские и воинские подразделения и сохранять тем самым напряженную обстановку.

В 1922 году большую опасность, чем нападение хунхузов, приобрели так называемый политический бандитизм, организованной японцами и белогвардейцами.

Еще в 1921 году генерал-майор Забайкальского казачьего войска Н.Ф. Шильников, штаб которого действовал на ст. Маньчжурия под видом организации Красного Креста, сформировал и направил в Забайкалье несколько бандитских отрядов. В каждой банде состояло от 20 до 100 человек. Переправлялись они на русскую сторону обычно группами по 5 – 7 человек. Иногда поодиночке под видом рабочих или торговцев. В начале 1922 года в Китае у границы Дальневосточной республики действовало уже несколько центров по организации банд [7, стр. 110]. На территории ДВР банды объединялись в довольно крупные отряды.

В Верхнеудинском уезде, например, действовал отряд под командованием полковника Соловьева, насчитывающий не менее 300 человек. В Акшинском районе Забайкалья действовала банда Перфильева из 180 человек. В Сретенске и Нерчинско-Заводском районе зверствовали банды Богатырева и полковника Макарова. В Амурской области «развернулись» банды под командованием полковника Илькова и др. [10, стр. 134].

Белобанды, подобно хунхузам, грабили, разоряли крестьянские хозяйства, устраивали крушение поездов и т. д. Они беспощадно расправлялись с бойцами и командирами Народно-Революционной армии. Одна из банд 12 апреля 1922 года заняла ст. Могоча. Бандиты убили работников местной власти, народной милиции, разграбили кассы станции и почтового отделения. В августе 1922 года в 3-х верстах от деревни Каменушка Амурской области обнаружены трупы захваченных в плен и зверски замученных бандитами командира взвода территориального батальона Кабаргина и бойца Генькова. У замученных были отрезаны языки, раздроблены ладони, вдоль рук вырезаны буквы РСФСР, ноги иссечены и связаны проволокой [5, л. 531].

К весне 1922 года широко разветвленные щупальца преступности в виде массового бандитизма, террористических актов, грабежей и разбойных нападений, контрабанды и незаконного оборота наркотиков на территории Дальневосточной республики стали представлять реальную угрозу национальной безопасности

республики. Наибольшую активность организованные преступные группы проявляли в Благовещенске, Верхнеудинске, Чите. Поэтому, правительство республики вынуждено было принять чрезвычайные меры по борьбе с бандитизмом.

3 апреля 1922 года Правительство Дальневосточной республики принял закон «О временном приостановлении действий ст. 26-й Основного закона и об установлении смертной казни, ввиду наказания за тягчайшее против народа преступление» [6, л. 160], согласно которому было временно приостановлено действие статьи 26 Конституции ДВР, отменявшей смертную казнь. Теперь лица, совершившие преступления по ст. 2 данного закона (это бандиты, шпионы, изменники родины и др.), могли приговариваться к смертной казни через расстрел.

В сводке Военного Совета Народно-Революционной армии и флота ДВР 2 июня 1922 года отмечалось, что «продолжают поступать из мест населенных бурят-монголами и пограничных районов, сведения о вооруженных нападениях на мирное инородческое население злоумышленных лиц (белобандитские и дезертирские шайки), которые в целях наведения властей на ложный след пользуются формой народоармейцев». В связи с этим, Военный Совет в своем приказе №340 от 2 июня 1922 года обязывал всех командиров, военкомов, начальников различных правоохранительных учреждений (в том числе и народной милиции) и частям Народно-Революционной армии под личную ответственность установить строжайшее наблюдение в районах расположения воинских частей, за появлением бандитских и дезертирских шаек и оказывать всяческое содействие гражданским властям по преследованию и поимке преступников, прикрывающихся формой военнослужащих НРА и флота. Всех военнослужащих, которые будут изобличены в соучастии в грабительских шайках, предавать суду для осуждения по законам военного времени.

На борьбу с белобандитами были направлены отряды народной милиции и части Народно-Революционной армии. В селах и деревнях были созданы отряды самообороны из крестьян. Для борьбы с усилившимся бандитизмом были созданы летучие истребительные отряды народной милиции. Эти отряды, а также члены народной милиции, находящиеся при исполнении

обязанностей, имели право «производить наряды на местные средства передвижения вне всякой очереди». Указанные наряды подлежали немедленному выполнению без предъявления какой-либо платы. Предельное расстояние определялось не более 100 верст [2, л. 28, 23]. Циркулярным распоряжением Хабаровского уездного управления от 7 августа 1922 года на основании закона «О подводной повинности» от 4 февраля 1922 года все волостные управлении в целях борьбы с преступностью (особо отмечалось, с бандитизмом) обязывались предоставлять подводы сотрудникам уездной и волостной милиции. «За отказ следовало привлечение к судебной ответственности» [2, л. 158-159].

Для выработки мер по борьбе с бандитизмом в марте 1921 года состоялось совещание с представителями Главнокомандующего Народно-Революционной армии, Госполитоохраны и Главного управления народной милиции под председательством Министра внутренних дел. В июле 1922 года при Министерстве внутренних дел Дальневосточной республики создается комиссия по изучению причин, порождающих бандитизм, и разрабатываются дополнительные меры по борьбе с ним. В состав комиссии входят представители Госполитоохраны, административного отдела, Народно-Революционной армии, Министерства юстиции и народной милиции.

В целях принятия самых решительных мер для окончательной ликвидации всех банд комиссией была создана Центральная тройка по борьбе с бандитизмом. На местах было необходимо создать областные комиссии – тройки, в состав которых вошли начальники областных и уездных Госполитохран, старшие войсковые начальники и начальники областных и уездных управлений народной милиции. Главным управлением народной милиции республики была разработана специальная «Инструкция сотрудникам милиции по борьбе с бандитизмом» с грифом «секретно», согласно которой сотрудникам народной милиции вменялось в обязанности:

1. Каждый сотрудник милиции должен следить за появлением и движением банды.
2. Должен проследить район выступления и направления банды.
3. Должен разведывать непосредственно или через специальных людей о намерениях банды и кто возглавляет эти банды.
4. Должен следить за организацией банд,

агитацией по формированию банд.

5. Должен следить за их действиями – отношением к жителям и отношением жителей к ним.
6. Должен выяснить их состав (конных, пеших), количество, вооружение, снаряжение и продовольствие.
7. Должен проследить связь банд и их руководителей с отдельными жителями или районами.
8. Должен, пользуясь всяким верным случаем, сообщить обо всем разведенном ближайшему начальнику участка милиции или председателю местной тройки, помня, что своевременность в донесении – главное условие донесений.
9. При отсутствии средств для доставки сведений лично доставить их.
10. Должен все время не выпускать из-под своего наблюдения банд и подозрительных лиц. В случае отъезда поручить наблюдение верным и надежным людям.
11. В случае запроса со стороны местной тройки или начальников отряда, борющихся с бандами, должен докладывать необходимое для этой борьбы сведения».

На местах «тройки» по борьбе с бандитизмом вели точный учет численности и состава банд,

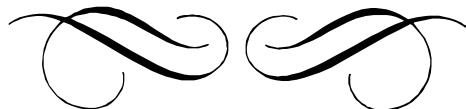
координировали действия по борьбе с ними. В 1922 году в среднем 2 раза в месяц проводились операции по ликвидации бандитских шаек.

Следует отметить, что активное участие по борьбе с бандами принимали участие и курсанты Читинской Центральной милицейской инструкторской школы. Так как время было тревожное, поэтому курсанты не только учились, но и принимали участие в боевых действиях, в частности в ликвидации банды Ленкова (1921 – 1922 гг.). В июле 1922 года ее личный состав в количестве полуэскадрона сводного отряда милиции и войск Госполитоохраны в течение двухнедельных боев уничтожил крупную, свыше 100 сабель, банду вахмистра Гордеева – вождя назревавшего в Забайкалье восстания и после продолжительного боя освободил от бандитов ст. Сохондо. Сводным отрядом командовал заместитель начальника школы по строевой части П.Г. Пиотровский. В борьбе с бандой погиб помощник начальника школы, ее выпускник, Н.В. Лебедев [4, стр. 17].

В период с 1 января 1922 года по октябрь 1922 года на территории Дальневосточной Республики при активном участии милиции было выявлено и ликвидировано 18 банд. Численность некоторых из них достигла 100 - 120 человек [5, л. 195-196].

Список литературы

1. Власов А.Е. Спиртонос и его банда // Милиция. – 1999. – №12.
2. ГАХК, ф.19, оп.1, д.38, л.2.
3. Григорьевич С.С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром. – М., 1957.
4. Кутушев В.Г. Дальневосточный юридический институт МВД России: история и современность. – Хабаровск, 1998.
5. РГИА ДВ, ф. р-77, оп.1, д.77, л.631.
6. Собрания узаконения и распоряжений Правительства Дальневосточной Республики. – 1922. – №6(22); ГАЧО, ф. р-58, оп. 1, д. 119, л. 160.
7. Тимошенко С.А., Шеронов В.С. Взаимодействие народной милиции и органов власти ДВР в борьбе с организованной преступностью (1920 – 1922 гг.). // Совершенствование организационно-управленческой деятельности в органах внутренних дел. Ч. 2. – Хабаровск, 1998.
8. Ходасевич А.П. Милиция таежного края. – Хабаровск, 1969.
9. Ходасевич А.П. Отблеск истории. – Хабаровск, 1993.
10. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920 – 1922 гг.). – Новосибирск, 1974.

РОГОЖЕВСКИЙ Евгений Игоревич,
аспирант кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: profstarovoitova1@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Анализируются понятие, содержание и виды механизма формирования и поддержки институтов гражданского общества, исходя из современных российских реалий.

Ключевые слова: гражданское общество; централизация власти; механизм формирования; демократизация; институты гражданского общества.

ROGOZHEVSKIY E.I.

FORMATION OF INSTITUTES OF A CIVIL SOCIETY OF MODERN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF CENTRALIZATION

The summary. The concept, the maintenance and kinds of the mechanism of formation and support of institutes of a civil society proceeding from modern Russian realities are analyzed.

Key words: a civil society; power centralization; mechanism of formation; democratization; civil society institution.

В России, как и в любом другом экономически развитом и относительно демократическом государстве, формируется гражданское общество. Начало этому процессу было положено в период так называемой перестройки (1983 – 1991 гг.) и явилось объективным следствием развития демократизации.

В большинстве развитых государств формирование гражданского общества носило объективный и в значительной степени стихийный характер, а содержание и структура этого типа общества определялись национально-историческими этноконфессиональными и даже традиционными, а также географическими и климатическими условиями жизни. Поэтому в современной как отечественной, так и зарубежной политико-юридической науке отсутствует сколько-нибудь единое однозначное толкование этого социального феномена [3, стр. 3].

Что касается России, то объективный процесс

конституирования гражданского общества был прерван непринятием Президентом страны Б.Н. Ельциным, так называемого парламентского проекта Конституции, содержащего соответствующий раздел [4, стр. 21-25], и в силу этого, отказом от закрепления в Основном законе даже упоминания о гражданском обществе.

Наиболее интенсивно вопросами формирования гражданского общества в России власти начали заниматься с начала 2000-х годов. К этому времени, по различным данным, было зарегистрировано порядка 500 - 600 тысяч общественных организаций различного уровня.

Власть осознала масштабы этого явления и предприняла целый ряд шагов по выстраиванию отношений с институтами гражданского общества. Прежде всего, следует отметить проведение «Гражданского форума», создание Общественных палат в центре и в регионах, учреждение Совета при Президенте Российской Федерации по

развитию гражданского общества и правам человека (до 2011 г. – Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека), создание Президентскими указами ряда общественных Фондов и организаций, выделение немалых бюджетных средств для развития гражданского общества и т. д.

Каков же курс российских властей по отношению к гражданскому обществу и НКО? На словах, чаще всего, вполне цивилизованный. Но на деле – враждебный, нацеленный на то, чтобы либо приручить их, обезвредить с точки зрения интересов бюрократии, либо уничтожить, во всяком случае, лишить возможностей для работы и влияния.

Первая половина пути – попытка приручить. При Ельцине подобного рода попыток не было, НКО росли без присмотра при безразличном, в общем, отношении государства, пользовались налоговыми льготами. Льгот для отечественных жертвователей не было, но и бизнес тогда почти ничего не давал – в основном НКО финансировались за счет зарубежных грантов. При Путине первая попытка приручения состоялась в 2001 году и заключалась в созыве Гражданского форума, на котором присутствовал сам президент, рядом с ним в президиуме сидела Людмила Михайловна Алексеева, глава Московской Хельсинкской группы [3].

Российским НКО работать гораздо труднее, чем, скажем, неправительственным организациям в Великобритании [3], те демократия и гражданское общество исчисляют свой возраст столетиями. Огромные трудности для НКО создает несовершенство, если не сказать жестче – пороки, государственной системы в России, а также традиционное для представителей российской власти убеждение, что каждый чиновник может и должен вершить дела, сообразуясь, лишь с волей начальства. Об ответственности перед гражданами большинство российских чиновников понятия не имеют.

На федеральном уровне средствами налоговой политики предпринимаются попытки поставить под контроль весь «третий сектор». В 2005 году был издан перечень зарубежных фондов, которые могут финансировать российские НКО на прежних условиях, а остальные – только после уплаты организацией-получателем в государственную казну 24%-го налога с подоходного фанта. Никаких

объяснений по поводу логики формирования списка зарубежных фондов, фанты которых освобождаются от этого странного налога, государственные структуры не дали, несмотря на неоднократные обращения НКО. Более того, и попавшие в список фонды с начала 2003 года могут финансировать без 24%-го налога только НКО в области образования, науки и искусства. Таким образом, поддержки зарубежных фондов лишаются правозащитные НКО и организации, действующие в социальной сфере, т. с самые многочисленные и имеющие огромное значение для развития гражданского общества.

Российский «третий сектор» уже дозрел до выполнения функций общественного контроля над теми сферами деятельности бюрократии, которые касаются прав и интересов российских граждан. Российская бюрократия сопротивляется этому очень энергично, и пока элементы гражданского контроля в нашей стране являются скорее исключением, чем правилом [1, стр. 18-19]

Особенностью формирования гражданского общества в нашей стране можно считать то, что для многих людей остается непонятной целенаправленность ряда таких шагов «сверху», возникают сомнения и вопросы в самом гражданском обществе, а в ряде случаев предпринимаемые меры встречают полное неприятие, в том числе и некоторыми парламентскими партиями.

Это относится и к деятельности Общественной палаты, и абсолютно недемократичным механизмам ее формирования и деятельности, и к Совету при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, и к законодательной базе деятельности НПО (НКО), и к распределению выделяемых из госбюджета средств на поддержку развития гражданского общества и многому другому.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность формирования гражданского общества в России. Как-то так получилось, что гражданское общество у нас формируется не только «сверху», но и «извне». Интерес к российскому гражданскому обществу проявляют в Америке и ряде европейских стран не только в форме научных исследований, но и оказания прямой помощи, включая финансовую, определенному кругу организаций, в частности, через программы развития гражданского общества и привлечение российских

неправительственных организаций к «решению конкретных проблем в постсоветской России».

Итак, эффективное взаимодействие активного гражданского общества и сильного государства – важнейшее условие гармоничного развития обоих. Глубокие сдвиги рубежа XX – XXI веков вывели

Россию из ситуации, когда политический режим ставил почти непреодолимые препятствия широкой гражданской самоорганизации. Вместе с тем, взаимоотношения структур гражданского общества и государственных органов пока далеки от идеала.

Список литературы

1. Алексеева Л. Гражданское общество: что это такое? // Гражданское общество и государство. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.
2. Гражданское общество и государство. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.
3. Кучерена А.Г., Дмитриев Ю.А. Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития: Учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.
4. Проект Конституции Российской Федерации (подготовлен Конституционной комиссией РФ) // Конституционный вестник. – 1993. – № 16.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

ШУМКОВ Дмитрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: shumkoff22@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности концепции государственного суверенитета. Авторы, акцентируя внимание на историческом и зарубежном опыте, исследуют доминирующие характеристики института государственного суверенитета, а также формулируют ряд обобщающих выводов по указанной проблематике.

Ключевые слова: государственный суверенитет; государственная власть;
разграничение полномочий; политическая система.

ARTAMONOVA G.K.
SHUMKOV D.V.
REUF V.M.

THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY: SOCIO-POLITICAL AND IDEOLOGICAL-THEORETICAL ORIGINS

The summary. The article considers the characteristic features of state sovereignty concept. The authors focusing on the historical and foreign experience, research the dominant characteristics of the state sovereignty institution as well as formulate a number of generalizing conclusions on the designated subject.

Key words: state sovereignty; state power; delineation of powers; political system.

Анализ социально-политических и идеино-теоретических истоков концепции суверенитета следует начинать с эпохи античности, т. е. с момента возникновения первых полисных образований. В этой связи, необходимо отметить, что понятие суверенитета как признака самостоятельной, автономной политической организации не могло возникнуть одномоментно в эпоху позднего Средневековья или Возрождения, как это часто представлено в юридической литературе. Поэтому целесообразно присоединиться к точке зрения, согласно которой Средневековые теории суверенитета испытывали явное влияние политico-правовых идей античности.

В частности, можно согласиться с высказываемым в современной юридической науке мнением о том, что идеям государственного суверенитета предшествовало понятие автаркии (самоудовлетворенности) [4, стр. 11]. Смысл автаркии как признака государства, состоял в том, что государство по своей природе таково, что оно не имеет над собой никакой подобной ему власти и в силах самостоятельно реализовать все свои полномочия.

Понятие автаркии сложилось в конкретных исторических условиях, когда в Древней Греции, а затем в Древнем Риме возникла особая форма организации общества, форма города-государства (полиса). В соответствии с таким восприятием, каждый полис представлялся как самостоятельная, обособленная гражданская община, не нуждающаяся в соседях и независимо от них удовлетворяющая потребности своих граждан в организации их публичной жизни. Вместе с тем, не смотря на то, что сила государства-полиса определялась как критерием обеспечения внешней безопасности, так и способностью эффективного управления «внутренними делами», все-таки говорить о полной автономности применительно к данной форме социально-политической организации нельзя. Следует согласиться с замечанием Г. Еллинека, что самоудовлетворенность полиса была чисто

внутренним понятием, поскольку на его существование не могли не оказывать влияния, лежащие вне его политические образования [3, стр. 287].

Тем не менее, античный полис классического периода как типичная форма античной общности, обладающая относительной самостоятельностью и суверенностью, имел четко определенные государственно-административные границы, все необходимые отрасли хозяйственной и культурной жизни, систему государственно-административных учреждений, определенную форму политического строя и правления.

Теоретические представления о процессе формирования полисной государственности, политической автономии, территориальной целостности, природе государственно-административных границ, а также вопросы территориального верховенства государства нашли свое отражение в трудах таких греческих философов-мыслителей как: Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон и др.

В учениях вышеперчисленных мыслителей идея полисной автаркии (автономии и самодостаточности) тесно связывалась с идеей личностной самостоятельности отдельных граждан. В той мере, в какой автономен индивид, по сути, автономен и полис. И наоборот индивид свободен и автономен лишь в той мере, в какой это ему позволяют политico-правовые связи. Такое видение объясняется, прежде всего тем, что типичным для древнегреческой мысли является отождествление отдельного гражданина с полисом в целом, то есть с коллективом равных перед законом граждан. У Сократа, например, гражданин как лицо частное плавно переходит в лицо политическое. Между гражданином и полисом практически нет никакой разницы: законопослушный гражданин тождественен полису, а полис тождественен законопослушному гражданину.

По Платону автономность полиса определяется, прежде всего, его внутренней

самодостаточностью, что достигается посредством функционального разделения деятельности индивидов. Основным принципом полисной организации, по мнению Платона, является разделение труда между различными сословиями: философами-правителями, воинами и работниками (ремесленниками и земледельцами). Представители указанных социальных подгрупп живут и действуют в соответствии с раз и навсегда установленным порядком, не вмешиваясь в чужие дела и обеспечивая общие потребности полиса как совместного поселения.

Убежденный в том, что свободный член общества неотделим от государства, к которому он принадлежит, Платон считал субъектом политической самостоятельности не отдельную личность и даже не сословие, а полис в целом. Таким образом, исходным постулатом концепции Платона являлось достижение не индивидуальной свободы человека, а обеспечение тотальной свободы – свободы государства в его совокупности, целостности, неделимости. При этом поддержание территориальной целостности Платон выделял в качестве важнейшей государственной задачи. «Государство можно увеличивать до тех пор, – писал мыслитель, – пока оно не перестает быть единым, но не более того». В соответствии с данным положением на государство возлагается задача следить за тем, чтобы оно «было не слишком малым, но и не мнимо большим – оно должно быть достаточным и единым» [7, стр. 192-193]. По нашему мнению, такое видение проблемы можно рассматривать как одну из посылок в формировании концепции суверенитета.

По Аристотелю, политическая автономия – это, прежде всего, государство, способное объединить и организовать многообразные «неодинаковые элементы» общественной жизни античного полиса. С именем этого античного мыслителя связывается возникновение понятия автаркии, в котором в комплексе представлены социально-экономические и политико-правовые свойства необходимые и достаточные для функционирования полиса в качестве локальной социальной системы.

С наступлением эпохи эллинизма, когда Греция становится частью македонской империи, а затем римской державы, представления об автаркии постепенно нивелируются имперским мировоззрением. Но сама идея полисной

автономии, зачатки которой усматриваются в античной греческой философии, не могла исчезнуть и в своей новой постановке была развита римскими мыслителями, которые унаследовали, сохранили, систематизировали и развили многие греческие идеи и концепции.

Цицерон, который одним из первых в античности предложил собственно юридическую трактовку сущности государства, связывал идею государственной автономии и политической самостоятельности с идеями общественных интересов и свободы. По его определению, государство *«res publica»* – «дело народа». Но народ понимается мыслителем не просто как общность, а как «соединение людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общности интересов» [8, стр. 22-25]. Именно общность интересов (публичный интерес) определяет, в конечном счете, государственное единство, позволяет выступать государству как единому целому свободному в принятии политических решений. При этом мыслитель рассматривал свободу как коллективную собственность, как общественный правопорядок.

Следующим историческим этапом, характеризуемым спецификой взглядов на проблему политического верховенства и государственной самостоятельности, является период активной деятельности римских юристов. На этом историческом этапе проблема государственного суверенитета рассматривается в контексте свойственного классическому римскому праву института собственности. В рассматриваемый период государство не имело верховного права на землю, так как не являлось субъектом частного права. Все находилось в руках граждан: они совместно владели общим имуществом и общественной поземельной собственностью. Существенные изменения произошли во II веке н.э. и связаны они были с эволюцией римской государственности. В это время император превращается в абсолютного властителя, носителя верховной публичной власти. Характерной особенностью данного периода были изменения, происходившие в сфере имущественных отношений, смысл которых заключался в смещении приоритетов от частного собственника к собственнику публичному, олицетворенному императором. В этот период император начинает рассматриваться не только как верховный повелитель, но и как верховный

собственник государства и его территории.

Отмечая значимость вклада античных мыслителей в формирование идеино-теоретической основы теории суверенитета, следует подчеркнуть, что основанная на политико-правовых учениях античности, целостная концепция абсолютного суверенитета сформировалась лишь к началу XVI века. Ее становление осуществлялось в рамках учений о государственном интересе, обусловленном практической необходимостью преодоления феодальной раздробленности, централизации государственной власти. «В названную эпоху, – писал в этой связи известный русский юрист Н.Н. Алексеев, – сформулирован был тот боевой политический лозунг, выдвигая который новая политическая мысль выступала против анархической раздробленности средневековых государств. Мы говорим о понятии государственного суверенитета, известном, в принципе, древнему миру, но затемненном в политическом сознании феодального общества, где сувереном считал себя каждый феодал» [1, стр. 247].

Концептуальное оформление представлений о сущности и содержании государственного суверенитета связывается с именами таких мыслителей, как Н. Макиавелли и Ж. Боден. Обосновывая необходимость политического объединения феодально-раздробленного государства, эти мыслители высшим политическим интересом провозгласили государственный интерес, сфокусированный на фигуре единоличного верховного властителя – Государя.

Суверенное государство по Макиавелли – это, по сути, абсолютное, централизованное государство, неразрывно связанное с личностью правителя. Его жизнеспособность реально обеспечивается неограниченной властью монарха (суверена), при этом абсолютная власть суверена и государственный суверенитет рассматриваются как тождественные понятия [6, стр. 57].

Первым в политико-правовой оборот термин «суверенитет» ввел французский философ и юрист Ж. Боден. Ученый рассматривал суверенитет как обязательный атрибут государства. «Суверенитет есть абсолютная и постоянная власть Государства», – писал Ж. Боден [2, стр. 692].

В отличие от своих предшественников мыслитель, анализируя сущность суверенитета, устанавливал необходимые признаки суверенной власти, при наличии которых государство могло

рассматриваться как суверенное.

Понятие суверенитета, сформулированное Ж. Боденом в его знаменитом труде «Шесть книг о государстве» (1572), стало основой теории государства Нового времени. Суверенитет для мыслителя – не просто атрибут государя, но сама субстанция, само определение государства.

Государство по Ж. Бодену – это прямое управление множеством хозяйств и всем, что они имеют общего, при помощи суверенной власти. Данное определение означает следующее:

- *во-первых*, государство существует только там и тогда, где и когда в качестве его принципа выступает суверенитет;
- *во-вторых*, суверенитет – это принцип, задающий форму и структуру государственной политике, определяющий, в конечном счете, силу данного государства. Иными словами, суверенитет является не просто характеристикой власти государя, но самой основой государства, претендующего на достойное место в политической системе.

На смену учениям об абсолютном суверенитете пришли, так называемые, концепции «ограниченного суверенитета», которые постепенно захватывали политico-правовую мысль Ренессанса и практически получили «право на безраздельное господство» в рамках буржуазно-либеральной доктрины основоположником которой традиционно считается Дж. Локк. В своей концепции разделения властей мыслитель последовательно отстаивал несовместимость абсолютной монархии с «государством общественного договора».

По мнению мыслителя в обществе, где существует эта форма правления, нет того органа, того судьи, к которому каждый член общества мог бы обратиться для разрешения спора и которому должен подчиняться каждый член этого общества. Здесь нельзя найти справедливого и беспристрастного судьи, от которого можно было бы ожидать возмещение ущерба, нанесенного самим владыкой или по его приказу. А поскольку нет такого судебного органа, который уравнивал бы перед лицом закона «абсолютного государя» и любого из тех, кто ему подвластен, поскольку нет и возможности утверждать, что здесь «на поле непосредственных взаимоотношений» между подвластными и их верховной властью люди находятся в гражданско-правовом состоянии. «В тех случаях, – подчеркивал Локк, – когда имеются

лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними..., эти лица все еще находятся в естественном состоянии и в таком состоянии находится каждый абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен» [5, стр. 51].

Анализ политico-правового учения Дж. Локка, позволяет заключить, что уже на самой ранней стадии генезиса либеральной политico-правовой мысли абсолютистская концепция суверенитета претерпела идеологическую ревизию по двум направлениям: 1) «смена субъектов»; 2) «ограничение суверенитета».

Первое направление формирования идеи ограничения трансгрессивной сущности

абсолютной государственной власти связано со сменой субъекта суверенной власти. Основной идеей этих ревизионистских, революционных, по своей сути, взглядов был «перенос» суверенитета с монарха на такие субъекты политической системы, как народ и нация. Соответственно идея государственного суверенитета в его абсолютистской интерпретации трансформируется в учения о народном и национальном суверенитете.

Второе направление развития идей об ограничении абсолютного суверенитета связано с формированием концепции «сдержек и противовесов», в рамках которой моделировались различные механизмы контроля за государственной властью и разграничения властных полномочий.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Идея государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандалов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань 2001. (Мир культуры, истории, философии).
2. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа: V–XVII вв. – М., 1999.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1908.
4. Крылов Б.С. и др. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. – М., 1994.
5. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2-х т. Т. 2. – М., 1960.
6. Макиавелли Н. Государь. – М., 1998.
7. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. – М., 1994.
8. Цицерон. О Государстве. Диалоги. – М., 1994.

ВАШКЕВИЧ Алла Васильевна,
старший преподаватель кафедры организации
работы полиции Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат педагогических наук
E-mail: all281@yandex.ru

МИЗОНОВА Алина Евгеньевна,
инспектор отдела организационной аналитики,
контрольно-профилактического и пропаганды
безопасности дорожного движения Управления
Госавтоинспекции МВД России по Республике
Мордовия
E-mail: pr13@mail.ru

КОЗЛОВ Евгений Николаевич,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: bagiirka@gmail.com

Специальность 12.00.14 – Административное
право; административный процесс

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ВОДИТЕЛЯМИ МОТОТЕХНИКИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации профилактической работы с водителями мотоциклов, скутеров. Рассматриваются особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних и лиц, ответственных за их воспитание.

Ключевые слова: мотоцикл; скутер; мопед; административная ответственность; правонарушение; профилактическая работа.

VASHKEVICH A.V.
MIZONOV A.E.
KOZLOV E.N.

ON THE ISSUE OF ARRANGING PREVENTIVE WORK WITH DRIVERS OF MOTOR VEHICLES

The summary. Article is devoted to questions of the organization of preventive work with drivers of motorcycles, scooters. Features of attraction to administrative responsibility of minor persons and the persons responsible for their education are considered.

Key words: a motorcycle; the scooter; a moped; administrative responsibility; an offense; preventive work.

С наступлением теплого времени года на дорогах появляются скутеры, мопеды и мотоциклы, водители которых часто создают сложные дорожные ситуации. У этого явления

достаточно много причин, однако в последнее время стала прослеживаться тенденция к снижению возраста водителей этих транспортных средств, что, естественно, повлекло за собой

увеличение количества дорожно-транспортных происшествий с их участием. Анализ данной категории происшествий показал, что основной причиной аварий стало незнание скутеристами, мотоциклистами Правил дорожного движения, отсутствие навыков в управлении и элементарного представления о месторасположении двухколесных механических транспортных средств относительно проезжей части. Также зачастую за рулем мопеда или скутера, а иногда – и мотоцикла, оказываются лица, не достигшие возраста, с которого действующее законодательство разрешает им выезжать на дороги общего пользования – 16 лет. Это явление имеет особую общественную значимость, поскольку дети и подростки в силу своих психофизиологических особенностей не могут правильно оценивать складывающуюся дорожную ситуацию, из-за чего вероятность попадания в ДТП, а также риск травмирования в результате аварии значительно возрастают.

Не смотря на существование перечисленных выше проблем, в настоящее время отсутствует действенный механизм воздействия на лиц, управляющих мопедами и скутерами, механизм привлечения к ответственности родителей или законных представителей лиц, управляющих этими транспортными средствами в случае недостижения ими возраста привлечения к административной ответственности. Существующих в административном законодательстве и нормах по защите прав ребенка мер явно недостаточно для того, чтобы обеспечить гарантированное каждому лицу, не достигшему возраста 18 лет, Конвенцией ООН право на охрану здоровья и воспитание.

Все это предопределяет актуальность и важность такого направления профилактической работы как организация и проведение мероприятий, связанных с формированием у водителей скутеров, мопедов и мотоциклов стереотипов безопасного поведения на дороге, повышения уровня их правового и общественного сознания, воспитания в них чувства гражданской и социальной ответственности.

Данная работа должна быть построена с учетом следующих принципов:

1) системность – мероприятия, входящие в комплекс мер по работе с водителями скутеров, мопедов и мотоциклов, должны быть взаимосвязаны друг с другом, проистекать одно из другого, а взятые в совокупности –

обеспечивать комплексное воздействие на сознание данных лиц;

2) систематичность – мероприятия программы должны проводиться регулярно, с определенной периодичностью, обеспечивая тем самым эффект накопления положительного опыта воздействия на сознание участников дорожного движения, а также лиц, ответственных за их воспитание;

3) комплексность – мероприятия программы должны охватывать все доступные на момент их реализации способы воздействия на указанных выше лиц, не быть разрозненными, односторонними, обеспечивая тем самым всесторонний охват негативных проявлений, связанных с управлением мототехникой;

4) индивидуализированность – при реализации мероприятий программы сотрудники, задействованные в их проведении, должны использовать различные подходы к лицам, на которых направлено воздействие мероприятий, стараться максимально учесть особенности личности, социальное, семейное или иное положение субъекта, а также другие особенности;

5) наглядность – проводимые мероприятия должны способствовать формированию представления, правильно отображающего объективную действительность, воспринимаемые субъектом факты должны анализироваться, давая общую картину его поведения на дороге. То есть на конкретном примере участник мероприятия должен осознать неправильность своего поведения, проанализировать возможные последствия своих действий, спроектировать дальнейшее развитие событий под влиянием различных факторов;

6) ориентация на ценностные отношения – мероприятия должны способствовать формированию у их участников правильного отношения к социально-культурным ценностям (человеку, обществу, жизни, здоровью) и ценностным основам жизни - добру, истине, справедливости;

7) нормативная закрепленность и законодательная обоснованность – мероприятия программы базируются на нормах действующего законодательства, а также обеспечивают выполнение требований правовых норм участниками дорожного движения и другими лицами, вовлеченными в проводимые мероприятия.

Работа по профилактике дорожно-

транспортного травматизма среди водителей скутеров, мопедов и мотоциклов должна строиться на сочетании теоретической и практической части и охватывать достаточно широкий круг субъектов. В самом общем виде все мероприятия условно можно разделить на две большие группы – теоретическая проработка вопросов, связанных с решением проблемы травматизма водителей скутеров, мопедов и мотоциклов.

В проводимой работе используется достаточно широкий спектр как теоретических, так и практических методов, применяемых, соответственно, как на теоретическом, так и на практическом уровне программы.

Среди теоретических методов, прежде всего, необходимо отметить такие, как наблюдение, анализ и синтез, обобщение, метод системного анализа. При изучении нормативно правовой базы используются сравнительно-правовой и собственно юридический (догматический) методы, позволяющие выявить как достоинства, так и недостатки существующего механизма правового регулирования исследуемых отношений.

Все методы, используемые при организации и проведении мероприятий, то есть в ходе реализации практической части программы, можно условно разделить на несколько групп:

- словесные методы: рассказ, беседа, инструктаж.
- практические методы: упражнения, тренировка, самоуправление.

Комплекс мероприятий по профилактике правонарушений, связанных с управлением мотехникой, должен охватывать следующие направления:

- профилактическая работа с учащимися общеобразовательных, средне специальных, высших учебных заведений, в том числе - управляющими скутерами, мопедами, мотоциклами;
- проведение профилактических мероприятий с лицами, ответственными за воспитание детей и подростков (родители, законные представители, педагоги), направленные на разъяснение нормативно-правового регулирования участия скутеристов в дорожном движении, особенности приобретения и постановки на учет мототехники, правила и рекомендации для водителей мототехники, правила оказания первой медицинской помощи попавшему в

ДТП мотоциклиstu.

В ходе реализации программы мероприятия по профилактике нарушений водителями скутеров и мопедов значительное внимание следует уделить профессиональной подготовке задействованного личного состава.

Эффективным механизмом в этом случае является проведение занятий, в частности, по следующим направлениям:

- по разъяснению механизма привлечения к ответственности лиц, совершивших административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, связанные с управлением скутером, мопедом;
- по разъяснению методов воздействия на лиц, совершивших административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, связанные с управлением скутером, мопедом, не достигнувших возраста привлечения к административной ответственности;
- по разъяснению по разъяснению механизма привлечения к ответственности родителей (законных представителей) лиц, совершивших административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, связанные с управлением скутером, мопедом, не достигнувших возраста привлечения к административной ответственности.

Также для повышения эффективности производства по делам об административных правонарушениях, в том числе – субъектом которых является несовершеннолетнее лицо, разработаны методические рекомендации, определяющие порядок действий сотрудника полиции, обнаружившего такие факты.

Многие родители достаточно беспечно относятся к требованиям закона и сами провоцируют нарушение ПДД, приобретая детям транспортные средства, не требующие государственной регистрации, до достижения ими возраста, с которого законодательно разрешено управление. Тем самым они подвергают жизнь и здоровье своих детей опасности, нарушая статью 63 Семейного Кодекса РФ, в соответствии с которой родители обязаны заботиться о здоровье своих детей.

Действенным механизмом воздействия на родителей (законных представителей

несовершеннолетних) является инициирование рассмотрения на комиссии по делам несовершеннолетних материалов по факту невыполнения родителями (законными представителями) несовершеннолетних обязанностей по их воспитанию, обучению, защите прав и интересов, выявленным в процессе надзора за дорожным движением.

В случаях обнаружения сотрудником ГИБДД признаков правонарушения, предусмотренного ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних), к рапорту, направляемому в ПДН, необходимо приобщить объяснение несовершеннолетнего и, по возможности, объяснение законного представителя.

Субъектом данного правонарушения могут быть родители, т. е. лица, официально записанные отцом или матерью ребенка, а также иные лица, которых закон приравнивает к ним в части обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (это – усыновители, опекуны и попечители).

Согласно п. 1 ст. 18 Конвенции ООН о правах ребенка ответственность за воспитание и развитие детей должна быть общей и обязательной для обоих родителей, где бы они ни находились. Временная передача родителями своих детей на воспитание родственникам, посторонним лицам либо в одно из детских учреждений не освобождает родителей от ответственности за воспитание и развитие детей.

Однако следует отметить, что административная ответственность родителей и лиц их заменяющих, по данной статье имеет самостоятельное основание и наступает не за совершение подростками правонарушений, а в связи с ними. Данное правонарушение выражается в умышленном неисполнении родителями или иными законными представителями несовершеннолетних своих обязанностей.

В ст. 64 и 65 Семейного кодекса РФ закреплены следующие обязанности: «Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии; обеспечить им получение основного общего образования, а также защищать права и интересы своих детей».

При получении материалов из ГИБДД в отношении несовершеннолетнего правонарушителя и его законного представителя, должностные лица ПДН:

- а) выявляют конкретные причины и условия, способствующие совершению правонарушения;
- б) осуществляют подготовку документов, необходимых для рассмотрения материала об административном правонарушении, в т. ч. получают, при необходимости, объяснения от других лиц, подтверждающих факт совершения административного правонарушения;
- в) составляют протокол об административном правонарушении (необходимо отметить, что протокол об административном правонарушении составляется немедленно после выявления административного правонарушения, однако в случае, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о физическом лице, в отношении которого возбуждается дело об административном правонарушении, протокол составляется в течение 2-х суток с момента выявления администрацией) правонарушения);
- г) направляют в течение 3-х суток с момента составления протокола материал об административном правонарушении по ст. 5.35 КоАП РФ, а также информационное письмо в отношении несовершеннолетнего правонарушителя в КДН для принятия мер воздействия в соответствии с действующим законодательством;
- д) утверждают у начальника ОВД заключение по результатам рассмотрения сообщения ГИБДД, в котором вносят мотивированные предложения о постановке несовершеннолетнего на учет в ОДН.

КоАП РФ предусматривает возможность прекращения производства по делу об административном правонарушении до передачи дела на рассмотрение компетентного органа (должностного лица). Основанием для принятия такого решения является наличие хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в статье 24.5 КоАП РФ:

- отсутствие события административного правонарушения;
- отсутствие состава административного

- правонарушения, в том числе не достижение физическим лицом на момент совершения противоправных действий (бездействия) шестнадцатилетнего возраста, или невменяемость физического лица, совершившего противоправные действия (бездействие); действие лица в состоянии крайней необходимости;
- издание акта амнистии, если такой акт устраниет применение административного наказания;
 - отмена закона, установившего административную ответственность;
 - истечение сроков давности привлечения к административной ответственности (общий срок – два месяца со дня совершения правонарушения, специальный срок – в течение одного года со дня совершения);
 - наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания, либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, либо постановления о возбуждении уголовного дела;
 - смерть физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Решение о прекращении производства по делу об административном правонарушении до передачи дела на рассмотрение принимается лицом, правомочным возбуждать дело об административном правонарушении путем составления протокола об этом или вынесения соответствующего постановления. Такое решение оформляется постановлением о прекращении

производства по делу об административном правонарушении с соблюдением требований, предъявляемых к форме и содержанию постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренных статьей 29.10 КоАП РФ. Для реализации предусмотренного законодательством механизма привлечения родителей и законных представителей лиц, управляющих скутерами к ответственности целесообразно организовывать и проводить оперативно-профилактические мероприятия совместно с представителями подразделения по делам несовершеннолетних.

Такая практика имеется в Республике Мордовия, где отделом Госавтоинспекции отдела МВД России по Рузаевскому муниципальному району был организован профилактический целевой рейд «СКУТЕР» и одноименная оперативно-профилактическая операция. Цель мероприятий – снизить количество ДТП с участием скутеристов, а также разъяснить несовершеннолетним правонарушителям и их родителям последствия появления на дороге юного скутериста. Для проведения мероприятий была создана группа совместно из сотрудников ОГИБДД, ОУУМ и ПДН. Результатом работы стало снижение в районе количества аварий с участием скутеров, и, что особо ценно – осознание участниками дорожного движения их ответственности за поддержание порядка на дороге, а родителями, доверившими своим детям скутер – опасности этой техники. Уже спустя несколько дней после начала операции скутеристов на дорогах стало значительно меньше. Такая положительная практика была освещена в средствах массовой информации с целью привлечения внимания к рассматриваемой проблеме. Инициатива по проведению подобных мероприятий была поддержана руководителями ОГИБДД других районов республики.

Список литературы

1. Правила дорожного движения Российской Федерации. Иллюстрированное издание. – М.: Мир Автокниг, 2011. – 64 с., ил.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-АП текст с изм. и доп. на 10 сентября 2011 г. – М.: Эксмо, 2011. – 464 с. – (Актуальное законодательство: библиотечка «Российской газеты»).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (СК РФ) // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10105807.htm>

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС.

ГОЛЬЦОВ Владимир Борисович,
доцент кафедры криминологии Санкт-
Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: golz2005@yandex.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

О ЗНАЧИМОСТИ И НЕДОСТАТКАХ ДОГОВОРНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. В статье анализируется договорная деятельность подразделений Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации, раскрывается значимость договорной конструкции в силовых ведомствах, указываются характерные недостатки, возникающие при заключении и реализации договоров в подразделениях, связанных с чрезвычайными ситуациями, даются предложения по улучшению законодательства, связанного с договорной деятельностью указанных подразделений.

Ключевые слова: договор; услуги; подразделения единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации; профессиональные аварийно-спасательные службы; профессиональные аварийно-спасательные формирования.

GOL'TSOV V.B.

ON THE SIGNIFICANCE AND DRAWBACKS OF CONTRACTUAL STRUCTURE IN THE LEGISLATION (ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF UNITS AT THE RUSSIAN FEDERATION UNIFIED STATE SYSTEM OF PREVENTION AND LIQUIDATION OF EMERGENCY SITUATIONS)

The summary. The article analyzes the contractual activities of units of the Russian Federation Unified state system of prevention and liquidation of emergency situations, reveals the significance of contractual structure in power-wielding agencies, indicates characteristic drawbacks arising during conclusion and implementation of contracts in the units related to emergency situations, gives proposals for improving the legislation associated with the contractual activities of the mentioned units.

Key words: contract, services; units of the Russian Federation Unified state system of prevention and liquidation of emergency situations; professional emergency rescue services; professional emergency rescue formations.

В современных условиях деятельность разнообразных субъектов Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации (РСЧС) в сфере обязательственных отношений невозможно представить без договоров, которые являются правовой формой возникающих отношений. Сами взаимоотношения подразделений РСЧС с другими субъектами гражданского права, выстраиваемые на основе различных юридических фактов, имеют свою специфику и направленность, выраженную в специфичном публично-правовом статусе таких подразделений, характеризующуюся целями и задачами, ради которых последние созданы.

Тем не менее, действующее гражданское законодательство рассматривает подразделения РСЧС в качестве обычных субъектов частного права. Это проявляется в том, что к гражданско-правовым отношениям с участием подразделений РСЧС применяются общие нормы гражданского законодательства без каких-либо изменений, связанных с их особым правовым статусом, рассматривая их как равноправных (свободных) участников правоотношений. Свобода договора, выраженная в ст.ст. 1, 421 ГК РФ, позволяет подразделениям РСЧС наряду с гражданами и юридическими лицами свободно и независимо реализовывать свою автономию воли с участниками гражданских правоотношений. Договор как гибкая правовая форма, в которую могут облекаться различные по характеру общественные отношения, позволяет подразделениям РСЧС самостоятельно решать множество различных вопросов в сфере выполняемых ими работ и оказания услуг.

Так, например, в сфере подразделений МЧС России это:

- аварийно-спасательные и аварийно-восстановительные работы в зоне чрезвычайных ситуаций (зоне бедствия);
- работы по очистке территорий, зданий и сооружений от загрязнений, связанные с первоочередным жизнеобеспечением населения в зоне чрезвычайных ситуаций (зоне бедствия);

- услуги по оказанию медицинской и психологической помощи пострадавшему населению, спасателям и гражданам, осуществляющим работы в зоне чрезвычайных ситуаций (зоне бедствия);
- услуги по эвакуации, размещению и питанию пострадавших;
- услуги по доставке сил и средств, предназначенных для ликвидации чрезвычайных ситуаций, в зону чрезвычайной ситуации (зону бедствия) и др.*

В сфере подразделений пожарной охраны МЧС России это:

- охрана от пожаров организаций и населенных пунктов;
- производство, проведение испытаний, закупка и поставка пожарно-технической продукции;
- выполнение проектных, изыскательских работ;
- проведение научно-технического консультирования и экспертизы;
- испытания веществ, материалов, изделий, оборудования и конструкций на пожарную безопасность;
- обучение населения мерам пожарной безопасности;
- осуществление противопожарной пропаганды, издание специальной литературы и рекламной продукции;
- огнезащитные и трубо-печные работы;
- монтаж, техническое обслуживание и ремонт систем и средств противопожарной защиты;
- ремонт и обслуживание пожарного снаряжения, первичных средств тушения пожаров, восстановление качества огнетушащих средств;
- строительство, реконструкция и ремонт зданий, сооружений, помещений пожарной охраны;
- другие работы и услуги, направленные на обеспечение пожарной безопасности и т. д. [1, ст. 24].

В сфере подразделений Минсельхоза РСЧС:

- проведение мероприятий против особо опасных и карантинных болезней животных;
- организация работ по проведению мероприятий по истреблению вредителей сельскохозяйственных культур;
- обеспечение экологической, эпидемиологической и противопожарной безопасности, ликвидация аварийных ситуаций;
- работа аварийно-спасательной службы в районе промысла в порту и т. д. [5].

В сфере подразделений Мининформсвязи РСЧС

- оказание услуг для федеральных государственных нужд и многие другие [2].

Договорная конструкция широко используется и в других ведомствах, таких как МО, МВД, ФСБ и т. п. [8, стр. 82], в том числе и в подразделениях РСЧС. В соответствии с Законом РФ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» при приеме граждан в профессиональные аварийно-спасательные службы, профессиональные аварийно-спасательные формирования на должности спасателей с ними заключается трудовой договор (контракт) (п. 4 ст. 9); профессиональные аварийно-спасательные службы, профессиональные аварийно-спасательные формирования могут осуществлять свою деятельность по обслуживанию объектов и территорий на договорной основе (п. 4 ст. 11.); привлечение профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований к ликвидации чрезвычайных ситуаций за пределами территории РФ осуществляется по решению Правительства РФ на основе международных договоров РФ (п. 2 ст. 13.).

Договор как универсальное средство распространен и применяется не только в гражданском праве, но и в других правовых отраслях. Понятие международного договора закреплено в Конституции РФ (ст. 15, 71, 72 и др.). Здесь же упоминаются договоры между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ (ст. 125). В трудовом законодательстве содержатся нормы, относящиеся к коллективному договору, соглашению и трудовому договору. Детально урегулированы договоры в семейном, жилищном, законодательстве и т. д. [6, стр. 375].

Анализируя договорную деятельность профессиональных подразделений РСЧС необходимо указать и на недостатки, связанные с

понятием гражданско-правового договора, касающиеся свободного выражения такими подразделениями РСЧС своих полномочий и компетенции в реализации договорных прав и обязанностей. Такие недостатки выражаются в превышении должностными лицами своих полномочий по оказанию различного рода работ и услуг и оформления на основе договора таких отношений, которые не должны облекаться в договорную форму, так как являются непосредственными функциями профессиональных подразделений РСЧС.

При проверке Главного управления МЧС России по Санкт-Петербургу (далее ГУ МЧС по СПб) сотрудниками управления Федеральной антимонопольной службы (УФАС) по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в сентябре 2005 года по обращению председателя Общественного Совета по малому предпринимательству при губернаторе Санкт-Петербурга выяснилось следующее: приказ начальника ГУ МЧС по СПб от 31 октября 2005 года № 480 об утверждении «Правил проведения платных работ и оказания платных услуг подразделений ГУ МЧС по Санкт-Петербургу в области пожарной безопасности, гражданской обороны, защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций» (далее Правила), содержащий перечень и стоимость работ и оказываемых услуг подразделениями ГУ МЧС по Санкт-Петербургу противоречит действующему законодательству.

Перечнем предусмотрено 77 видов работ и услуг, которые, в основном, являются функциями подразделений ГУ МЧС по СПб в соответствии с действующим законодательством. Например: проведение работы по подготовке заключений о возможности использования зданий и помещений под конкретные цели при заключении и перезаключении договоров аренды, субаренды, изменения функционального назначения зданий и помещений и т. д. Кроме этого, перечнем предусмотрены работы и услуги, осуществление которых требует наличие лицензии, что позволяет органу исполнительной власти выступать в качестве хозяйствующего субъекта (например: проверка внутреннего противопожарного водопровода на водоотдачу, проведение испытаний, зарядка огнетушителей). Перечень также содержал виды работ и услуг, которые не являются функциями подразделений ГУ МЧС по СПб (например: предоставление автотехники для целей,

не связанных с основной деятельностью Федеральных подразделений противопожарной службы, реализация лома и отходов черного, цветного и драгоценных металлов).

В процессе рассмотрения представленных материалов Санкт-Петербургским УФАС России проводились рабочие совещания с представителями Государственной противопожарной службы Санкт-Петербурга по вопросам приведения рассмотренного приказа в соответствие с действующим, в том числе антимонопольным законодательством. В результате проведенной работы данный приказ был отменен [7].

Соответствующие недостатки могут быть объяснены следующим: во-первых, компетентными лицами подразделений РСЧС понятие договора и предоставленная им договорная свобода трактуется в более широком смысле, чем предполагается в соответствии с действующим законодательством РСЧС, которое предоставляет им такое право [3].

Во-вторых, в действующем законодательстве РСЧС действительно не указаны критерии, ограничивающие пределы такой договорной свободы.

В-третьих, в законодательстве РСЧС недостаточно четко выражена компетенция лиц, по заключению различного рода договоров и соглашений, что позволяет некомпетентным лицам подразделений РСЧС устанавливать договорные отношения с различными организациями и по различному роду деятельности, не связанной с их основными целями и задачами. Так начальником пожарной части № 45 Главного управления МЧС России (ГУ МЧС) г. Н-Новгорода (которое не является юридическим лицом), 22 марта 2005 года, самостоятельно был заключен договор с научно-производственной фирмой ООО «Металлпресс», расположенной по адресу: г. Н-Новгород ул. Варварская 7-316, на оказание услуг использования автомобиля автоматической пожарной лестницы дляброса сосулек с крыши домов 5, 7, 9, по ул. Варварской. Финансовые средства по исполненному договору были перечислены ООО «Металлпресс» на расчетный счет ГУ МЧС г. Н-Новгорода.

Вырабатывая пути по устранению соответствующих недостатков, необходимо отметить следующее. Во-первых, принцип свободы договора, получивший законодательное выражение в ст. 1 ГК РФ, хоть и является ключевым в

понимании сущности свободы договора, но не настолько, чтобы такая свобода была абсолютной для подразделений РСЧС в заключении каких угодно договоров. Создание подразделений РСЧС обусловлено целями, которые и выражают их специфику. В рамках этой специфики и должны заключаться различные договоры.

Подразделениям РСЧС необходимо учитывать и те основания возникновения гражданских прав и обязанностей, которые могут исходить из договоров, даже если они не детализированы в законодательстве РСЧС (не предусмотрены в том или ином законе) и не должны противоречить законодательству всесего (п. 1 ст. 8. ГК РФ). Обладая властными полномочиями и занимая доминирующее положение в сфере, связанной с чрезвычайными ситуациями, подразделения РСЧС не вправе навязывать свои услуги контрагентам на основе заключения различных договоров, являющихся их основными функциями, предписанными специальным законодательством РСЧС. Государство создало такие подразделения и наделило их соответствующими функциями и выплачивает им за это денежное содержание.

В данном случае субъекты гражданского права хоть и свободны в заключении различных договоров, но понуждение к их заключению недопустимо в любой форме, за исключением случаев, когда такая обязанность предусмотрена законом или добровольно принятым на себя обязательством (ст. 421. ГК РФ).

Во-вторых, следует пояснить, что профессиональные подразделения РСЧС (например, ведомственные подразделения противопожарной службы МЧС РФ) вправе заключать и такие договоры, предметом которых могут быть работы и услуги, действительно являющиеся основными функциями таких подразделений, однако это должно быть четко определено нормами соответствующего законодательства. Специальное законодательство РСЧС, определяющее договорный характер работы, которая входит в основные функции подразделений РСЧС, достаточно обобщенно указывает на данный вид деятельности таких подразделений. Например, абз. 2 ст. 24 Закона РФ «О пожарной безопасности» всего лишь указывает, что охрана от пожаров организаций и населенных пунктов может производиться на договорной основе, но не детализирует данный вид деятельности. Такие обстоятельства вызывают неоднозначное толкование и применение данной

нормы на практике работниками подразделений противопожарной службы МЧС. В результате, становится очевидным неправильное понимание значения этой нормы и издания руководителями структурных подразделений РСЧС, приказов и иных нормативных актов локального содержания, которые устанавливают перечень работ и услуг, предназначенных не только для подразделений, которым действительно следует выполнять свою профессиональную работу на договорной основе, но и другим, которые как раз не могут и не должны этого делать на основе заключаемых договоров, а должны выполнять свойственные им функции в силу закона (предписывающего их функциональную деятельность).

Выход из данной ситуации видится в том, что в Законе РФ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», выполняющем роль активного центра всех подразделений РСЧС, следует предусмотреть статью следующего содержания: «Профессиональные аварийно-спасательные службы, профессиональные аварийно-спасательные формирования, могут в целях реализации требований законодательства РСЧС, а также в целях предупреждения и

ликвидации чрезвычайных ситуаций оказывать организациям по договорам работы и услуги, кроме тех, которые являются функциями таких подразделений, за исключением случаев, предусмотренных специальным законодательством».

Включение соответствующей нормы в Закон РФ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», позволит в свою очередь:

1. Установить определенные рамки договорной свободы подразделений РСЧС, в пределах специального законодательства РСЧС, во избежание слишком вольного понимания договорной свободы, определяемой в настоящее время в соответствии с ГК РФ.

2. Потребовать конкретной детализации и принятия норм других специальных законов, непосредственно регулирующих договорную работу подразделений РСЧС, которая должна осуществляться в соответствии с их выполняемыми функциями.

3. Отсортировать те работы и услуги, которые не связаны с профессиональной деятельностью подразделений РСЧС, и по поводу которых они не вправе заключать различного рода договоры.

Примечания

- * Подробно см.: Перечень товаров, работ и услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, утв. Постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2006 г. № 261-р (д) [4].

Список литературы

1. Закон РФ «О пожарной безопасности» // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>
2. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94 –ФЗ (с изм. и доп. ФЗ от 27 июля 2006 г. № 142-ФЗ; от 30 декабря 2008 г. № 308-ФЗ) // СЗ РФ. 2005. № 30. Ст. 3105; Российская газета. 2006. 29 июля; СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5723.
3. Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>
4. Перечень товаров, работ и услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера. Утв. постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2006 г. № 261-р (д) // Российская газета. 2006. 6 декабря.
5. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 19 января 2006 г. – № 3 (д) «Об утверждении минимума необходимых работ и услуг, обеспечиваемых в период проведения забастовок в организациях агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса» // Российская газета. 2007. – 7 февраля.
6. Гражданское право / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М., 1997.
7. Отчет о работе управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за 2006 год. Текст отчета официально опубликован не был.
8. Хужин С.М. Нетипичные договоры с участием органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1994.

ИХСАНОВ Руфат Варисович,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности Санкт-
Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: rufat1981@mail.ru

Специальность 12.00.15 – Гражданский процесс;
арбитражный процесс

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы реализации права на судебную защиту избирательных прав, вопросы процессуального регулирования данного права, а также возникновения исковых притязаний на возмещение вреда с точки зрения материального права. В статье намечены пути развития института судебной защиты избирательных прав.

Ключевые слова: избирательное право; выборы; избирательная компания; судебная защита; административный иск.

IKHSANOV R.V.

JUDICIAL PROTECTION OF ELECTORAL RIGHT IN RUSSIA: SOME TOPICAL ISSUES

The summary. The article considers the problems of enforcement of the right to judicial protection of electoral rights, the issues of this right procedural regulation as well as accrual of action claims for recovery of compensation for harm from the viewpoint of substantive law. The ways for developing the institution of electoral right judicial protection are outlined in the article.

Key words: electoral right; elections; election campaign; judicial protection; administrative claim.

Реализация права на судебную защиту избирательных прав осуществляется путем судебного разрешения права избирать либо права быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также права на участие в референдуме. С точки зрения процессуального регулирования, могут проявляться допустимые варианты судебной и государственной защиты исходя из правового положения участников избирательного процесса и реализации публичной функции государства.

Е.И. Колюшин правильно отмечает, что теоретические концепции выборов, избирательное законодательство и практика судебной защиты избирательных прав являются самостоятельными ценностями [6].

В.А. Кончева отстаивает необходимость признания возможным и целесообразным развития административного иска в дела о защите избирательных прав [7, стр. 9]. Действительно, гл. 26 ГПК РФ не позволяет рассматривать все дела, связанные с защитой избирательных прав, по правилам производства по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ.

Следует поддержать ее идеи о развитии института судебной защиты избирательных прав с параллельным решением вопроса о создании системы административных судов.

Однако с точки зрения защиты избирательных прав большое значение должна играть судебная и только с учетом межотраслевой связи

гражданского процесса, административного и уголовного процесса.

В КоАП РФ ст.ст. 5.1 – 5.25, 5.45 – 5.52, 5.56 предусмотрена ответственность за нарушения в области проведения выборов и референдумов, посягающие на избирательные права граждан.

Т.Н. Буханова предлагает приводимые факты незаконных или находящихся «на грани закона» действий, связанных с избирательным процессом [4, стр. 50]. В.В. Вискулова справедливо считает, что все это должно восприниматься как основание импульс для совершенствования избирательной системы [5, стр. 41-48].

Например, в ходе избирательной кампании и при подведении итогов голосования со стороны государственных органов, уполномоченных организовывать проведение выборов, а также средств массовой информации могут быть допущены такие нарушения избирательного законодательства, которые существенно повлияли на результаты волеизъявления граждан и не позволяют выявить их действительную волю.

Также отмечается неравномерное распределение объема информации, распространенной в период избирательной кампании общероссийскими организациями телерадиовещания в отношении различных политических партий, нарушает не только пассивное избирательное право тех участников выборов, которые из-за отсутствия равного доступа к средствам массовой информации не смогли преодолеть необходимый барьер либо получили меньшее количество голосов избирателей, но и активное избирательное право значительного числа граждан, лишенных вследствие этого возможности сделать осознанный выбор.

Встречается несоответствие копий протоколов участковых избирательных комиссий требованиям закона и цифровым данным, вошедшим в протоколы территориальных избирательных комиссий, а также жалобы (заявления) на действия (бездействие) избирательных комиссий всех уровней и органов государственной власти и местного самоуправления в период избирательной кампании и в день голосования.

Суды могут принять доводы заявителей предположительными, а названные ими обстоятельства не подтвержденными [3]. В частности, нарушения избирательного законодательства при голосовании и подведении

итогов голосования на отдельных избирательных участках, не позволяющие с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей на этих избирательных участках, могут служить основанием для признания выборов депутатов Государственной Думы недействительными только в том случае, если итоги голосования признаны недействительными на части избирательных участков, списки избирателей на которых на момент окончания голосования в совокупности включали не менее 25 процентов от общего числа избирателей, включенных в списки избирателей на момент голосования.

В этой части на указанном примере Верховный Суд ссылался на п. 2 ч. 5 ст. 82 Федерального закона от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ (ред. от 25.07.2011) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»[2]. По мнению судей Верховного Суда, политическая партия может оспорить их в суде только с соблюдением правил подсудности гражданских дел, т. к. решение избирательной комиссии об итогах голосования, о результатах выборов может отменить суд соответствующего уровня. А проверка законности решений участковых избирательных комиссий об итогах голосования не отнесена к компетенции Верховного Суда Российской Федерации.

Хотя по п. 3 ч. 5 ст. 82 данного закона Центральная избирательная комиссия Российской Федерации признает результаты выборов депутатов Государственной Думы недействительными по решению суда.

Совсем очевидно, что следует разграничить вопросы подсудности и компетенции судов и выработать концепцию совершенствования практики рассмотрения избирательных споров.

ГПК РФ относит судебной защиты избирательных прав к производству по делам, возникающим из публичных правоотношений. Автор считает, что здесь уместно говорить о только судебном контроле над действиями, решениями органов публичной власти, должностных лиц. При этом, судебные акты по уголовным делам и делам об административных правонарушениях могут иметь преюдициальное значение не только судов, но и для органов государственной власти и их должностных лиц.

Согласно Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав [1], утрачивают

пассивное избирательное право граждане, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления либо привлеченные в уголовной или административной ответственности за правонарушения экстремистского толка.

С вопросами защиты избирательных прав политических партий могут пересекаться вопросы защиты их деловой репутации, разрешаемые, как правило, в порядке искового производства.

Однако встречаются случаи, когда установить лицо, распространившее в период избирательной кампании порочащие сведения, невозможно, а оно апории вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений, не соответствующими действительности (п. 6 ст. 152 ГК). Такой способ защиты деловой репутации из-за отсутствия ответчика заявление потерпевшего подается в порядке, предусмотренном особым производством [8]. Суд устанавливает факт распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности, и факт их распространения неустановленным лицом.

А.В. Юдин отмечает, что подобные ситуации можно условно охарактеризовать как дела с

«неизвестным ответчиком», то есть выражением, с одной стороны, юридически парадоксальным, поскольку ответчик должен быть известен уже по определению (иначе никакого спора быть не может); с другой стороны, такие дела всегда потенциально таят в себе вероятность обнаружения «неизвестного ответчика» – в случаях, когда анонимный автор вдруг станет известен суду [9, стр. 91].

При этом, с точки зрения материального права, трудно говорить об исковых притязаниях на возмещение вреда, особенно в части упущеной выгоды, ибо предвыборная программа прямо не содержит информации о корыстных мотивах кандидатов.

Представляется, что законодательство фактически допускает право суда, который установил несоответствие акта государственного органа закону, принять решение в соответствии с законом – удовлетворить требование о возмещении морального вреда (ст. 120 Конституции, ст. 13 ГК РФ). Поэтому считаем целесообразным конкретизировать и соответствующим образом дополнить положения гражданского процессуального законодательства о судебном решении и его реализации по делам о защите пассивного избирательного права.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 № 67-ФЗ (ред. от 23 июля 2011) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2002. – № 24. – Ст. 2253.
2. Федеральный закон от 18 мая 2005 № 51-ФЗ (ред. от 25 июля 2011) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 21. – Ст. 1919.
3. Архив Верховного Суда России за 2008. Дело №ГКПИ08-1403.
4. Буханова Т.Н. И вновь о фальсификациях на выборах // Журнал о выборах. – 2009. – № 2.
5. Вискулова В.В. К вопросу об ответственности в свете выборов 11 октября 2009 года // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 1.
6. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 384 с.
7. Кончева В.А. Судебное рассмотрение дел, возникающих из отношений, связанных с осуществлением избирательных прав в России и Германии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
8. Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. – 2005. – № 1.
9. Юдин А.В. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации с неизвестным ответчиком // Закон. – 2009. – № 12.

БОНДАРЕНКО Владислав Владимирович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Национального исследовательского университета
Высшей школы экономики (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук
E-mail: vladbond77@gmail.com

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ПРОБЛЕМА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ ПО КРЕДИТНОМУ ДОГОВОРУ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме возможности кредитного учреждения уступить полностью или частично свое право требования по договору третьим лицам, не являющимся кредитной организацией, а также права на раскрытие необходимой для совершения такой уступки информации о заемщике, кредите, процентах, а также иной информации. Обозначенная проблема на практике не исчерпана, поскольку ВАС РФ занимает позицию, допускающую подобную уступку, Роспотребнадзор, в свою очередь, высказывает крайне негативно по поводу такой возможности.

Ключевые слова: банк; кредитная организация; заемщик; цессия; банковская операция; кредитный договор; высокоперсонифицированные требования; специальная правоспособность; права потребителей.

BONDARENKO V.V.

THE PROBLEM OF ASSIGNMENT OF CLAIM UNDER CREDIT AGREEMENT

The summary. This article is concerned with the problem of the capability of a credit institution to assign in whole or in part its right of claim under agreement to third parties who are not a credit institution as well as the right to disclosure the information on the borrower, credit, interests and other information required for execution of such assignment. The designated problem is not settled in practice as the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation takes the position that permits such an assignment, the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare, in its turn, expresses an extremely negative attitude towards this capability.

Key words: bank; credit institution; borrower; cession; banking transaction; credit agreement; highly personalized requirements; special legal capacity; consumer rights.

Развитие кредитных отношений в России способствовало и, безусловно, способствует расширению оборота имущественных прав, вытекающих из кредитного договора. В этой связи, имущественное право кредитора по возврату кредита достаточно часто становится объектом сделок. Вместе с тем, возможность уступки данного требования до сих пор не имеет однозначного признания ни в юридической

литературе, ни в правоприменительной практике [7; 8; 10; 11, стр. 14-20; 13; 15; 21]. Это, несмотря на то обстоятельство, что в результате более, чем десятилетних дискуссий, Президиум ВАС РФ одобрил практику применения арбитражными судами положений главы 24 ГК РФ [2], что позволило выработать, какказалось, единые подходы по целому ряду проблем, до того момента не имевших единого мнения и, соответственно,

вызывавших затруднения в правоприменительной практике, в частности, по уступке прав по кредитному договору.

Оговорка «как казалось» сделана не случайно, поскольку оппоненты ВАС РФ по этому вопросу остались, а в качестве официального и непримиримого следует выделить другой государственный орган – Роспотребнадзор.

Роспотребнадзор выпустил письмо от 23 августа 2011 года № 01/10790-1-32 «О практике применения судами законодательства о защите прав потребителей при замене лица в договорном обязательстве (по делам с участием территориальных органов Роспотребнадзора)». В письме Роспотребнадзор еще раз обозначил свою позицию о неправомерности включения банками в кредитные договоры с гражданами условий, предусматривающих переуступку прав требования кредитора третьему лицу, если последний не является банком или кредитной организацией. В частности, Роспотребнадзор сослался на Определение ВАС РФ от 24 сентября 2009 г. по делу № А33-8727/2008, в котором сторонами являлись акционерный коммерческий банк «Союз» (открытое акционерное общество) и Управление Роспотребнадзора по Красноярскому краю.

В состав правонарушений, вмененных территориальным органом Роспотребнадзора названному банку, входило, среди прочего, включение в кредитные договоры с потребителями условия о «праве кредитного учреждения уступить полностью или частично свои права требования по договору третьим лицам, а также права на раскрытие необходимой для совершения такой уступки информации о заемщике, кредите, процентах, а также иной информации». В итоге, указывается в письме, после неоднократного рассмотрения данного дела арбитражными судами разных инстанций Федеральным арбитражным судом Восточно-Сибирского округа было вынесено Постановление от 25 мая 2009 г. № А33-8727/2008 – Ф02-2223/2009, которым решение Управления Роспотребнадзора по Красноярскому краю о назначении соответствующего административного наказания банку признано законным. В постановлении суда кассационной инстанции обозначено, что включенное в кредитный договор условие о переуступке прав требования кредитора в случае, если новым кредитором являются не банк или кредитная организация, нарушает право на согласование

условий в контексте требований пункта 2 статьи 382 ГК РФ. В этой связи, в письме отражается, что «суд, руководствуясь требованиями статей 382, 819 ГК РФ, обоснованно признал, что уступка банком права требования возврата кредита третьим лицам может привести к тому, что право требования к гражданину-заемщику будет передано третьим лицам, не являющимся кредитными организациями. В силу части 1 статьи 819 ГК РФ денежные средства в кредит может предоставить только банк или иная кредитная организация, имеющая соответствующую лицензию».

Кроме того, Роспотребнадзор сослался на Определение ВАС РФ от 14 июля 2011 г. № ВАС-8679/11 по делу № А37-944/2010. Данным определением была поддержана позиция суда кассационной инстанции, который отказал в удовлетворении требований Росбанка о признании недействительным предписания территориального органа Роспотребнадзора о прекращении нарушений прав потребителей. Здесь необходимо отметить, что причиной отказа Росбанку в иске явились условия кредитного договора о праве банка передавать информацию о заемщике третьим лицам, привлекаемым банком для взыскания задолженности и/или для сопровождения уступки права требования. Суд кассационной инстанции прямо подчеркнул, что спорные условия кредитного договора Росбанка «не содержат указания о том, что данная информация предоставляется лицам, указанным в статье 26 Закона о банках и банковской деятельности, либо только новому кредитору в связи с произведенной уступкой права требования, что позволило бы применить положения пункта 2 статьи 385 Гражданского кодекса Российской Федерации». Суд посчитал, что предоставление информации о заемщике иным лицам, помимо перечисленных, является нарушением законодательства о банковской тайне.

Разумеется, Роспотребнадзор, осуществляя соответствующие функции в рамках федерального государственного надзора в области защиты прав потребителей в части проведения проверок и выдачи предписаний, подачи судебных исков и заявлений о ликвидации хозяйствующих субъектов и др., а также возбуждение дел об административных правонарушениях (с учетом возможности квалификации выявляемых правонарушений не только по части 2 статьи 14.8 КоАП РФ), применяя

их в отношении субъектов Закона № 2300-1 «О защите прав потребителей», распространил свою позицию на все свои территориальные органы, не принимая во внимание официальную позицию ВАС РФ по этому вопросу.

Учитывая эти пассажи в свой адрес, ВАС РФ подготовил еще одно информационное письмо [3], подтверждающее выработанную ранее позицию по данному вопросу, в частности.

Однако дискуссия двух ведомств на этом не исчерпала себя. Как следствие, Роспотребнадзор в ответ на данное информационное письмо подготовил свое [4], где в целом выражает свое согласие с позицией ВАС РФ, за исключением положений, изложенных в пункте 16 Обзора, посвященных уступке банком лицу, не обладающему статусом кредитной организации, не исполненного в срок требования по кредитному договору с заемщиком-гражданином.

Таким образом, данный многолетний спор сводится к тому, что позиция ВАС РФ такова, что уступка права требования по кредитному договору лицу, не обладающему статусом кредитной организации, не противоречит закону и не требует согласия заемщика, позиция же Роспотребнадзора является прямо противоположной.

В этой связи, постараемся еще раз разобраться в проблеме, которая, как представлялось, была разрешена.

Действительно, до появления Информационного письма ВАС РФ №120 от 30 октября 2007 г. в правоприменительной практике отмечались различные подходы к возможности уступки банком или иной кредитной организацией принадлежащего им права требования возврата от заемщика выданной на основании кредитного договора суммы, в том числе лицу, не имеющему лицензии на осуществление банковской деятельности. Поэтому беря в основу положения п. 1 ст. 819 ГК РФ, суды достаточно часто квалифицировали подобные сделки как недействительные, поскольку данной нормой предусмотрено, что кредитором по обязательству, возникшему из кредитного договора, может выступать только банк или иная кредитная организация. Данная позиция обосновывалась также со ссылкой на статьи 1, 5 и 11 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», согласно которым кредитная деятельность является банковской операцией, и поэтому в качестве нового кредитора может выступать только организация, имеющая

соответствующую лицензию. В итоге делался вывод о том, что уступка банками или иными кредитными организациями прав требования к заемщикам по кредитному договору в пользу третьих лиц, не обладающих специальной правоспособностью, противоречит п. 1 ст. 388 ГК РФ, а соответственно недопустима.

Закон исходит из принципиальной допустимости уступки любого обязательственного требования независимо от основания его возникновения. Предметом цессии могут быть как права, вытекающие из договора, так и требования внедоговорного характера.

Недопустимость уступки требования может вытекать из природы последнего. Так, невозможна частичная уступка неделимого требования. Исходя из их правовой природы, закон запрещает уступку так называемых высокоперсонифицированных требований, т. е. прав, неразрывно связанных с личностью кредитора [12, стр. 84].

Однако не являются высокоперсонифицированными, а следовательно, не запрещены к уступке требования, возникшие из договора, заключенного цедентом в соответствии с лицензией. Поэтому вполне возможна цессия требования банка к заемщику о возврате кредита. При этом цессионарием в рамках подобной уступки может быть любое лицо, в том числе не являющееся кредитной организацией. Наличие же специальной правоспособности имеет значение лишь при заключении договора, поскольку сам по себе возврат кредита к числу банковских операций не относится. Так, Закон РФ «О банках и банковской деятельности» относит к банковским операциям деятельность по привлечению и размещению денежных средств от своего имени и за свой счет. Получение же денежных средств, предоставленных на основании кредитного договора, не относится к банковским операциям, поэтому новый кредитор, получая от банка право требовать от заемщика возврата денежных средств, не становится субъектом банковской деятельности и не обязан иметь соответствующей лицензии [1].

В развитии данного тезиса можно согласиться с мнением авторов, полагающих, что после выполнения банком своих договорных обязанностей, состоящих в выдаче заемщику кредита, правовой режим указанных денежных средств определяется правилами ГК РФ о займе, которые не запрещают заемодавцу распоряжаться

правом требования к заемщику по своему усмотрению [19, стр. 102; 21, стр. 44].

Анализ положений ГК РФ о договоре займа и кредита позволяет сделать вывод о том, что требования к субъектному составу имеют значение лишь при заключении кредитного договора, а именно, возникновения обязанности у банка или иной кредитной организации предоставить денежные средства, в отличие от договора займа, который является реальным. В этой связи, принятие на себя обязательств, связанных с обещанием предоставить денежные средства, – прерогатива банков или иных кредитных организаций. После исполнения банком своей обязанности по предоставлению денежных средств у заемщика возникает обязанность их возврата, ничем не отличающаяся от обязанности возврата денежных средств, полученных по договору займа. Из чего можно сделать вывод о том, что обязательство заемщика принципиально ничем не отличаются от любых других денежных обязательств. Личность же кредитора для займодавца (независимо от того, получил ли он средства по договору займа или кредита), как в большинстве денежных обязательств, значения не имеет. Заемщик по кредитному договору в случае передачи права требования третьему лицу сохраняет против него все возражения, которые он мог выдвинуть против первоначального кредитора по денежному требованию (банка) [16].

Что касается аргументов, приводимых Роспотребнадзором, то они по-прежнему, сводятся, в первую очередь, к тому, что права требования

исполнения обязательств по кредитному договору относятся к числу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора. Во-вторых, включение банками и иными кредитными организациями в кредитный договор условия о праве банка передавать информацию о заемщике третьим лицам, привлекаемым банком для взыскания задолженности и/или для сопровождения уступки права требования. На этот счет, пункт 16 Информационного письма ВАС РФ № 146 также дает разъяснение о том, что уступка требований, вытекающих из кредитного договора, не нарушает нормативных положений о банковской тайне (ст. 26 Закона «О банках и банковской деятельности»), так как в соответствии с частью 7 данной статьи цессионарий, его должностные лица и работники обязаны хранить ставшую им известной информацию, составляющую банковскую тайну, и эти лица несут установленную законом ответственность за ее разглашение (в том числе и в виде обязанности возместить заемщику причиненный разглашением банковской тайны ущерб).

Таким образом, с учетом изложенного, нет оснований сомневаться в том, что действующее законодательство допускает реализацию прав кредитора по кредитному договору в отношении третьих лиц, не являющихся кредитной организацией. Это позволяет банкам и иным кредитным организациям уступить свое право требования из кредитного договора к заемщику любому участнику гражданского оборота, в том числе при отсутствии у последнего лицензии.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ №395-1 «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. (с послед. и доп.) // Ведомости СНД РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 357.
2. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2008. – №1. – С. 60-87.
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 г. № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – №11.
4. Письмо Роспотребнадзора от 02.11.2011 № 01/13941-1-32 «Об отдельных аспектах правоприменительной практики по привлечению банков к административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей (в связи с информационным письмом Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 146)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rosпотребnadzor.ru/documents/letters/-/asset_publisher/IJ7j/content/письмо-от-02-11-2011-№-01-13941-1-32
5. Анохин В., Керимова М. Уступка права требования на основании договора // Хозяйство и право. – 2002. – № 4.

6. Вощатко А.В. Уступка требования из синаллагматического договора // Труды по торговому праву. Вып. 11. – Ярославль, 2004. – С. 61-76.
7. Габов А.В. Некоторые проблемные вопросы уступки права // Юридический мир. – 1999. – №3.
8. Ершов Ю.Л. Об обязанностях клиента по передаче требования в договоре факторинга // Журнал российского права. – 2002. – №3.
9. Каримуллин Р.И. Права и обязанности сторон кредитного договора по российскому и германскому праву. – М., 2001.
10. Колесников О.А. Переход обязательственного права в обязательственном правоотношении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
11. Кондрат Е.Н., Молчанов А.А., Бондаренко В.В., Качер О.В. Договор финансирования под уступку денежного требования: некоторые особенности заключения // Правовое поле современной экономики. – 2011. – №3. – С. 14-20.
12. Крашенинников Е. А. Допустимость уступки требования // Хозяйство и право. – 2000. – № 8.
13. Крашенинников Е.А. Основные вопросы уступки требования // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 1999.
14. Крашенинников Е.А. Правовые последствия уступки требования // Записки по торговому праву. Вып. 9. – Ярославль, 2002.
15. Минеев А.Д. Эффективность факторинговых операций коммерческих банков: Дис. ... канд. экон. наук. – М., 1998.
16. Новоселова Л.А. Комментарий к Обзору практики рассмотрения споров, связанных с уступкой права требования // Вестник ВАС РФ. – 2008. – №1.
17. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. – М., 2004.
18. Новоселова Л.А. Сделка уступки права требования и основания ее совершения // Хозяйство и право. – 2003. – № 7.
19. Павлодский Е.А. Из практики применения законодательства об уступке требования // Право и экономика. – 1997. – № 21-22.
20. Павлодский Е.А. Финансирование под уступку денежного требования // Закон. – 1998. – №6.
21. Почуйкин В. Некоторые вопросы уступки права требования в современном гражданском праве // Хозяйство и право. – 2000. – № 1.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО.

ТАРАЙКО Валерий Иосифович,
заместитель директора Института права и
предпринимательства
Северного (Арктического) федерального
университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tarayko@gmail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности системы экологической безопасности России. Автором обосновывается идея о непосредственном и доминирующем влиянии на эффективность функционирования данной системы таких субъектов, как человек, общество и государство. Рассматриваются возможные пути повышения эффективности обеспечения экологической безопасности в России.

Ключевые слова: экологическая безопасность государства; охрана окружающей среды; государственная политика в области экологии.

TARAYKO V.I.

STATE-LEGAL POLICY OF RUSSIA IN THE AREA OF ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY

The summary. The article deals with the characteristic features of the environmental safety system in Russia. The author justifies the idea of direct and dominant impact of such subjects as human being, society and state on the efficiency of this system functioning. Possible ways for enhancement of ensuring environmental safety in Russia are considered.

Key words: environmental safety of the state; environmental protection; state environmental policy.

Результативность решения Российской Федерацией экологических задач сегодня во многом зависит от эффективности реализации публичными органами власти управленческой

деятельности, направленной на организацию и проведение мероприятий по охране окружающей среды.

На государственном уровне реализация

экологической функции возложена как на федеральные, так и региональные органы государственной власти, осуществляющие свою деятельность соответственно на всей территории Российской Федерации и территории отдельно взятого субъекта.

Кроме федеральных и региональных органов государственной власти в осуществлении экологической функции участвуют органы местного самоуправления, выполняющие функции публичного управления в сфере охраны окружающей среды на территории соответствующих муниципальных образований.

Согласно ст. 5 Федерального закона «Об охране окружающей среды», к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, относятся: обеспечение проведения федеральной политики в области экологического развития Российской Федерации; разработка и издание федеральных законов и иных нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды и контроль за их применением; разработка и реализация федеральных программ в области экологического развития государства; объявление и установление правового статуса и режима зон экологического бедствия, а также координация и реализация мероприятий по охране окружающей среды в зонах экологического бедствия; установление порядка осуществления государственного мониторинга окружающей среды и формирование государственной системы наблюдений за состоянием окружающей среды; установление порядка осуществления государственного контроля в области охраны окружающей среды и обеспечение ее охраны; контроль за обеспечением радиационной безопасности; установление требований в области охраны окружающей среды, разработка и утверждение нормативов, государственных стандартов и иных нормативных документов в области охраны окружающей среды; организация и проведение государственной экологической экспертизы; установление порядка ограничения, приостановления и запрещения хозяйственной и иной деятельности, осуществляющейся с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды; предъявление исков о возмещении вреда окружающей среде; организация и развитие системы экологического образования, формирование экологической культуры;

обеспечение населения достоверной информацией о состоянии окружающей среды; образование особо охраняемых природных территорий и управление природно-заповедным фондом; ведение государственного учета объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду и особо охраняемых природных территорий, в том числе, природных комплексов и объектов, а также природных ресурсов с учетом их экологической значимости; экономическая оценка природных и природно-антропогенных объектов, воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду; установление порядка лицензирования отдельных видов деятельности в области охраны окружающей среды и его осуществление. И перечень полномочий органов государственной власти исчерпывающим не является, так как отдельные полномочия могут устанавливаться другими федеральными законами, в том числе законами, определяющими сферу деятельности органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в области охраны окружающей среды.

При этом Федеральный закон «Об охране окружающей среды» исходит из понимания государственного управления в области охраны окружающей среды как деятельности уполномоченных государственных органов исполнительной власти – федеральных и региональных. Однако в науке экологического права нет единой точки зрения относительно того, что включает в себя институт государственного экологического управления (управления охраной окружающей среды) и какие органы государственной власти его осуществляют. Одна группа ученых считает, что экологическое управление следует рассматривать в узком смысле только как деятельность государственных органов исполнительной власти [9. стр. 151], другая – предлагает рассматривать категорию «государственное экологическое управление» в более широком понимании: как деятельность государственных органов всех ветвей власти, включая судебные органы и органы прокуратуры [12. стр. 180].

На наш взгляд, первое мнение целиком основывается на букве закона (Федерального закона «Об охране окружающей среды»), исходя из которой, государственное экологическое управление следует понимать как деятельность федеральных и региональных государственных

органов исполнительной власти, направленную на организацию и проведение мероприятий по охране окружающей среды. Вместе с тем, представляется, что, говоря об охране окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, важно учитывать и роль в этой деятельности органов местного самоуправления, правоохранительных, контрольно-надзорных и судебных органов.

Правовой фундамент государственного управления охраной окружающей среды помимо Конституции Российской Федерации, относящей полномочия по охране окружающей среды к совместной компетенции органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, образуют Федеральные законы «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», «О животном мире», Водный, Лесной, Земельный кодексы и многие другие нормативные акты. В соответствии с названными нормативными правовыми актами полномочиями по государственному управлению, охраной окружающей среды наделены государственные органы исполнительной власти как общей компетенции, так и специальной компетенции, функционирующие на федеральном и региональном уровнях государственной власти.

На федеральном уровне к органам общей компетенции, осуществляющим государственное экологическое управление, относятся Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации. На региональном уровне такими органами являются правительство, администрации, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации.

Президент Российской Федерации, являясь главой государства, определяет основные направления внешней и внутренней политики нашего государства, в том числе в сфере охраны окружающей среды. Кроме того, в соответствии со ст. 80 Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации выступает гарантом соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе и экологических.

Правительство Российской Федерации согласно Федеральному конституционному закону «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ [1]: организует реализацию внутренней и внешней политики

Российской Федерации; обеспечивает единство системы исполнительной власти в Российской Федерации, направляет и контролирует деятельность ее органов. В сфере природопользования и охраны окружающей среды Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой государственной политики в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; принимает меры по реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду, по обеспечению экологического благополучия; организует деятельность по охране и рациональному использованию природных ресурсов, регулированию природопользования и развитию минерально-сырьевой базы Российской Федерации; координирует деятельность по предотвращению стихийных бедствий, аварий и катастроф, уменьшению их опасности и ликвидации их последствий (ст. 18).

Органы специальной компетенции непосредственно выполняют функции по управлению в сфере охраны окружающей среды. Такие органы государственной власти специально создаются на федеральном и региональном уровнях для осуществления экологической функции государства. На федеральном уровне к числу таких органов относится, в частности, Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России), которому подконтрольны Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), Федеральное агентство по недропользованию (Роснедра), Федеральное агентство водных ресурсов (Росводресурсы). Также в эту систему входит Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз). Каждый из названных органов государственной власти осуществляет полномочия по экологическому управлению в рамках установленной законодательством Российской Федерации компетенции.

Согласно п. «д» ст. 72 Конституции Российской Федерации, вопросы охраны окружающей среды отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, что требует в качестве самостоятельного блока выделять полномочия

региональных органов государственной власти в сфере регулирования отношений, связанных с охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности.

К полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, относятся: участие в реализации федеральной политики в области экологического развития Российской Федерации на территории субъекта; право принятия и реализации региональных программ в области охраны окружающей среды; осуществление государственного контроля в области охраны окружающей среды; установление нормативов качества окружающей среды; обращение в суд с требованием об ограничении, о приостановлении и (или) запрещении в установленном порядке хозяйственной и иной деятельности, осуществляющейся с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды; предъявление исков о возмещении вреда окружающей среде, причиненного в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды; ведение учета объектов и источников негативного воздействия на окружающую среду; право образования особо охраняемых природных территорий регионального значения, управление и контроль в области охраны и использования таких территорий; участие в обеспечении населения информацией о состоянии окружающей среды на территории субъекта; право организации проведения экономической оценки воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, осуществления экологической паспортизации территории и др.

Самостоятельным полномочием органов государственной власти субъектов Российской Федерации является принятие законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации в области охраны окружающей среды. И региональные органы государственной власти активно реализуют предоставленные правотворческие полномочия.

В рамках своей компетенции региональные органы государственной власти осуществляют государственный мониторинг окружающей среды. Государственный экологический мониторинг в субъектах Российской Федерации осуществляется в целях обеспечения потребностей исполнительных органов государственной власти

в оперативной и достоверной информации об изменениях состояния окружающей среды для принятия эффективных мер по охране окружающей среды, а также защиты населения при чрезвычайных ситуациях.

Наряду с организацией и проведением государственного экологического мониторинга важным направлением деятельности в области охраны окружающей среды региональных органов государственной власти является государственный экологический контроль. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют государственный экологический контроль в целях предупреждения, выявления и пресечения нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обеспечения соблюдения субъектами хозяйственной и иной деятельности природоохранных требований. В перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды входит утверждение перечня должностных лиц органов государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющих государственный экологический контроль (государственных инспекторов в области охраны окружающей среды субъекта Российской Федерации).

В осуществлении экологического управления вправе участвовать и органы местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ [2] в России существуют четыре вида муниципальных образований: городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ и внутригородская территория городов федерального значения. В каждом из названных видов муниципальных образований формируется система органов местного самоуправления, выполняющих функции по экологическому управлению на соответствующей территории.

В ст. 7 Федерального закона «Об охране окружающей среды» особо отмечается, что в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге – полномочия органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в области охраны окружающей среды определяются законами субъектов Российской

Федерации - городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга. И в Москве, и в Санкт-Петербурге в региональных законодательных актах определяются природоохранные полномочия органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований.

Так, согласно положениям ст. 10 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» [5], к вопросам местного значения муниципальных образований муниципальных округов, поселков, городов отнесена организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора с территории муниципального образования, на которой расположены жилые дома частного жилищного фонда. Кроме того, к вопросам местного значения муниципальных образований отдельных муниципальных округов также отнесены:

- 1) участие в мероприятиях по охране окружающей среды в границах муниципального образования, за исключением организации и осуществления мероприятий по экологическому контролю;
- 2) озеленение придомовых территорий и территорий дворов;
- 3) организация учета зеленых насаждений внутридворового озеленения на территории муниципального образования;
- 4) организация работ по компенсационному озеленению, проведение санитарных рубок (в том числе удаление аварийных, больных деревьев и кустарников), реконструкция зеленых насаждений в отношении зеленых насаждений внутридворового озеленения.

Специальными полномочиями по осуществлению экологического управления на территории муниципального образования, как правило, наделяются отдельные структурные подразделения администраций муниципальных образований.

Отдельно, на наш взгляд, также необходимо указать, что в целях обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации существует общественный контроль в области охраны окружающей среды, направленный на реализацию права каждого на благоприятную окружающую среду и предотвращение нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. Он осуществляется общественными объединениями и иными некоммерческими организациями в соответствии с их уставами, а

также гражданами в соответствии с законодательством. При этом необходимо отметить, что правовое регулирование порядка осуществления данного вида экологического контроля на федеральном уровне сегодня отсутствует, поэтому организации и граждане вправе реализовывать свои права на осуществление общественного экологического контроля любым разрешенным законодателем способом: обращаться с жалобами и предложениями в органы публичной власти, предъявлять иски в суд и т. д. Однако представляется более действенным, когда органы государственной власти субъектов Российской Федерации работают в тесном контакте с общественными экологическими организациями, оказывая им необходимую организационно-правовую поддержку, как это делает, например, Ленинградская область, на территории которой эффективно функционирует Экологический совет при Губернаторе Ленинградской области.

Согласно постановлению Губернатора Ленинградской области «Об образовании общественного экологического совета при Губернаторе Ленинградской области» от 22 января 2009 года № 9-пг [6], общественный экологический совет при Губернаторе Ленинградской области образован в целях привлечения общественности к обсуждению актуальных вопросов охраны окружающей среды и экологической безопасности, координации деятельности общественных экологических организаций, а также создания механизма общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти.

В целом же, признавая приоритет прав и свобод, в том числе и экологических, следует учитывать, что без государства, без юридических механизмов и процедур эти права и свободы не могут быть реализованы. Ученые давно обращают внимание, что проблемы обеспечения эффективных организационно-правовых механизмов реализации и охраны конституционных экологических прав граждан в России находятся в сфере организации эффективно действующей системы специально уполномоченных государственных органов управления [10, стр. 43]. Поэтому ее развитие, повышение качества работы специально уполномоченных государственных органов в области охраны окружающей среды выступают сегодня на первый план в создании надежной системы обеспечения экологической безопасности

нашей страны, в которой важное место занимают надзорные и правоохранительные органы.

Конечно, ведущую роль в этой области занимает Прокуратура Российской Федерации, которая осуществляет от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [3].

Систему прокуратуры Российской Федерации составляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры (Волжская межрегиональная природоохранная; ЗАТО г. Межгорье и комплекса «Байконур»; военных округов, флотов, Ракетных войск стратегического назначения, Пограничной службы ФСБ России; Московская городская военная), научные и образовательные учреждения, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами, а также прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры.

Важное значение принадлежит и Следственному комитету Российской Федерации.

Специализированные природоохраные прокуратуры создаются, когда территориальные прокуратуры не в состоянии по объективным причинам обеспечить в полном объеме выполнение возложенных на них функций в сфере экологии. В основном природоохраные прокуратуры действуют на правах районных прокуратур, однако существуют и такие, которые пользуются правами прокуратуры субъекта Федерации (Волжская природоохранная прокуратура). В субъектах Федерации созданы природоохраные прокуратуры на правах межрайонных прокуратур.

В соответствии с Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» от 7 мая 2008 года № 84 природоохранным прокурорам (на правах районных) в пределах соответствующего субъекта Российской Федерации поручено осуществлять:

- надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании, соблюдением экологических прав граждан природоохранными территориальными органами федеральных органов

исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответием законам издаваемых ими правовых актов по указанным вопросам;

- надзор за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений об экологических и иных преступлениях, повлекших нарушение законов о защите окружающей среды и экологических прав граждан (кроме преступлений, совершенных на объектах Министерства обороны Российской Федерации и военно-промышленного комплекса), а также о преступлениях, совершенных по службе должностными лицами контролирующих природоохранных органов; надзор за законностью осуществления оперативно-розыскной деятельности, дознания и предварительного следствия уполномоченными органами внутренних дел и подразделениями Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по преступлениям указанной категории.

При отсутствии на территории субъекта Российской Федерации специализированной прокуратуры (на правах районной) прокуроры субъектов Российской Федерации, руководствуясь требованиями федерального законодательства и организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, возлагают соответствующие полномочия по осуществлению надзора на прокуроров городов и районов.

В систему прокуратуры Российской Федерации, как уже отмечалось, входит Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, который расследует уголовные дела в соответствии с подследственностью, установленной ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в том числе и уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 246-249, ч. 2 и 3 ст. 250, ч.2 и 3 ст. 251, ч.2 и 3 ст. 252, ч. 2 и 3 ст. 254 и ст. 255 Уголовного кодекса Российской Федерации, относящихся к главе 26 – «Экологические преступления».

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 259, ч. 2 и 3 ст. 260, ч. 2 ст. 261 УК РФ, расследуются следователями органов внутренних дел.

В целом, органы внутренних дел несут самую большую нагрузку в области обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Согласно ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции», полиция в России предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств. Она в пределах своих полномочий оказывает содействие федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов федерации, иным государственным органам, органам местного самоуправления, иным муниципальным органам, общественным объединениям, а также организациям независимо от форм собственности, должностным лицам этих органов и организаций в защите их прав.

Согласно ст. 2 анализируемого закона, основными направлениями деятельности полиции выступают: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производства дознания по уголовным делам; розыск лиц; производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; обеспечение правопорядка в общественных местах; обеспечение безопасности дорожного движения; контроль за соблюдением законодательства в области оборота оружия; контроль за соблюдением законодательства в области частной детективной (сыскной) и охранной деятельности; охрана имущества и объектов в том числе и на договорной основе; государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц, правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц; осуществление экспертно-криминалистической деятельности. По

решению Президента сотрудники полиции могут участвовать в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности [4].

Лежит на полиции ответственность и за вопросы экологической безопасности. В частности, в соответствии с Приказом МВД России «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» от 16 сентября 2002 года № 900 [7], участковый, уполномоченный в целях обеспечения личной безопасности граждан, должен пресекать факты нарушения законодательства об охране окружающей среды и экологической безопасности населения, защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан от преступных и иных противоправных посягательств, принимать при авариях, катастрофах, пожарах, стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях необходимые меры по спасению людей, оказанию им первой медицинской (деврачебной) помощи, а также по охране имущества и своевременному информированию об этих обстоятельствах дежурного по органу внутренних дел, при необходимости - органы местного самоуправления и население.

В Наставлении по службе штабов органов внутренних дел [8] также отмечается, что начальник органа внутренних дел обязан твердо и последовательно проводить в жизнь политику государства в области обеспечения надежной защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, а также общественной и экологической безопасности.

Кроме того, дознавателями органов внутренних дел осуществляется дознание по вышеуказанным уголовным делам, за исключением уголовных дел относящихся к подследственности дознавателей пограничных органов федеральной службы безопасности и дознавателей органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы. То есть по уголовным делам об экологических преступлениях также может быть произведено дознание органами, отвечающими в своей деятельности и за вопросы экологической безопасности Российской Федерации – пограничными органами федеральной службы безопасности и органами государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

Дознавателями пограничных органов

федеральной службы безопасности производится дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 253 и 256 (в части, касающейся незаконной добычи водных животных и растений, обнаруженной пограничными органами федеральной службы безопасности) УК РФ.

Дознавателями органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы производится дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 261 УК РФ.

Помимо этого правоохранительные органы, наделенные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» полномочиями на осуществление оперативно-розыскной деятельности, осуществляют необходимые мероприятия в целях обеспечения экологической безопасности Российской Федерации, предупреждения, пресечения и раскрытия экологических преступлений.

Таким образом, правоохранительные и надзорные органы играют ведущую роль в обеспечении экологической безопасности России.

Кроме того, нельзя не отметить, что и суд принимает непосредственное участие в охране окружающей среды и обеспечении экологической безопасности. Так, именно суд разрешает споры в области охраны окружающей среды. В соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды», компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением

законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется добровольно либо по решению суда общей юрисдикции или арбитражного суда (ст. 78). Именно на основании их вред окружающей среде, причиненный нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, может быть возмещен посредством возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ.

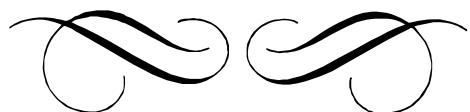
Также судом рассматриваются требования об ограничении, о приостановлении или о прекращении деятельности лиц, осуществляющей с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Российской Федерации создана и функционирует государственная система обеспечения экологической безопасности, система профилактики экологических правонарушений, система предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования экологических преступлений. Однако роль институтов гражданского общества в нашей стране в этой сфере не велика. В этой связи, представляется необходимым перенимать положительный опыт зарубежных стран, где роль общественных объединений и организаций является ведущей в области контроля соблюдения природоохранного законодательства.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ (ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 28.11.2009) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
5. Закон г. Санкт-Петербург «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» от 7 июня 2005 года № 237-30 // Санкт-Петербургские ведомости. – 2005. – № 107.
6. Постановление Губернатора Ленинградской области «Об образовании общественного экологического совета при Губернаторе Ленинградской области» от 22 января 2009 года № 9-пг // Вестник Правительства Ленинградской области. – 2009. – № 5.
7. Приказ МВД Российской Федерации «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» от 16 сентября 2002 года № 900 (ред. от 12.04.2007) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2003. – № 1.
8. Приказ МВД Российской Федерации «Об утверждении Временного наставления по службе штабов органов

- внутренних дел» от 12 февраля 1997 года № 86 (ред. от 02.11.1999) // Бюллетень текущего законодательства МВД РФ. Выпуск 19. –М., 1997.
9. Бринчук М.М. Государственное управление как эколого-правовая категория // Экологическое право. – 2006. – № 1.
 10. Колбасов О.С. Экология: политика – право. – М. 1990.
 11. Крассов О.И. Экологическое право: Учебник. – М., 2001.
 12. Экологическое право: Учебник / Под ред. В.Д. Ермакова и А.Я. Сухарева. – М., 1997.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: gurbanoff@gmail.com

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

ЛЕОНОВ Александр Иванович,
коисполнитель кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России
E-mail: leonoff1212@yandex.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации контроля над соблюдением законности в процессуальной деятельности со стороны судебных инстанций. Авторы, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретических положениях процессуального права, акцентируют внимание на актуальных проблемах, связанных с процессуальной деятельностью, в том числе в ходе досудебного разбирательства.

Ключевые слова: процессуальные нормы; законность; судебный контроль.

ALEKSANDROV R.A.
KONDRAT I.N.
LEONOV A.I.

CRIMINAL PROCEEDINGS AND JUDICIAL CONTROL

The summary. The article considers the peculiarities of realization of control over observance of legality in procedural activity by judicial instances. The authors through a comprehensive analysis base on the fundamental theoretical provisions of procedural law focus on the topical issues related to procedural activities including in the course of pre-trial proceedings.

Key words: rules of procedure; legality; judicial control.

В условиях реформирования судопроизводства России [2, стр. 97-101; 4, стр. 67-71; 5; 6; 12; 13; 15; 19; 22, стр. 127-130; 23; 31; 32; 39; 43; 52; 55; 62] в качестве положительного явления нельзя не отметить повышенное внимание процессуалистов к институту судебного контроля в уголовном и административном судопроизводстве [40; 53; 61]. Судебный контроль – неотъемлемая часть правосудия в целом. Поэтому истинная суть его может быть раскрыта и понята только в контексте доктрины правового государства [7, стр. 27-34; 9, стр. 35-42; 10; 11; 14; 17; 21; 24; 26; 30; 33; 34; 41; 42; 44; 46; 47; 48; 50; 51; 60; 66] и гражданского общества [9, стр. 35-42; 18; 20; 25; 26; 27; 30; 33; 35; 36; 37; 49; 54; 56; 58; 59; 63; 65], роли судебной власти в концепции разделения властей [3; 8; 16; 28; 29; 45; 57; 64; 67; 68]. В зависимости от предмета и субъекта судебного контроля, он осуществляется методом конституционного или уголовного судопроизводства.

В настоящее время есть основание рассматривать две относительно [38, стр. 28] самостоятельные формы судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Содержание одной из них составляет рассмотрение жалоб, указывающих на нарушение законности и обоснованность действий и решений органов предварительного расследования. Содержание другой – санкционирование судом производства оперативно-розыскных и процессуальных следственных действий, ограничивающих права граждан, установленных ст. 23 и ст. 25 Конституции России*.

Логично остановиться на содержании уголовно-процессуального судебного контроля, охватывающего собой вопросы законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности на досудебной стадии уголовного процесса. Атрибутивным признаком указанной формы судебного контроля, как особой формы реализации правосудия (разрешения спора сторон по существу), является регламентированная процессуальным законом соответствующая деятельность суда. Сущность такой деятельности – контроль (проверка и оценка) законности и обоснованности действий и решений публичных процессуальных органов, ограничивающих права личности.

Уголовно-процессуальный закон регламен-

тирует ряд относительно самостоятельных процессуальных процедур, связанных с проверкой судом законности и обоснованности действий и решений органа дознания, следователя. Закон не устанавливает исчерпывающего перечня действий (бездействий) и решений дознавателя, следователя, которые заинтересованные субъекты уголовного процесса могут обжаловать в суде. Тем не менее, основные критерии, позволяющие определить сущность, объем и пределы судебного контроля в уголовном процессе, фактически названы.

Инициируется и осуществляется судебный контроль по жалобам частных лиц – участников уголовного процесса. Юридически значимый повод и основания, которые «включают» механизм судебного контроля – содержащиеся в поданных жалобах, указание на действия (бездействие) названных выше должностных лиц, повлекшие, по мнению заявителей, ограничение их конституционных прав и создавшие препятствия для доступа к правосудию.

Классифицируя жалобы такого рода, назовем, прежде всего, те, которые информируют о действиях (бездействии) должностных лиц, ущемляющих конституционные права граждан на доступ к правосудию:

- жалобы на отказ в приеме сообщения о преступлении (ч. 5 ст. 144 УПК РФ) и на отказ в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 125, ч. 5 ст. 148 УПК РФ);
- жалобы на прекращение производства по уголовному делу и о прекращении уголовного преследования в отношении определенных лиц (ч. 1 ст. 125, ч. 2 ст. 214 УПК РФ);
- жалобы о приостановлении производства по уголовному делу и о продлении срока следствия (ст. 208 УПК РФ);
- жалобы о продлении срока следствия по уголовному делу (ст. 162 УПК РФ).

Правовосстановительный и компенсационный по содержанию судебный контроль в уголовном судопроизводстве распространяется и на другие случаи рассмотрения жалоб и заявлений участников уголовного процесса. В частности, в соответствии с положениями ст. 125 УПК РФ в порядке судебного контроля, подлежат рассмотрению следующие группы жалоб и заявлений:

- жалобы заинтересованных участников процесса на меры пресечения (ч. 3 ст. 101 УПК РФ) и иные меры процессуального

- принуждения (ст. 111, 118 УПК РФ), принятые дознавателем, следователем;
- жалобы на решение публичных процессуальных органов, принятых по заявленным сторонами ходатайствам (ст. 122; ч. 4 ст. 159 УПК РФ);
 - жалобы на нарушение порядка производства отдельных следственных действий, а также несогласие с результатами, полученными при их производстве, в том числе и тех следственных действий, которые были проведены на основании судебного решения (ч. 1 ст. 165 УПК РФ);
 - жалобы на решения следственных органов о производстве выплат и (или) о возвращении имущества, которые приняты в соответствии с процедурой, предусмотренной уголовно-процессуальным институтом реабилитации (ст. 137 УПК РФ).

Конечно, в рамках настоящей работы мы не ставили перед собой цель осветить все аспекты, активно формирующегося учения о судебном контроле. В ней рассмотрены отдельные фрагменты обозначенной темы, которые имеют непосредственное отношение к тактико-криминалистической проблематике. Они, кроме того, позволяют утверждать, что распространение судебного контроля на досудебные стадии уголовного процесса органично вписывается в общий процесс демократизации российского

уголовного судопроизводства и таким образом является объективной необходимостью. Достаточно, в связи с этим, отметить, что более низкий уровень контрольных функций зачастую не исключал нарушений конституционных прав граждан, а также ситуаций, влекущих недопустимость тех или иных доказательств, которые к тому же нередко имели решающее значение для выполнения уголовным судопроизводством своего назначения (ст. 6 УПК РФ).

Главная проблема, с которой сталкивается сегодня Россия, во всех областях своей жизнедеятельности – это недостаток прозрачности и подконтрольности обществу в работе представителей государства – от таможенных и налоговых служб до судебной и правоохранительной системы. В.В. Путин характеризует эту ситуацию как системную коррупцию. Он считает необходимым изменение самого государства исполнительной и судебной власти в России. «Демонтировать обвинительную «связку» правоохранительных, следственных, прокурорских и судебных органов», – считает В.В. Путин одной из главных задач сегодняшнего дня. Необходимо изменить всю идеологию государственного, в том числе и судебного контроля в стране. Только в этой ситуации можно вести речь о повышении качества жизни российских граждан [1].

Примечания

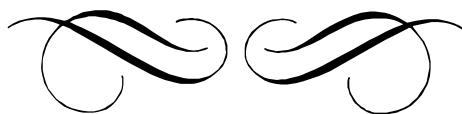
* Статья 22 Конституции Российской Федерации: «1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. 2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Статья 25 Конституции Российской Федерации: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

Список литературы

1. Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. – 2012. – №15 (3030). 30 января.
2. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 97-101.
3. Андрейчук Т.В. Становление и развитие судебной власти (историко-правовая ретроспектива) // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 65-68.
4. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №2. – С. 67-71.
5. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под

- общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
6. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
 7. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Рейф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политico-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 27-34.
 8. Барнашев А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. – Томск, 1988.
 9. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
 10. Боботов С.В. Васильев Д.И. Французская модель правового государства // Сов. государство и право. – 1990. – №1.
11. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999.
 12. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
 13. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. 1990 – 1996 гг. – М.: НИИ ПУЗиП, 1997.
 14. Бойцова В.И. Идея правового государства в трудах русских юристов (административно-правовой аспект) // Правоведение. – 1991. – №3.
 15. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
 16. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. – 2001. – №10. – С. 21-27.
 17. Визер Б., Будер И. Принцип правового государства в конституционном правосудии Австрии // Государство и право. – 1999. – №11.
 18. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. – М., 1995.
 19. Войтович Л.В. Реформа гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы в контексте становления гражданского общества // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 105-111.
 20. Геллер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. – М., 2004.
 21. Гессен В.М. О правовом государстве. – СПб., 1906.
 22. Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Тарайко В.И. Прокуратура сегодня: цели, задачи и функции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 127-130.
 23. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
 24. Горшенев В.М. Законность как достояние правового государства // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения. – Волгоград, 1991.
 25. Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 1996.
 26. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1991.
 27. Григонис Э.П., Исаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
 28. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. – 1997. – №8. – С. 44-50.
 29. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. – 1992. – №8. – С. 79-86.
 30. Замбровский Ю.Л. К вопросу о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политический журнал. – 1991. – №6.
 31. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
 32. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
 33. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и правовое государство // Полис. – 1992. – №1-2. – С. 8-17.
 34. Казлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. – СПб., 2003.
 35. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. – 2002. – №10.
 36. Кальной И.И., Лопушанский И.Н. Гражданское общество: истоки и современность. – М., 2006.
 37. Керимов Д.А. К вопросу о формировании в России гражданского общества // Гражданин и право. – №3. – М., 2002.
 38. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
 39. Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. – М.: Юрлитинформ, 2007.

40. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2004.
41. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. – М., 1993.
42. Кузнецов Э.В., Савельев В.Ф. Правовое государство: из истории русской правовой мысли // Правоведение. – 1991. – №1.
43. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
44. Лившиц Р.З. Право и закон в правовом государстве // Сов. государство и право. – 1989. – №3.
45. Лузин В.В. Президентская модель разделения властей (на примере США) // Государство и право. – 1999. – №3. – С. 82-90.
46. Луковская Д.И., Казлихин И.Ю. Право, государство, политика (к разработке современной концепции правового государства) // Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. Серия: Россия накануне XXI века. Вып. 3. – СПб., 1995.
47. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – №12.
48. Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективе правового государства в России // Государство и право. – 1996. – №5.
49. Морозова Л.А. Права человека в условиях становления гражданского общества (Международная научно-практическая конференция) // Государство и право. – 1997. – №10.
50. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
51. Омельченко О.А. Идея правового государства: истоки, перспективы, туники. – М., 1994.
52. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
53. Посохина И.В. Актуальные проблемы судебного контроля в сфере административного судопроизводства // Власть и право в современной России: социо-гуманистический контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очаревского. – СПб., 2011. – С. 36-41.
54. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
55. Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всерос. науч.-практ. кон. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очаревского. – СПб., 2011.
56. Проблемы становления гражданского общества в России: Материалы науч. сем. Вып. 1. – М., 2003.
57. Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Исполнительная и судебная ветви власти: соотношение и взаимодействие // Государство и право. – 2000. – №1. – С. 5-11.
58. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – №11.
59. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – №1.
60. Соколов А.Н. Правовое государство. Идея, теория, практика. – Курск, 2004.
61. Судебная власть / Под ред. Л.И. Петрухина. – М.: ТК Велби, 2003.
62. Судебная реформа в прошлом и настоящем / Авт. вступ. ст. В.М. Жуйков. – М.: Статут; РАП, 2007.
63. Холодковский К.Г. Гражданское общество: структура и сознание. – М., 1998.
64. Чеботарев Г.Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. – Тюмень, 1997.
65. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. – 1992. – №6.
66. Черниловский З.М. Правовое государство: исторический опыт исследования // Государство и право. – 1992. – №6.
67. Чиркин В.Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Сов. государство и право. – 1990. – №8. – С. 3-12.
68. Энтин Л.М. Разделение властей. Опыт современных государств. – М., 1995.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,
профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: alievyakub@mail.ru

АРУЕВ Кирилл Богданович,
доцент кафедры уголовного и гражданского права
Санкт-Петербургского государственного
университета гражданской авиации,
кандидат юридических наук
E-mail: aruev@gmail.com

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
заместитель начальника отдела нормативно-
правового регулирования обеспечения
безопасности дорожного движения Федерального
казначейского учреждения Научно-
исследовательского центра Безопасности
дорожного движения МВД России,
доктор юридических наук
E-mail: sal_sp@gmail.com

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии Санкт-Петербургского
государственного политехнического университета,
доктор юридических наук
E-mail: nauka123@yandex.ru

**Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право**

АВТОТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам типологии личности автотранспортных преступников. Авторы, изучив простую совокупность отрицательных свойств личности, черт ее характера, наиболее распространенных у лиц, совершивших автотранспортные преступления, сводят индивидуальное в их характере к общему и наоборот. Такой подход служит для исследователей отправной точкой для обобщения (типологии), позволяя раскрыть содержание типов в определенных ракурсах, проявлениях и функциях.

Авторы различают типологию и классификацию преступников, учитывая особенности отдельных категорий правонарушителей, они их группируют и классифицируют по различным основаниям. Среди лиц, совершивших преступление по неосторожности, идет речь о трех основных группах: случайных, неустойчивых и злостных преступниках. Эта классификация дополняется рассмотрением особенностей личности каждой категории преступников с учетом степени психологической деформации, в зависимости от ситуации, влияния объективных и субъективных причин.

Авторы демонстрируют внимательное отношение к творчеству отечественных и зарубежных криминологов. Статья базируется на достижениях мировой криминологической мысли.

Ключевые слова: личность преступника; типология личности; отрицательные свойства личности; черты характера; мотивы поведения; классификация преступников; основания классификации; психологическая деформация; объективные и субъективные причины.

ALIEV Ya.L.
ARUEV K.B.
SAL'NIKOV S.P.
TRET'YAKOV I.L.

MOTOR VEHICLE CRIMINALS: ON PERSONALITY TYPOLOGY

The summary. The article is concerned with the issues of personality typology for motor vehicle criminals. The authors having studied a simple set of negative attributes of personality, its character traits the most common in persons who committed motor vehicle narrow down the individual features in their characteristics to the general ones and vice versa. Such an approach is used by the researchers as the starting point for generalization (typology) allowing revealing the contents of types in certain perspectives, forms and functions.

The authors distinguish the typology and classification of criminals taking into account the features of certain categories of offenders, they Авторы различают типологию и классификацию преступников, they group and classify them on various grounds. Among the persons who committed the crime by negligence the subject is concerned with three basic groups: accidental, unstable and malicious criminals. This classification is added with the consideration of individual characteristics of personality for each category of criminals with account for the degree of psychological deformation depending on the situation, impact of objective and subjective reasons.

The authors demonstrate a careful attitude to the works of domestic and foreign criminologists. The article is based on the achievements of the world criminological thought.

Key words: personality of criminal; personality typology; negative attributes of personality; character traits; motives of behavior; classification of criminals; grounds for classification; psychological deformation; objective and subjective reasons.

С целью более глубокого изучения индивидуальных особенностей, психологических качеств автотранспортных преступников, необходимо установить, что наиболее типично для такой категории граждан. Иными словами, следует изучить простую совокупность отрицательных свойств личности, черт ее характера, наиболее распространенных в исследуемой среде. Данная проблема решается путем сведения индивидуального в личности автотранспортного преступника к общему и наоборот. Метод сведения всего разнообразия индивидуальных особенностей личности будет служить отправной точкой для обобщения (типологии), раскрывающего содержание типов в определенных ракурсах, проявлениях и функциях. На основании типологии (типовизации) можно говорить о различных

направлениях изучения личности преступника. Причем, применительно не только к общему типу, но и к конкретным категориям лиц, когда учитываются признаки частного порядка. Признаки частного порядка характеризуют преступника, как правило, не в целом, а лишь по отдельным свойствам, чертам характера. Однако во всех случаях необходимо изучать взаимозависимость между типом личности и характером содеянного [2; 3; 6; 10; 12; 18; 19; 20; 21; 22; 24; 25; 26].

Смысл типологии состоит в том, что предметом познания является не отдельная личность, а множество лиц, выступающих в единстве как объект исследования. Типология позволяет интегрировать представление о личности преступника, выделить в ней главное,

существенное, поэтому в научной литературе ей придается большое значение [15].

В криминологической литературе различают типологию и классификацию преступников. При этом типология, являясь более глубокой характеристикой разных контингентов преступников, обобщает совокупность типичных для всех или определенных групп социальных особенностей, в то время как классификация подразделяет преступников на группы, категории с использованием такого критерия, как статистическая распространенность одного или нескольких признаков. Поэтому обычно классификация предшествует типологии [11; 14].

Выявленные у автотранспортных преступников черты и свойства личности, предопределяющие во многом характер криминальной активности (преступного поведения), не являются абсолютно одинаковыми для всех водителей, совершивших преступления. Весьма широкий диапазон имеют нравственно-психологические характеристики лиц, совершающих дорожные преступления. В одних случаях это типичные ситуативные преступники, имеющие незначительные нравственные дефекты, уступающие давлению неблагоприятных жизненных обстоятельств, преступающие закон в силу недостаточной квалификации и профессионализма. Однако противоправный характер действий преобладающей части лиц, совершивших дорожные преступления, был связан с удовлетворением эгоистических, своеокрыстных интересов и потребностей; мотивация у ряда граждан выражалась в примитивных, социально неприемлемых побуждениях; поведение третьих было обусловлено неумением контролировать свои действия и т. д. Это в свою очередь не позволяет говорить о существовании особого мотива у данных субъектов, да и сами преступники не составляют однородной массы. Поэтому, учитывая особенности отдельных категорий преступников, их можно группировать и классифицировать по различным критериям [23].

Проводя криминологическое исследование различных категорий лиц, совершивших преступления по неосторожности, П.С. Дагель выделяет среди них три основных группы: случайных, неустойчивых и злостных преступников. К случайным неосторожным преступникам можно отнести лиц, впервые совершивших неосторожные преступления, нарушивших правила безопасности небрежно или

под влиянием лишь провоцирующей ситуации, либо особого психофизиологического состояния. Эта категория неосторожных преступников характеризуется общей положительной направленностью личности; ранее правонарушений они не совершали. Удельный вес этой категории составляет 50-60%. К неустойчивым неосторожным преступникам следует отнести, как правило, впервые совершивших неосторожные преступления в нормальной ситуации, нарушивших правила безопасности сознательно и не вынужденно, ранее допускавших правонарушения. Их общая направленность личности неустойчивая, отчасти отрицательная. Удельный вес этой категории 30-40 %. К злостным неосторожным преступникам правомерно отнести тех, кто ранее осуждался за совершение преступлений, неоднократно допускал нарушения правил безопасности, за что привлекался к административной ответственности, характеризуется отрицательно, считает, что за нарушение правил безопасности можно «откупиться» и уйти от ответственности. Их доля невысока, примерно 10-15% [8]. Следует особо подчеркнуть, что данная типология в полной мере может быть использована при изучении автотранспортных преступников.

На наш взгляд, типология личности автотранспортного преступника, основанная на соотношении негативной и позитивной направленности личности, может быть представлена следующим образом: а) крайне отрицательный, деформированный тип с выраженной негативной направленностью, правовым нигилизмом, антисоциальными установками, со значительным криминальным анамнезом; б) условно-криминогенный тип (личности с низким уровнем правосознания, отличающиеся самонадеянностью, сознательно пренебрегающие требованиями административного и уголовного законодательства; как правило, представители данного типа активизируются под влиянием внешних ситуаций); в) неустойчивый тип содержит в себе компоненты негативной и позитивной направленности; личности отличаются неустойчивостью и противоречивостью; г) небрежный тип – представители данного типа никогда не идут осознанно на риск аварии, но и не утруждают себя анализом, прогнозом возможного развития событий; не извлекают позитивный опыт из прошлых ошибок,

при развитии конфликтных ситуаций, склонны обвинять во всем окружающих; негативная направленность минимальна; д) случайный тип характеризуется позитивной социальной направленностью, устойчивым уровнем правосознания. Следует отметить, что данные типы достаточно подробно описаны Ю.М. Антоняном, В.Н. Кудрявцевым, В.Е. Эминовым [5].

В криминологической литературе можно встретить множество вариантов типологии личности преступников. В зависимости от критерииов типологизации все известные типологии делят на три группы (данная типология встречается в работах практических всех известных отечественных криминологов). Первая группа дифференцирует преступников в зависимости от характера личностно-мотивационных свойств, проявляющихся в преступном поведении (корыстные, насильтственные, неосторожные и иные преступники). Вторая – делит их в зависимости от степени выраженности криминогенных искажений личности (криминогенный и частный преступники). Основанием третьей является социальная направленность личности (профессиональный, привычный, неустойчивый, небрежный и случайный типы преступников) [9; 11; 23].

Вместе с тем изложенные подходы объединения типологий не могут трактоваться как завершенные и требуют проведения новых исследований распространенности различных типов преступников, что позволит в дальнейшем внести в них необходимые изменения и уточнения. Рассмотрение особенностей личности конкретной категории преступников может строиться, по нашему мнению, с учетом степени психологической деформации, в зависимости от ситуативных факторов, влияния объективных причин преступности. Авторы исследования полностью согласны с высказыванием американского криминолога В. Фокса, что типология, классификация и методы прогнозирования способствуют формированию теоретических конструкций и определений в области криминологии, которые необходимы для дальнейшего развития юридической науки, практической работы и для принятия обдуманных политических решений («осуществление исследовательских программ способствовало типизации преступников, что позволило сократить

нескончаемое разнообразие проблем и факторов посредством их концептуализации, которая сосредотачивает внимание на моделях динамики и симптомов, устанавливаемых путем диагностирования») [29, стр. 246]. С данной точкой зрения полностью солидарен М.Q. Warren, по мнению которого, типологии, классификации и всевозможные модели свидетельствуют о высоком уровне криминологических исследований, которые интегрируют многие подходы к изучению преступности [31, р. 1-5].

Практическое значение криминологической характеристики преступника проявляется при изучении причин и условий совершения конкретных преступлений. Причины и условия совершения конкретных преступлений во многом связаны с личностью обвиняемого. Представление, которое выносит следователь, должно отражать полученную информацию и иметь четкий адрес профилактических предписаний. И здесь знание генезиса личности преступника, ее криминологических особенностей помогает отобрать из полученной в ходе следствия информации самое существенное о причинах и условиях совершенного преступления [28].

Личность любого человека, в том числе и совершившего преступление, есть продукт социальной среды – среды и общесоциальной, и непосредственной, конкретной. Сама среда и ее отражение в мотивации личности могут быть узкими или широкими, благоприятными или неблагоприятными. В связи с этим встает важный для криминологической теории и практики вопрос о том, в какой мере личность и ее поступки определяются внешними объективными условиями и в какой – самой личностью. Сюда включается, в частности, вопрос об ответственности личности за то, что она собой представляет, какой она сформировалась и в какой мере ее установками, морально-этическими требованиями определяются ее отрицательные качества и поступки. Это и практической важности методические указания на то, как воздействовать на личность (в целях профилактики преступлений), т. е. на субъективный фактор, а в каких – изменять условия формирования и функционирования личности, т. е. объективные факторы [5; 13; 27].

Изменение объективных условий и искажение субъективных характеристик может негативно сказаться на мотивационной сфере, на конфликтном характере взаимоотношении с

окружающими, безответственной, беспринципной позиции, деструктивной поведенческой активности, что, безусловно, способствует совершению автотранспортных преступления. Значительная часть автотранспортных преступников, существенно не отличается от законопослушных граждан, что уже ставит их в обособленное положение среди других нарушителей закона. Учитывая, что автотранспортные преступления можно рассматривать в рамках криминальной неосторожности, для исследователей особую роль приобретают дефекты поведения, характерологические особенности и криминологическая ситуация. Провокационное, агрессивное поведение водителя на дороге, создающие угрозу опасности окружающим, имеет два источника: асоциальное поведение девиантных личностей или неадекватные действия психоаномалов, которые зачастую испытывают состояния декомпенсации в экстремальных условиях. Дисгармоничность психоаномальных личностей, совершивших автотранспортное преступление, проявляется в нервно - психической неустойчивости (акцентуации характера, пограничные состояния, начальные стадии психических заболеваний), высокой тревожности и повышенной общественной опасности [4; 30].

Данные психологического обследования лиц, из числа осужденных, а также материалы Бюро судебно – психиатрической экспертизы Ленинградской области свидетельствуют, что важнейшим фактором, определяющим поведение

человека в экстремальной ситуации, является его эмоциональная лабильность, импульсивность, тесно связанные с уровнем притязаний и самооценкой личности. В частности, неадекватно завышенные самооценка и уровень притязаний свидетельствуют об эмоциональной неустойчивости в экстремальных ситуациях. Большое значение при совершении автотранспортных преступлений имеют такие качества личности преступников как мнительность, ранимость, легкая возбудимость, наличие аффективных комплексов [7; 16].

Индивидуальный характер поведения в сложных дорожных условиях в значительной степени зависит и от особенностей нервной системы водителя, так как в этих ситуациях значительно уменьшается роль навыков, умений, опыта, в то время, как роль врожденного фактора -природной организаций функций нервной системы – существенно возрастает. Известны преимущества лиц с сильной нервной системой, многие из которых способны действовать хладнокровно и четко в подобных условиях, в то время, как у лиц со слабой нервной системой значительно чаще снижается способность к осуществлению целенаправленной регуляции своего поведения вплоть до полного нервного срыва (на что также указывали Ю.М. Антонян и Н.Ф. Кузнецова). Мотивация личности виновного в совершении автотранспортного преступления определяется конкретной ситуацией и психическим состоянием субъекта [5; 17].

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология. – М., 1984.
2. Аванесов Г.А. Основы криминологического прогнозирования. – М., 1970.
3. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
4. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: Норма, 2001.
5. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
6. Воронин Ю.А. Типология личности преступников: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974.
7. Головко В. В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2008.
8. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1997.
9. Долгова А.И., Ермаков В.Д., Беляева Н.В. Проблема типологии несовершеннолетних преступников // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 24. – М., 1976.
10. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1982.
11. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974.

12. Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1986.
13. Криминология и профилактика преступлений / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
14. Криминология: Словарь / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999.
15. Криминология: Учебник / Н.А. Беляев, И.В. Волгарева, Н.М. Кропачев и др. Под ред. В.В. Орехова. – СПб.: Изд-во СПГУ, 1992.
16. Криминология. Учебник для юридических вузов / Под. ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999.
17. Криминология: Учебник / Под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.Н. Миньковского. – М.: Юрид. лит., 1988.
18. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М., 1978.
19. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
20. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
21. Лунеев В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. – М., 1980.
22. Механизм преступного поведения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1981.
23. Надъярный А.В. Психологическая характеристика типов правонарушителей // Вопросы борьбы с преступностью. – 1974. – №1.
24. Номоконов В. А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. – Владивосток, 1989.
25. Пискарев Д.П. Социально-психологические стереотипы противоправного поведения молодежи. – М.; Кострома, 1999.
26. Психологический механизм юридического поведения личности / Под науч. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
27. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002.
28. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
29. Фокс В. Введение в криминологию. – М.: Прогресс, 1985.
30. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: Учебник для вузов. – М.: ИКД – «Зерцало-М», 2002.
31. Warren M.Q. Correctional Treatmentin the Community Setting: A Report of Currnt Research. – Washington, D.C., 1972.

НИГМЕТОВ Николай Александрович,
старший преподаватель кафедры оперативно-
розыскной деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук
E-mail: nigmetoff@inbox.ru

Специальность 12.00.12 – Международное
право. Европейское право

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость создания в России единой общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма. Приводятся доводы, обуславливающие такую необходимость. Терроризм, как социально-политическое и криминальное явление, в последние годы значительно усложнился и детерминируется разнообразными явлениями, в первую очередь, конфликтами в социальной, экономической, политической и иных сферах общественных отношений. Нередко в процессе развития экстремистских и террористических проявлений наблюдается переход их из одной сферы общественных отношений в другую и т. д. Автор обосновывает мысль о том, что единая стратегия профилактики терроризма и экстремизма позволит объединить в этом направлении разрозненные усилия многочисленных государственных структур и общественных формирований. Он приходит к выводу о том, что основой общегосударственной системы профилактики этих антиобщественных явлений является стратегически ориентированная последовательная политика, направленная на исключение возникновения острых противоречий между народом и властью.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; система; противоречия; обострения; социальные обострения; детерминация; конфликты; экономическая, социальная, политическая сферы.

NIGMETOV N.A.

ON THE NEED FOR CREATION OF A NATION-WIDE SYSTEM TO PREVENT TERRORISM AND EXTREMISM IN RUSSIA

The summary. The article justifies the need for creation of a unified nation-wide system to prevent terrorism and extremism in Russia. The arguments for this need are provided. Terrorism as social-and-political and criminal phenomenon has become significantly more complicated in recent years and is determined by various phenomena, primarily by conflicts in social, economic, political and other spheres of social relations. It is not infrequent that in the course of development of extremist manifestations their transition from one sphere of social relations to another, etc. is observed. The author justifies the idea that a unified strategy for prevention of terrorism and extremism will allow to unite in this area isolated efforts of numerous state structures and public formations. He comes to the conclusion that the basis of nation-wide system for prevention of these anti-social phenomena is a strategically oriented consistent policy aimed at the exclusion of acute contradictions between the people and authorities.

Key words: terrorism; extremism; system; contradictions; aggravations; social aggravations; determination; conflicts; economic, social, political spheres.

Не всякий экстремизм чреват террористическими проявлениями, следовательно, некоторые его формы не могут являться предметом воздействия с позиций профилактики терроризма. Кроме того, профилактика терроризма возможна там, где профилактика экстремизма уже запоздала.

В этой связи необходимо отметить ряд факторов, обуславливающих необходимость создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России.

Во-первых, терроризм как социально-политическое и криминальное явление необыкновенно усложнился, расширился спектр его детерминант. Основой возникновения террористических проявлений служат разного рода конфликты в социальной, экономической, политической и иных сферах общественных отношений. Идеологическая мотивация терроризма представлена национализмом, сепаратизмом, политическим экстремизмом, корыстными интересами, авторитаризмом политических, экономических элит. Взаимодействие многочисленных террористических проявлений объективного и субъективного свойства порождает новые мутации причин экстремизма и терроризма. Естественно, адекватное противодействие возможно лишь посредством создания всеохватывающей системы мер и усилия всех государственных структур и общественности.

Во-вторых, в процессе развития экстремистских и террористических проявлений происходят изменения природы социального обострения и его переход из одной сферы общественных отношений в другую, из нее – в третью и т. д. Например, длительная невыплата заработной платы рабочим (фактор материальный, экономический) способна породить акции гражданского неповиновения. Последние, будучи явлением социальным, при своем разрастании превращаются в фактор политический как по выдвигаемым лозунгам с требованиями отставки правительства и президента, так и по существу. Такое политическое движение может в случае непринятия действенных мер и обострения ситуации привести к криминальным явлениям, например, к захвату в заложники руководителей предприятий и представителей органов исполнительной власти, перекрытию железнодорожных и автомобильных магистралей, призыву к вооруженной борьбе за свои права и т. д.

Профилактика терроризма на каждом из этапов нарастания угрозы совершения террористического правонарушения ложится на разные структуры власти, ответственные за реализацию контртеррористических мер. Следовательно, профилактическое воздействие не может быть частичным, состоящим из самостоятельных, независимых элементов. Должна быть единая система профилактических мер, обладающая способностью использовать различные рычаги воздействия на различные сферы общественных отношений и маневрирующая такими рычагами адекватно развитию ситуации. Этим требованиям отвечает лишь общегосударственная система мер профилактики.

В-третьих, необходимо учитывать, что некогда эффективная система подобных мер в стране была разрушена, а вновь созданные российские спецслужбы и правоохранительные органы вынуждены самостоятельно, зачастую независимо друг от друга искать пути раннего предупреждения преступлений, включая террористические посягательства на объекты их защиты.

Единая же стратегия профилактики терроризма, объединение в этом направлении разрозненных усилий многочисленных структур государственного и негосударственного секторов позволила бы повысить суммарный профилактический потенциал в сфере противодействия террористической угрозе.

В-четвертых, естественной реакцией на рост насилия и терроризма в стране за последние годы стали поиски путей выхода из создавшейся ситуации. Для собственной безопасности и безопасности своих близких люди предпринимают шаги по созданию отрядов самообороны, изыскивают способы приобретения оружия. Такая ситуация характерна, например, для северокавказских регионов, граничащих с Республикой Чечня. При создании же общегосударственной системы мер профилактики терроризма инициативу людей в области организации самозащиты можно будет направлять, а не воспроизводить преступность, не накалять атмосферу, не дестабилизировать социально-политическую обстановку в регионах. При этом вероятность неконтролируемых конфликтов с применением насилия будет значительно снижена, а разрешение серьезных криминогенных противоречий переведено в правовую плоскость.

В-пятых, одной из существенных тенденций

терроризма в условиях современной российской действительности является взаимопроникновение политически (идейно) мотивированного терроризма и так называемого корыстного, или криминального, терроризма.

В-шестых, предпосылкой политически мотивированных акций терроризма, как правило, является политический экстремизм как система крайних взглядов и действий.

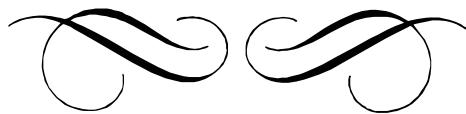
В-седьмых, одним из самых террористических факторов в условиях России является обострение межнациональных отношений. И хотя межнациональные и межэтнические конфликты редко возникают в «чистом виде», так как определяющее влияние на характер развития этнополитической ситуации оказывает, прежде всего, состояние экономики, социальной и культурной сфер в стране, но в ситуациях, когда в противоречия в любой области общественных отношений привносятся лозунги защиты

национальных интересов, вероятность перерастания такого рода противоречий в открытые насильственные действия, в том числе и террористического характера, резко возрастает [2; 3]. Справедливо отмечено, что «гражданские и прочие социальные конфликты принимают национальную окраску, соединяются в сознании людей с ущемлением их национального достоинства, они становятся наиболее взрывоопасными» [1, стр. 15].

Таким образом, можно сделать вывод, что фундаментом общегосударственной системы мер профилактики терроризма является стратегически ориентированная последовательная политика, имеющая целью оптимизацию общественных отношений в стране и исключающая возникновение острых антагонистических противоречий между народом и властью, отдельными слоями и группами населения, политическими движениями и партиями.

Список литературы

1. Ассанов Е.В. Роль права в предотвращении межнациональных конфликтов // Межнациональные конфликты. Место и роль органов внутренних дел в межнациональных конфликтах. – М., 1992.
2. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб., 2003.
3. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
4. Сальников В.П., Ивашов Л.С., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
5. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
6. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
7. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО.

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

ВИДЫ И ФОРМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы классификации финансового контроля, его виды и формы. Классификация предлагается по различным основаниям: по субъектам, осуществляющим контроль, и по содержанию (по объекту контроля). По субъектам выделяется контроль: государственный, муниципальный, общественный и аудиторский. По содержанию: бюджетный, налоговый, валютный, таможенный, банковский и страховой. Анализируя Лимскую декларацию, автор исследует такие виды контроля, как предварительный и контроль по факту, внутренний и внешний контроль, формальный контроль и контроль исполнения. Названные виды финансового контроля подразделяются на подвиды.

Подробно изучаются позиции проф. Е.Ю. Грачевой и проф. Н.И. Химичевой, как наиболее конструктивные по вопросам финансового контроля, и формулируется авторское мнение. Интересно в работе представлена творческая дискуссия об иерархии финансового контроля, в частности о месте в этой иерархии Счетной палаты Российской Федерации. Использованы научные труды сотрудников Счетной палаты и ее руководителя С.В. Степашина.

Изучая исторический и зарубежный опыт, используя организационно-функциональный подход к структуре финансового контроля, автор приходит к выводу о наличии в России слишком большого количества различных органов, выполняющих сходные задачи. И это не позволяет обеспечить надежный уровень финансового контроля в стране. Предлагаются направления его совершенствования.

Ключевые слова: финансовый контроль; виды; формы; классификация; основания классификации; государственный, муниципальный, общественный, аудиторский, бюджетный, налоговый, валютный, таможенный, банковский, страховой контроль; иерархия контроля; исторический и зарубежный опыт.

KONDRAT E.N.

TYPES AND FORMS OF FINANCIAL CONTROL: SOME CLASSIFICATION ISSUES

The summary. The article considers the problems of financial control classification, its types and forms. The classification is proposed on various grounds: by the subjects carrying out control

and by the content (by the object of control). For the subjects the control is distinguished as follows: state, municipal, public and audit. For the content: budget, tax, currency, customs, banking and insurance. Analyzing Lima Declaration the author studies such types of control as the preliminary and the control on actual basis, the internal and external control, the formal control and control over execution. The types of financial control mentioned above are divided into subtypes.

The standpoints of Prof. E.Yu. Gracheva and Prof. N.I. Himicheva are studied in detail as the most constructive ones in relation to financial control issues and the author's opinion is formed. The creative discussion on the financial control hierarchy is presented in the paper with a point of interest, in particular on the place of the Accounting Chamber of the Russian Federation in this hierarchy. Scientific works of the Accounting Chamber employees and its head S.V. Stepashin are used.

Having researched the historical and foreign experience, having used the organizational-and-functional approach to the structure of financial control the author concludes that there are too many various agencies performing similar tasks in Russia. And this does not allow ensuring a reliable level of financial control in the country. The ways for its improvement are proposed.

Key words: financial control; types; forms; classification; basic classification; state, municipal, public, audit, budget, tax, currency, customs, banking, insurance; control hierarchy; historical and foreign experience.

Финансовый контроль многообразен, поэтому его классификацию в науке финансового права ученые проводят по различным основаниям [4; 6; 7; 8; 9; 11; 13; 14; 15; 17; 23, стр. 51-54; 25, стр. 44-45; 26; 27; 29; 30; 31; 32; 33]. В монографии «Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации» (под ред. проф. д.ю.н. А.Н. Козырина) в связи с этим предлагается сначала договориться о понятиях.

В словаре Брокгауза и Эфрона можно прочитать, что «видом» следует считать понятие, подчиненное другому, более общему понятию, объем которого содержит часть объема от этого более общего (родового) понятия; «формой» называется совокупность отношений, определяющих внешнее выражение содержания объекта, закрепление объекта во времени и пространстве, а под словом «тип» подразумевается простейшая модель, выражающая определенный закон строения или образования явления.

Таким образом, типология контроля включает в себя виды и формы рассматриваемого явления. Типы контроля различаются в зависимости от того, какой признак принимается за основу классификации.

Этими признаками являются элементы системы контроля: субъект и объект контроля, способы его осуществления, время осуществления контроля [4].

Под видом финансового контроля понимается составляющая часть финансового контроля, отражающая содержание целого. Можно выделить различные виды финансового контроля в зависимости от основания классификации:

- 1) по субъектам, осуществляющим контроль:
 - а) государственный (на уровне Российской Федерации и ее субъектов):
 - надведомственный, или внешний (осуществляется органами государственной власти, не входящими в структуру контролируемого субъекта);
 - парламентско-бюджетный (осуществляется законодательными (представительными) органами власти);
 - внутриведомственный, или внутренний (осуществляется структурным подразделением контролируемого субъекта);
 - внутренний (внутренний финансовый аудит) (осуществляется органами исполнительной власти);
 - б) муниципальный (осуществляется органами местного самоуправления):
 - внутренний, внутренний финансовый аудит, (осуществляется органами местной администрации);
 - в) общественный (осуществляется гражданами или их объединениями, общественными

организациями);

г) аудиторский (осуществляется специализированными негосударственными организациями);

2) по содержанию (по объекту контроля):

а) бюджетный (контроль над формированием доходов и осуществлением расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, осуществлением государственных и муниципальных заимствований, представлением государственных и муниципальных кредитов, использованием государственного имущества);

б) налоговый (контроль над соблюдением налогоплательщиками, налоговыми агентами и плательщиками сборов законодательства о налогах и сборах);

в) валютный (контроль над соблюдением валютных ограничений);

г) таможенный (контроль над соблюдением декларантами, перевозчиками, таможенными брокерами таможенного законодательства в части уплаты таможенных платежей);

д) банковский (контроль над соблюдением кредитными организациями законодательства Российской Федерации и нормативных актов Центрального банка Российской Федерации);

е) страховой надзор [4].

Лимская декларация выделяет такие виды контроля как предварительный контроль и контроль по факту, внутренний и внешний контроль, а также формальный контроль и контроль исполнения.

Предварительный контроль представляет собой проверку административных и финансовых документов, проводимую до получения информации об имевших место нарушениях. Контроль по факту – это проверка, проводимая после получения информации о факте допущенного нарушения.

Эффективный предварительный контроль является неотъемлемой частью надежной системы управления доверенными денежными и материальными средствами. Он может быть проведен высшим контрольным органом или другими контрольными организациями.

Предварительная проверка, проводимая высшим контрольным органом, имеет то преимущество, что позволяет предотвратить возможные нарушения до того, как они произошли. Однако ее недостатки является перегрузка в

работе высшего контрольного органа и неопределенность в отношении ответственности перед законом. Проверка по факту, проведенная высшим контрольным органом, приводит к привлечению виновных к ответственности, компенсации причиненного ущерба, предотвращению нарушений в будущем.

Проводит ли высший контрольный орган предварительную проверку или нет, зависит от законодательства, условий и требований к органам контроля в отдельной стране. Проведение же ревизий по факту является прямой обязанностью высшего контрольного органа, независимо от того занимается он предварительной ревизией или нет.

Внутренние контрольные службы создаются внутри отдельных ведомств и организаций, в то время как внешние ревизионные службы не являются частью организационной структуры проверяемых организаций. Высший контрольный орган является внешним ревизионным органом.

Внутренняя контрольная служба обязательно должна подчиняться руководителю организации, внутри которой она создана. Однако она должна быть по возможности функционально и организационно независима внутри соответствующей организационной структуры.

В качестве внешней контрольной службы высший контрольный орган должен проверять эффективность внутренней контрольной службы. Если внутренняя контрольная служба признана эффективной, необходимо предпринимать шаги, не ущемляя право высшего контрольного органа, проводить всеохватывающую проверку с тем, чтобы обеспечить необходимое разделение задач и сотрудничество между высшим контрольным органом и внутренней контрольной службой.

Традиционной задачей высшего контрольного органа является проверка законности и правильности распределения финансовых средств и ведения бухгалтерских счетов.

В дополнение к этому виду контроля, важность которого неоспорима, имеется также другой вид контроля, который направлен на проверку того, насколько эффективно и экономно расходуются государственные средства. Такой контроль включает не только специфические аспекты управления, но и всю управленческую деятельность, в том числе организационную и административную системы.

Н.И. Химичева в зависимости от субъекта, осуществляющего финансовый контроль,

подразделяла его на следующие виды:

- а) представительных органов государственной власти и местного самоуправления;
- б) Президента или аппарата Президента Российской Федерации;
- в) исполнительных органов власти общей компетенции;
- г) финансово-кредитных органов;
- д) ведомственный и внутрихозяйственный;
- е) общественный;
- ж) аудиторский [24, стр. 114; 28, стр. 87].

По субъекту осуществления финансового контроля его подразделяют и на такие виды, как:

- государственный;
- негосударственный [10, стр. 117].

В свою очередь, названные виды финансового контроля подразделяются на подвиды.

Так, государственный финансовый контроль можно подразделить на общегосударственный, ведомственный и внутрихозяйственный.

Негосударственный финансовый контроль подразделяется на местный финансовый контроль, внутрисистемный, аудиторский (независимый), общественный.

Общегосударственный финансовый контроль осуществляется Федеральным Собранием – парламентом Российской Федерации, который в соответствии со ст. 94 Конституции РФ является представительным и законодательным органом. Данный вид контроля осуществляет Президент Российской Федерации. Проводят общегосударственный финансовый контроль и законодательные органы субъектов РФ. Функции по осуществлению общегосударственного финансового контроля в соответствии с законодательством возложены также на исполнительную власть Российской Федерации - Правительство РФ, правительства и администрации субъектов Российской Федерации [21, стр. 110].

В законодательстве предусмотрено и создание специальных субъектов общегосударственного финансового контроля, для которых финансовый контроль является основным видом их деятельности. К ним относятся Счетная палата РФ, Центральный банк РФ (Банк России), Министерство финансов РФ, а также созданные в 2004 году пять федеральных служб: Федеральная налоговая служба, Федеральное казначейство, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, Федеральная служба по финансовому

мониторингу, Федеральная служба страхового надзора.

Субъектами общегосударственного финансового контроля являются и соответствующие органы исполнительной власти субъектов РФ.

Рассмотрим теперь более подробно существующие в нашей стране государственные контрольные органы, их роль и полномочия.

В первую очередь, отметим такой орган, как Контрольное управление Президента РФ, действующее на основании соответствующего Положения, утвержденного Указом Президента РФ от 8 июня 2004 года № 729 [2].

Основными задачами Управления являются:

- контроль и проверка исполнения федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также организациями федеральных законов (в части, касающейся полномочий Президента Российской Федерации, в том числе по обеспечению прав и свобод человека и гражданина), указов, распоряжений и иных решений Президента Российской Федерации;
- контроль над реализацией общенациональных проектов;
- контроль и проверка исполнения поручений Президента Российской Федерации и Руководителя Администрации Президента Российской Федерации;
- контроль над реализацией ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, бюджетных посланий Президента Российской Федерации и иных программных документов Президента Российской Федерации;
- информирование Президента Российской Федерации и Руководителя Администрации Президента Российской Федерации о результатах проверок и подготовка на их основе предложений по предупреждению и устранению выявленных нарушений.

Основными функциями Управления являются:

- организация и проведение проверок и иных мероприятий по контролю;
- рассмотрение докладов об исполнении поручений Президента Российской Федерации и подготовка предложений о снятии с контроля или продлении сроков

исполнения этих поручений;

- осуществление контроля над деятельностью самостоятельных подразделений Администрации Президента Российской Федерации по поручению Президента Российской Федерации или Руководителя Администрации Президента Российской Федерации;
- осуществление по поручению Руководителя Администрации Президента Российской Федерации контроля над исполнением сметы Администрации Президента Российской Федерации;
- осуществление по поручению Руководителя Администрации Президента Российской Федерации координации деятельности по вопросам контроля полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах и самостоятельных подразделений Администрации Президента Российской Федерации, а также осуществление методического руководства этой деятельностью;
- участие в предупреждении и устраниении выявленных нарушений;
- участие в подготовке материалов для ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации;
- изучение опыта работы контролирующих органов зарубежных стран.

Управление для осуществления своих задач и функций имеет право:

- создавать комиссии с привлечением в установленном порядке работников аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, работников федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, сотрудников правоохранительных и контролирующих органов;
- направлять работников Управления на заседания Правительства Российской Федерации, коллегий федеральных органов исполнительной власти, а также на совещания по вопросам контроля, проводимые федеральными органами исполнительной власти и органами

исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

- вносить в установленном порядке предложения Президенту Российской Федерации, в Правительство Российской Федерации, руководителям федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации о привлечении к дисциплинарной ответственности государственных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение федеральных законов, указов, распоряжений и иных решений Президента Российской Федерации, а также о временном отстранении государственных служащих, допустивших должностной проступок, от исполнения должностных обязанностей;
- вызывать должностных лиц для дачи устных и письменных объяснений по поводу неисполнения или ненадлежащего исполнения федеральных законов (в части, касающейся полномочий Президента Российской Федерации, в том числе по обеспечению прав и свобод человека и гражданина), указов, распоряжений и иных решений Президента Российской Федерации;
- направлять в органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы внутренних дел Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности и иные государственные органы материалы о выявленных в результате проверок нарушениях;
- запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы от самостоятельных подразделений Администрации Президента Российской Федерации, от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также от организаций и должностных лиц;
- пользоваться банками данных Администрации Президента Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти;
- привлекать для осуществления отдельных

работ ученых и специалистов, в том числе на договорной основе [2].

В соответствии с главой 26 Бюджетного кодекса РФ полномочиями по осуществлению государственного финансового контроля на федеральном уровне обладают законодательные органы РФ, осуществляющие предварительный, текущий и последующий контроль в финансово-бюджетной сфере (статья 265 БК РФ). Важно, что эти органы вправе создавать собственный контрольный орган, которым сейчас является Счетная Палата РФ. Государственный финансовый контроль осуществляется также федеральными органами исполнительной власти (статья 266 БК РФ), среди которых выделены Федеральное Казначейство и ФС ФБН (статьи 267, 268 БК РФ), а также главные распорядители бюджетных средств (статья 269 БК РФ).

Однако финансовый контроль реализуется не только в бюджетной сфере. Необходимо отметить существование налогового и валютного контроля, а также банковского надзора. Исходя из этого, можно назвать более широкий круг контрольных органов, чем перечисленный в БК РФ. На федеральном уровне финансово-контрольные мероприятия проводятся соответствующими комитетами палат Федерального Собрания РФ, Счетной Палатой РФ, Правительством РФ, рядом федеральных органов исполнительной власти, а также Центральным Банком РФ (который не обладает статусом органа государственной власти и осуществляет валютный контроль и банковский надзор). Остановимся подробнее на рассмотрении правового статуса некоторых органов, осуществляющих финансово-бюджетный контроль [18].

Счетная Палата РФ является конституционным органом государственного финансового контроля. Ее правовой статус и полномочия регулируются Федеральным законом от 11 января 2005 года № 4-ФЗ «О Счетной палате РФ». Согласно ст. 2 этого закона, задачами Счетной палаты являются:

- организация и осуществление контроля над своевременным исполнением доходных и расходных статей федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов по объемам, структуре и целевому назначению;
- определение эффективности и целесообразности расходов государственных средств и использования федеральной

собственности;

- оценка обоснованности доходных и расходных статей проектов федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов;
- финансовая экспертиза проектов федеральных законов, а также нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти, предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств федерального бюджета, или влияющих на формирование и исполнение федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов;
- анализ выявленных отклонений от установленных показателей федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов, подготовка предложений, направленных на их устранение, а также на совершенствование бюджетного процесса в целом;
- контроль над законностью и своевременностью движения средств федерального бюджета и средств федеральных внебюджетных фондов в Центральном банке Российской Федерации, уполномоченных банках и иных финансово-кредитных учреждениях Российской Федерации;
- регулярное представление Совету Федерации и Государственной Думе информации о ходе исполнения федерального бюджета и результатах проводимых контрольных мероприятий [1; 16; 20; 22].

Отметим, что именно Счетную Палату РФ многие специалисты считают высшим органом государственного внешнего финансового контроля в государстве. Это обусловлено тем, что она обладает конституционным статусом, не входит ни в одну из ветвей государственной власти и, будучи подотчетной Федеральному Собранию РФ, не подчиняется ему, обладает достаточными гарантиями независимости. Председатель Счетной Палаты С.В. Степашин аргументирует необходимость закрепления ее статуса как высшего органа финансового контроля в Российской Федерации тем, что именно Счетная Палата является реально независимой в системе органов государственной власти [12, стр. 7]. В свою очередь, профессор В.Г. Панков считает, что, принимая во внимание положения Лимской

декларации, необходимо придать особый статус деятельности Счетной Палаты РФ как высшему органу государственного финансового контроля. Ее функции и сфера деятельности должны концептуально отличаться от задач других органов финансового контроля, Счетная Палата должна действовать от имени и в интересах всего общества [19, стр. 60].

Однако вопрос придания какому-либо органу статуса высшего контрольного органа в государстве до сих пор не решен. Более того, как уже было отмечено выше, не существует нормативно закрепленных основ взаимодействия органов государственного финансового контроля. Наряду со Счетной Палатой РФ и представительными органами государственной власти в лице соответствующих комитетов Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания РФ функционирует ряд органов исполнительной власти, также осуществляющих внешний финансовый контроль.

Правительство РФ как высший орган исполнительной власти наделено функциями по проведению единой финансовой политики, по контролю над деятельностью иных федеральных органов исполнительной власти, что позволяет говорить о наличии у Правительства РФ полномочий, связанных с осуществлением финансового контроля.

Особую роль в современной системе органов исполнительной власти играют федеральные службы, наделенные контрольно-надзорными полномочиями. Отметим, что функциями по контролю в различных сферах, связанных с публичными финансами, наделены федеральные

службы, находящиеся в ведении Министерства финансов РФ. Так, финансовый контроль осуществляют Федеральная налоговая служба и Федеральная служба страхового надзора. Они выполняют, соответственно, функции по налоговому контролю и контролю над соблюдением страхового законодательства. Финансовый контроль в рамках бюджетной системы Российской Федерации осуществляют ФС ФБН и Федеральное Казначейство. Положение о Федеральном Казначействе было утверждено Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 года № 703 [3].

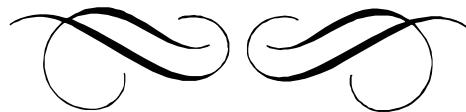
Очевидно, что наличие такого количества различных органов, выполняющих сходные задачи, не позволяет обеспечить надлежащий уровень финансового контроля в стране. Нельзя говорить об их функциональной независимости, а организационная независимость заменяется отсутствием какой-либо структуры внутри системы органов финансового контроля.

Представляется важным, что дальнейшее совершенствование финансового контроля в стране происходило на основе четко определенных принципов, в частности тех, которые закреплены в Лимской декларации. В свою очередь, С.А. Андрюшин и А.З. Дадашев предлагают построить систему органов государственного финансового контроля, используя методы, обладающие действенностью с позиций преемственности, альтернативности и системности [5, стр. 61]. Таким образом, необходимо учитывать исторический и зарубежный опыт, а также использовать организационно-функциональный подход к структуре финансового контроля.

Список литературы

1. Федеральный закон от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 167.
2. Указ Президента РФ от 8 июня 2004 г. № 729 «Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. – № 24. – Ст. 2395.
3. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 года № 703 «Об утверждении Положения о Федеральном Казначействе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 49. – Ст. 4908.
4. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации / Под ред. А.Н. Козырина. – Система ГАРАНТ, 2009.
5. Андрюшин, С.А. Дадашев, А.З. Научные основы организации системы общегосударственного финансового контроля // Финансы. – 2002. – № 4.
6. Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. – М., 1987.
7. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. – М., 2000.

8. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: вопросы и ответы. – М.: Новый юрист, 2000.
9. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право России. – М., 2000.
10. Грачева Е.Ю. Финансовое право: схемы с комментариями. – М.: Проспект, 2009.
11. Емельянов А.С. Финансовое право России: Учебное пособие с приложением схем и таблиц. – М.: Былина, 2002.
12. Залог социальной стабильности (интервью с Председателем Счетной палаты РФ С.В. Степашиным) // Банковский ряд. – 2006. Весна. Спецвыпуск.
13. Игнатьева С.В., Ващкович Н.Ю., Киртаев А.С. Финансовое и налоговое право: Учебное пособие в схемах и таблицах / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
14. Игнатьева С.В., Ващкович Н.Ю. Финансовое право: Учебное пособие в схемах и таблицах / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
15. Игнатьева С.В., Молчанов А.А., Сальников В.П. и др. Финансовое право. Альбом схем: Учебное пособие. – СПб., 1998.
16. Коровников А.В., Столяров Н.С., Сурков К.В. Шлейников В.И. Контрольно-счетные органы в Российской Федерации (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2001.
17. Лебедев В.А. Финансовое право. золотые страницы российского права. – Т. 1. – М., 2000.
18. Научно-практический комментарий «Система органов государственного финансового контроля: полномочия, основные направления деятельности и вопросы их координации» / Под ред. А.А. Ялбулганова. – М.: Новая правовая культура, 2007.
19. Панков. В.Г. О некоторых вопросах государственного финансового контроля в стране // Финансы. – 2002. – № 5.
20. Сборник, посвященный 10-летию ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации. – М., 2010.
21. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. – М.: Юриспруденция, 2009.
22. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
23. Финансовое право: Курс лекций // Под ред. С.В. Игнатьевой. – СПб., 2000.
24. Финансовое право: Учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999.
25. Финансовое право: Учебник / Под ред. В.П. Сальникова, С.В. Игнатьевой. – М., 2005.
26. Финансовое право: Учебник / Под ред. Е.Ю. Грачевой, Г.П. Толстопятенко. – М.: Проспект, 2003.
27. Финансовое право: Учебник / Под ред. Н.И. Химичевой. – М.: Юристъ, 2003.
28. Финансовое право: Учебник / Под ред. Н.И. Химичевой. – М.: БЕК, 1995.
29. Финансовое право: Учебник / Под ред. О.Н. Горбуновой. – М.: Юристъ, 2000.
30. Финансовое право: Учебник / Под ред. С.В. Игнатьевой, В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
31. Финансовое право: Учебник для ВУЗов. Общая часть / Под ред. М.В. Карасевой. – М.: Юрист, 2000.
32. Финансовое право: Учебное пособие / Под ред. Е.Ю. Грачевой, Э.Д. Соколовой. Гл. 2. – М.: Новый юрист, 1998.
33. Финансовое право России: Учебное пособие / Под ред. А.А. Ялбулганова. – М., 2001.

ЩЕПКИН Сергей Станиславович,
доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: shchepkin@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК ОСНОВА ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ПОНЯТИЯ НАЛОГОВ

Аннотация. В статье используется герменевтический метод, понимаемый как текстовой анализ содержания теоретико-правовых понятий. Такому анализу подвергается понятие налогов. Устанавливается, что важное значение имеет соотношение языковой формы в определении налогов и того, какой смысл вкладывается в это понятие, т. е. в соответствие высказывания реальным фактам. Автор статьи развивает идею о том, что существует прочная связь между историей налогов и терминологией, используемой для их обозначения. Доказывается, что названия налогов в различных языках не одинаково, но их внутреннее содержание примерно равнозначно, что налогообложение изменяется исторически объективно, как и язык, который никто не изобретал и не придумывал, и, которые появились и приобрели современное значение в процессе развития общества.

Ключевые слова: право; государство; теоретико-правовые категории; история; общество; герменевтика; смысл; толкование; понимание; дар; поддержка; жертва; долг; обязанность; налоги; налогообложение.

SHCHEPKIN S.S.

HERMENEUTIC APPROACH AS THE BASIS OF THEORETICAL LEGAL ANALYSIS OF TAXES CONCEPT

The summary. The hermeneutic method understood as text analysis of the content of theoretical-and-legal concepts is used in the article. The concept of taxes is subjected to such an analysis. It is established that of fundamental importance is the correlation of the linguistic form in the definition of taxes and the meaning which is implied in this concept, i.e. in the compliance of the statement with actual facts. The author of the article develops the idea of the existence of strong relation between the history of taxes and the terms used to designate them. It is proved that designations of taxes in different languages are not the same but their internal content is approximately equal, that taxation goes through objective changes in the course of history, the same as the language does which was not invented or contrive by anyone, and which occurred and obtained the modern meaning in the process of society development.

Key words: law; the state; theoretical legal categories; history; society; hermeneutics; meaning; interpretation; understanding; gift; support; victim; долг; duty; taxes; taxation.

Научные категории появляются с помощью человеческих мыслей на основе анализа окружающей действительности. Мыслительные процессы не способны оформить объективно

существующие реалии в качестве образов, поэтому они конструируют их через то или иное понятие, которое укладывается в прокрустово ложе фразеологического термина. Поэтому анализ слов,

которые не способны абсолютно точно передать глубину содержания того или иного предмета, с нашей точки зрения, в том числе в теории государства и права, имеет существенное значение.

Соответственно, так же и для теоретико-правового анализа налогов существует необходимость раскрытия терминологического содержания этого понятия [15].

Для такого анализа предлагается использование герменевтического метода, истоки которого находятся в приемах толкования текстов, основой которых является включение текстовой информации в более широкий контекст знаний с интерпретацией, с добавлением дополнительных значений, зафиксированных в тексте (поиски «второго», скрытого смысла). Сам текст представляется как проблема, где есть нечто известное и нечто неизвестное, требующее своего истолкования.

Текстовой анализ содержания понятия налогов имеет немаловажное значение, так как способен приблизить нас к более глубокому пониманию этой проблемы, а соответственно, и к истине. Кроме того, важное значение приобретает соотношение языковой формы в определении налогов и того, какой смысл вкладывается в это понятие, т. е. в соответствие высказывания реальным фактам.

Ю. Хабермас утверждал, что существуют три различных мира, в которых существуют люди. «Во-первых, это объективный мир, в котором царят деловые отношения, во-вторых, социальный мир с его нормами и оценками и, наконец, субъективный мир, то есть наши чувства, надежды и т. д. Мы пользуемся языком, чтобы высказать что-либо об этих трех мирах, при этом мы можем утверждать, что это что-то истинно (соответствует фактам), нормативно правильно и соответственно, правдиво, то есть дать аутентичное выражение субъективным переживаниям» [9, стр. 327].

Таким образом, для того, чтобы дать внутреннюю оценку своим эмоциям при анализе высказанного вне субъекта познания слова «налоги», необходимо выяснить, насколько это слово истинно, т. е. насколько оно соответствует реальным фактам, затем определить его нормативную правильность и правдивость. Причем субъект познания высказанного слова должен быть настроен либо на приятие, либо на постановку под вопрос притязаний говорящего на

истинность, правильность или правдивость. Далее необходимо достичь взаимопонимания с говорящим и в том случае, если он выражает свое мнение о налогах, и в том случае, если он преследует какую-либо цель своим высказыванием.

Глубочайший смысл языка, по мнению Ю. Хабермаса, заключается в том, что мы стремимся быть понятыми или достичь взаимопонимания друг с другом, т. е. достичь рационально обоснованной точки зрения. Это взаимопонимание не следует понимать в политическом смысле, но как внутреннее, основополагающее стремление людей при помощи речевого поведения достичь взаимного понимания. Поэтому глубочайшее значение языка заключается в том, что люди посредством коммуникативно-рациональных дискуссий стремятся к взаимопониманию [9, стр. 328-329].

Анализируя результаты, получаемые герменевтическим методом, можно сделать вывод о том, что даже при использовании одной и той же интерпретационной схемы эти результаты зависят от индивидуально-психических особенностей личности исследователя. Более того, те или иные интерпретационные схемы и приемы (как, впрочем, и в любой деятельности), будут вырабатываться, приниматься и применяться исследователем в той мере, в которой они соответствуют его личностным особенностям, привычкам, мотивам, способностям и т. д. Отсюда вытекает, что «множественность истины» при герменевтическом исследовании принципиально неустранима. По крайней мере, для установления истины требуется согласование точек зрения нескольких исследователей [7, стр. 276-277].

Л.И. Петражицкий следующим образом применял понятие толкование к общей теории права: «Законодательные и иные нормативные изречения состоят из слов, имен. Именам этим в значительной степени в психике людей, в том числе авторов подлежащих изречений, соответствуют не определенные классы и классовые понятия с определенными признаками, а общие представления более или менее смутного и расплывчатого содержания. И вот одна из важнейших и вместе с тем труднейших задач юриспруденции состоит в творчестве соответствующих классов и классовых понятий, и притом таких классов и классовых понятий, объем и границы применения которых, по возможности,

абсолютно фиксированы, не допускают ни растягивания, ни сужения» [14, стр. 190].

Можно утверждать, что понимание применяется тогда, когда требуется познать уникальный, целостный, неприродный объект (который несет «отпечаток разумности») путем перевода его признаков в термины «внутреннего» языка исследователя и получить в ходе этого перевода его оценку и «переживание понимания» как результат процесса.

Изложенные методологические аспекты герменевтического метода можно применить к теоретико-правовому анализу налогов.

В. Даль в своем толковом словаре определял налог как «подати, повинности деньгами или припасами, платежи, налагаемые на сословия, на торговлю, промыслы» [5, стр. 431]. Синонимами этого слова он признавал – налагание, наложение, наложна. В. Даль также относил слово «налог» к глаголу налагать, т. е. «наложить что на что, на кого, накладывать или наваливать, класть на что, во что, на кого; обременять. Или налагать подать, пошлину, иго, ярмо». Под словом «налога» он понимал «труд, тягость, тяжкую работу, напряженье, натугу», а к устаревшим значениям этого слова относил «утеснение и гнет» [5, стр. 432].

Анализируя указанную точку зрения, можно прийти к выводу о том, что слово «налог» воспринималось в русском обществе негативно, как противное его интересам. Этот термин не соединялся каким-либо образом с государством. Таким образом, всего лишь сто лет тому назад понятие налогов толковалось несколько иначе, чем в современной России.

Так, в словаре С.И. Ожегова слово налог обозначается как «государственный сбор с населения и предприятий» [12, стр. 337], а в современном толковом словаре русского языка налог – это «устанавливаемый государством обязательный сбор, уплачиваемый предприятиями, учреждениями, населением и т. п.» [16, стр. 368-369].

Действительно, фактически налоги в их сегодняшнем понимании и в древнем мире, и в эпоху средневековья, и даже в новой истории играли в основном незначительную роль. Этот тезис подтверждается анализом терминологии, используемой в древнейших источниках права.

Например, осуществив подробный анализ наиболее древнего памятника правовой культуры

– Законов царя Хаммурапи, который правил древневавилонским государством в первой половине XVIII века до н. э., можно прийти к выводу, что в этом государстве вообще не знали налогов. В соответствии с законами свободные землепашцы и ремесленники платили подати, размер которых составлял 10% стоимости имущества, в царскую казну и казну местной знати. Но указанные подати, по сути, представляли собой арендную плату за пользование землей и другим имуществом. Нельзя согласиться с точкой зрения В.И. Гуреева, который называет эти подати «первыми обязательными платежами» и, таким образом отождествляет их с налогами [4, стр. 7-9]. В тексте Законов нет ни одного упоминания о принудительных податях [19, стр. 12-25]. Древневавилонское государство представляло собой типичную восточную деспотию, где главным был вопрос о собственности на землю. Поскольку единственным собственником признавался царь, который правил и владел всем на правах «бога на земле», то он отдавал земельные участки в пользование чиновникам за службу ему, а землепашцам и ремесленникам за 10% урожая или иного произведенного имущества.

Свод древнеиндийских законов Ману, составленный между II веком до н. э. и II веком н. э. (точное время до сих пор не установлено), также подтверждает эту мысль, но «собственником всего, что существует в мире, вследствие превосходства рождения» признавался не царь, а все представители высшей касты – брахманы, т. е. жрецы (см. ст. 100 гл. 1 Свода законов) [19, стр. 26]. Царь не являлся высшим правителем, так как мог быть лишен вместе с родственниками жизни, если по неразумию беспечно мучил свою страну. Но тем не менее, согласно ст. 137 гл. VII, царь должен был ежегодно заставлять простой народ, живущий в стране самостоятельным промыслом, платить нечто, называемое «карой». Полагаю неверным определять «карой» как налог – это такая же арендная плата, но в пользу не царя, а Брахмы, т. е. бога. Слово «карой» по всей видимости, обозначает неизбежность платы как непреложность веры в существование бога – создателя миров.

В Древней Греции налогов в современном их понимании также не существовало. В древнегреческих полисах были введены так называемые «литургии» – государственные

повинности, которые несли состоятельный граждане. «Литургия» в переводе с греческого на русский язык означает «общественная повинность», т. е. они служили полису, под которым понималось и общество, и город, и государство. В число этих повинностей входили финансирование праздничных шествий, культовых факельных шествий, хоров, комедий, трагедий, строительства и выделение средств на приношение единичных жертв (что означает на деле общественные трапезы) и культовые обряды. Чрезвычайной литургией считалась триерархия, т. е. строительство и полное снаряжение военных кораблей – триер. Литургии не платились регулярно, не носили обязательного характера, они как бы дополняли личную независимость граждан. В основе литургий лежала необъяснимое для современности традиционное честолюбие знати, т. е. ее стремление выделиться из общей массы и блеснуть своим состоянием с помощью вызывающего денежного мотовства [8, стр. 63].

Термин «тариф» связывают с древними законами города-оазиса Пальмиры, относившегося к Римской империи. Текст этих законов был выбит в 137 году н. э. на камне, который назывался «Тариф». Этот камень в настоящее время хранится в Эрмитаже. В соответствии с этими законами плата за пользование источниками питьевой воды в городе, подведенной по водоводу-акведуку, составляла 800 динариев в год. Пошлина за ввоз благовонного масла составляла 26 динариев за ношу одного верблюда и 13 – за ношу одного осла, соответственно вывоз – 13 и 7. За ввоз и вывоз елея в двух козьих бурдюках платили по 7 динариев. Розничная торговля облагалась пошлиной в 2 динария за месяц. За ввоз рабов взыскивали по 22 динария, если же раб продавался на вывоз, то пошлина составляла 12 динариев. С лавок портняжных, мелочных и сапожных пошлина взималась по 1 динарию в месяц. Привоз продовольствия в город из окрестного оазиса и выпас скота вокруг города пошлиной не облагались [3, стр. 7]. Таким образом, налогов в Римской империи в их современном понимании не было, принудительные платежи носили характер оплаты за услуги, предоставляемые государством, а также характер таможенных пошлин, т. е. сборов с перевозимых товаров за пересечение границы.

Понятие тарифа также исторически связывают с названием острова, расположенного в Гибралтарском проливе у южной точки Испании.

В VII веке остров был захвачен арабами, которые взимали пошлину с проходящих судов. Размер пошлины зависел от величины корабля. Военачальником арабов был Тариф Бен Малик, имя которого осталось в названии острова [3, стр. 7].

Таким образом, анализируя значение термина «тариф», можно прийти к выводу о том, что таможенные пошлины как денежные сборы, взимаемые государством с вывозимого и ввозимого товара, возникли ранее, чем налоги в их современном понимании.

Можно сравнить понятие тарифа с древнерусским словом «мыто», которое толковалось как «пошлина за проезд в заставу, через мост или за провоз товара, припасов». Иначе «мыто» обозначало «очищаться» или «очистка», а «мытить», соответственно – «облагать или очищать пошлиной» [6, стр. 366-367]. Если сравнить понятие «мытить» с современным глаголом «мыться», то становится ясно, что таможенные пошлины в своем текстовом значении совершенно не совпадают со смыслом термина налоги. Под словом «мыто», таким образом, можно понимать как плату за проезд где-либо или куда-либо, так и плату за пользование дорогами и мостами. Гораздо позднее таможенные пошлины приобрели вид особого налога, с помощью которого государство осуществляет и фискальную, и протекционистскую экономическую политику.

Слова таможенный, таможня, таможенник, по всей видимости, происходят от татарского слова «тамга», которое обозначало «клеймо, знак, штемпель, рукоприкладный знак». В толковании В. Даля устаревшее обозначение слова «тамга» имело смысл «особого сбора за приложение клейма» [6, стр. 389]. В данном случае мы также имеем дело с тем же смысловым значением, т. е. ценой, которую вынуждены платить за особые услуги государства лица, заинтересованные в торговле товарами.

В эпоху феодального абсолютизма в Европе налоги также не играли существенной роли, более того, к ним прибегали в исключительных случаях. Это доказывается с помощью герменевтического метода при анализе названий налогов. Так, например, в Германии наиболее распространенный и взимавшийся в средневековье в различных формах налог назывался *bede*. Это понятие происходит от слова *Bitte*, которое в переводе с немецкого языка означает «просьба», «прощение»,

«ходатайство». В самом деле, налог нес на себе черты просьбы, разумеется, просьбы весьма настойчивой. Поразительно, что сходно обозначался налог, взимавшийся в средневековой Франции – aide, что соответствует понятию «помощь». По мнению немецкого ученого К. Хойзера, «даже немецкое слово Steuer (налог), которое для некоторых имеет воинственное звучание и, во всяком случае, не звучит как «просьба», происходит от средневекового stiura, что означает «поддержка», «столп», «опора». Оттенок добровольности и близость к понятию «жертва» еще присутствуют в первоначальном значении слова Steuer, хотя при взимании этой так называемой помощи манеры далеко не всегда были изысканными» [18, стр. 49-50].

В средневековых городах Германии и Италии указанные налоги – «bede» отличала высокая степень добровольности и самостоятельности, что не может совпадать с современным толкованием налогов. К. Хойзер приводит пример «так называемой, налоговой клятвы, принесения которой требовали от граждан городов и в которой они должны были декларировать свою налоговую задолженность на основе имеющегося у них состояния, была скорее торжественным обещанием, изъявлением добной воли, нежели заявлением должника о своем имущественном положении. Многие городские грамоты тех времен свидетельствуют о снисходительном отношении к выполнению налоговых обязательств, иначе говоря, на нарушения налоговой дисциплины смотрели сквозь пальцы» [18, стр. 50].

Граждане Древнего Рима также произносили аналогичное клятвенное заявление о своем семейном положении и имущественном состоянии. Эти заявления, которые назывались professio, служили основанием для создания списков граждан и военнообязанных. Указанные клятвы использовались не только для определения суммы налогов, но и для освидетельствования с целью выяснения годности к несению воинской службы [1, стр. 76; 11, стр. 17; 20, стр. 41].

Такие устные заявления являются прообразом современных налоговых деклараций.

Как выше уже было указано, бог на горе Синай высказал пророку Моисею несколько заповедей, среди которых была упомянута и достословная десятина, которую надлежит отдавать Господу. В связи с этим интересный анализ библейской десятины или 10% делает К. Хойзер, касаясь

толкования Библии Лютером в процессе ее перевода с греческого на немецкий. Так, К. Хойзер утверждает, что под библейским процентом или десятиной на деле подразумевается подать. Поэтому Лютер отождествляет процент с налогом. Лютер отвергал взимание процента как несправедливость и грех, кстати говоря, в соответствии с тогдашними представлениями и с учением католической церкви, которая рассматривала взимание процента как грех и даже включила этот запрет в церковное право. По словам К. Хойзера, «для Лютера процент был налогом, точнее, октрувой (ввозной пошлиной), то есть неким принудительно возлагавшимся сбором. Поэтому, когда он переводил притчу о проценте с греческого на немецкий, то употребил в Евангелиях от Марка и Матфея слово «процент» вместо понятия «подать». Он, конечно, знал, почему делает это, так как в отличие от двух первых Евангелий в Евангелии от Луки он употребляет не слово «процент», а слово «шос», являющееся стариным, употребительным во времена Лютера обозначением общественной подати, иными словами, разновидности налога» [18, стр. 41].

Таким образом, во времена Лютера налоги явно не пользовались в обществе любовью, что впрочем, не мешает такому отношению к ним и в современности. Но, тем не менее, слово «шос» обозначает некий прообраз налогов, такой же, как и литургии в Древней Греции, которые носили относительно добровольный и самостоятельный характер.

Также и в России слово «подать» происходит от слова «подаяние», т. е. добровольное пожертвование средств во имя общественного блага. Вплоть до середины XVIII в. в русском языке для обозначения государственных сборов использовалось слово подать.

Следовательно, в разные эпохи развития налогообложения существует различное толкование этого понятия.

Герменевтический метод можно использовать в доказательство точки зрения А.В. Брызгалина о периодизации формирования представлений о природе налогообложения [11, стр. 33].

Так, на ранних этапах развития феодальных государств, который А.В. Брызгалин обозначает как один из этапов в развитии налогообложения, налоги рассматривались в качестве даров, подарков монарху. Поэтому в Англии в средние века понятия «налог» и «дар» выступали почти

сионимом и обозначались одним словом gift. А в Германии, как уже было сказано, название налога bede было связано с просьбой со стороны государства уплатить налог. В России же используется слово «подати», т. е. подаяние в пользу общества, постепенно превратившееся в принудительную форму платежа.

На следующем этапе налоги стали понимать как помочь населения своему государству. Также выше было показано, что в немецком языке до сих пор используется название налога steuer, которое означает поддержку или опору. В современном английском языке для обозначения термина налог используется слово charge, которое в ином значении употребляется как забота, попечение, надзор [10, стр. 121].

Только на последнем этапе налог стал рассматриваться как юридическая обязанность граждан перед государством. Так в английском языке слово duty одновременно обозначает «пошлину, гербовый сбор», а также «долг, обязанность» [10, стр. 229]. А во французском языке налоги называют – import, что означает принудительный платеж.

Следует отметить, что в современном английском языке для обозначения налогов также используются, помимо слов charge и duty, следующие слова: tax, которое кроме значения «государственный налог, пошлина, сбор» имеет другое значение – «напряжение, бремя, испытание» [10, стр. 716]; levy, которое кроме значения «сбор; взимание податей, налогов; обложение налогом», имеет другое значение – «набор рекрутов» [10, стр. 409].

Впервые в отечественной литературе термин налог употребил в 1765 г. русский историк А. Я. Поленов в своей работе «О крепостном состоянии крестьян в России». С XIX в. термин налог стал основным при характеристике процесса изъятия денежных средств в доход государства [2, стр. 35]. В древнерусском языке слово «налог» имело значение «обременение», «тягость», «неудобство» [17], поэтому неудивительно, что к налоговым формам образования общенационального фонда в России переходят в течение последних двухсот лет.

Отсюда можно сделать вывод, что любое общество, независимо от его национальной окраски, понимало налоги как дополнительные тяготы и обременения. Это особенно ярко выражено в современной России, где в общей

массе налоги вызывают резко негативную оценку и попытки уйти любыми способами от налогообложения.

Осуществленный анализ можно сопоставить с проведенным Э. Селигманом еще в 1908 г. специальным этимологическим исследованием, в результате которого были выделены семь стадий развития налогов в истории человечества: «вначале господствующей является идея дара. В средние века индивидуум делает подарок правительству. Идея дара находит свое выражение в латинском термине donum и в английском – benevolence [10, стр. 72]. На второй ступени правительство смиленно умоляло или просило народ о поддержке. Этой идеи соответствовало латинское слово pre-carium, которое употреблялось на континенте несколько столетий, а также германское Bede (от beten – просить). На третьей стадии мы встречаемся с идеей помощи, оказываемой государству. Эта идея нашла себе выражение в латинском adiutorium, английском aid [10, стр. 28] и французском aide. На четвертой стадии появляется идея о жертве приносимой индивидуумом в интересах государства. Он теперь отказывается от чего-либо в интересах общественного блага. Эта идея из старофранцузского gabelle, в современном немецком Abgabe, в латинском – dazio. На пятой стадии у плательщика развивается чувство долга, обязанности, которому соответствует английское duty. Лишь на шестой стадии мы встречаем идею принуждения со стороны государства. Эту идею мы видим в английском impost или imposition [10, стр. 356], также во французском import и итальянском imposta. На седьмой, и последней, стадии мы видим идею определенной доли или оклада, установленных правительством вне всякой зависимости от воли плательщика. Эту идею мы видим в английском термине scot...» [13, стр. 53].

Таким образом, Э. Селигман утверждает, что налоги исторически понимались следующим образом: 1) дар, 2) поддержка, 3) помощь, 4) жертва, 5) долг, 6) обязанность, 7) обязательство без возможности отказа от исполнения.

Следует согласиться с этим ученым во многих положениях его теории. Но все-таки первым этапом развития налогов следует считать необходимое жертвоприношение, затем дань с побежденных, далее арендная плата за пользование имуществом, принадлежащим государству. Только на четвертом этапе налоги

понимаются как дар или общественная повинность (см., например, литургии). На пятом этапе налоги – это просьба (см., например, немецкое *bede*). На шестом – помощь или, что не совсем точно – поддержка. С нашей точки зрения понятия помоши и поддержки очень близки по смысловому значению. На седьмом этапе налоги – это обязанность всех субъектов права, установленная государством. Мнение Э. Селигмана о том, что на этом этапе обязанность первоначально носила скорее моральный оттенок долга, далее преобразовалось в одностороннее требование государства и, наконец, приобрело устрашающий вид строгого наказания за неуплату налогов, представляется не совсем правомерным. Скорее, выделяемые этим автором стадии, представляют собой один этап развития, с более или менее существенными различиями в законодательстве, касающемся размеров наказаний на налоговые правонарушения.

Т.Ф. Юткина считает, что «название того или иного экономического процесса или явления, а следовательно, и категории не имеет определяющего значения, ибо их внутреннее содержание от этого не меняется». С такой позицией можно согласиться лишь во второй ее части, так как действительно внутреннее содержание налогов – это всегда обобществление индивидуальных имуществ в целях общественного потребления. Но тем не менее, терминология при обозначении налогов, как было выше показано, имеет существенное значение. В доказательство

этого можно привести слова самой Т.Ф. Юткиной, которая пишет: «Налоговые формы взаимоотношений общества с государством носили самые разные названия. Немецкие ученые рассматривали налоги как поддержку, оказываемую государству ее гражданами (*stauer* – поддержка). В Англии налог до сих пор носит название *datu* – долг (обязательство). Законодательство США определяет налог как «*tax*» (такса). Закон о налогообложении во Франции налоговые отношения определяет как *import* (обязательный платеж). Принудительный характер налоговой формы в российской практике подчеркивал термин «подати» (принудительный платеж)» [21, стр. 14].

Таким образом, герменевтический метод, примененный к правовому анализу понятия «налоги», позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, существует прочная связь между историей налоговых форм и терминологией, используемой для обозначения этих форм. Во-вторых, названия налоговых форм в своем механическом выражении в различных языках разные, но их внутреннее содержание примерно одинаковое. В-третьих, развитие налогообложения такой же объективный процесс, не зависящий от воли и сознания отдельных индивидов, как и процесс развития языковых форм, которые никто не изобретал и не придумывал, и, которые появились и приобрели современное значение в процессе употребления для взаимопонимания людей.

Примечания

1. В настоящее время это слово в английском языке обозначает «благожелательность, щедрость, благотворительность», но в прошлом обозначало «поборы с населения под видом добровольного приношения» [См.: 10].
2. В современном значении слово *aid* понимается как «помощь, поддержка», а в устаревшем смысле – «как сборы, налоги» [См.: 10].
3. В современном английском языке слово *impose* одновременно имеет значение и как «облагать пошлиной, налогом и т. п.», и как «налагать обязательство». Слово *impost* исторически понимается как «налог, подать, дань», а слово *imposition* как «наложение, возложение, обложение, налог» [См.: 10].

Список литературы

1. Баатц Д. «Итак, отдавайте кесарево кесарю». Налоги в Римской империи // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир. – М.: Прогресс, 1992.
2. Брызгин А.В. Организационные принципы российской налоговой системы // Финансы, 1998, № 3.
3. Глухов В.В., Дольдэ И.В. Налоги. Теория и практика: Учебное пособие. – СПб.: Специальная литература, 1996.
4. Гуреев В.И. Российское налоговое право. – М.: Экономика, 1997.

5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Том 2. – М.: Русский язык, 1979.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. – Том 4. – М.: Русский язык, 1979.
7. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2000.
8. Майер К. Как афиняне финансирували свои общественные структуры. Первые шаги налоговой политики в античной Греции // Все начиналось с десятины: этот многогликий налоговый мир. – М.: Прогресс, 1992.
9. Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. – СПб.: Нотабене, 1992.
10. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. 23-е изд., стер. – М.: Русский язык», 1990.
11. Налоги и налоговое право: Учебное пособие / Под ред. А.В. Брызгалина. – М.: Аналитика-Пресс, 1997.
12. О налогах занимательно и всерьез. М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1997.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984.
14. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2000. (Мир культуры, истории и философии).
15. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – №4(16). – С. 24-32.
16. Словарь русского языка. В 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. Том 3. – М.: Русский язык, 1981.
17. Срезневский И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 111. – СПб., 1912.
18. Хойзер К. Жертва и налог. От античности до современности // Все начиналось с десятины: этот многогликий налоговый мир. – М.: Прогресс, 1992.
19. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юрид. лит., 1984.
20. Черник Д.Г., Починок А.П., Морозов В.П. Основы налоговой системы. Учеб. пособие для вузов / Под ред. Д.Г. Черника. – М.: Финансы, ЮНИТИ, 1998.
21. Юткина Т.Ф. Налоги и налогообложение: Учебник. – М.: ИНФА-М, 1999.

ДОЛАКОВА Макка Исрапиловна,
доцент кафедры музеологии, туризма и охраны
памятников Казанского (Приволжского)
федерального университета,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: makka7@mail.ru

Специальность 12. 00. 01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ТАМОЖЕННЫЕ ПОШЛИНЫ В СИСТЕМЕ ДОХОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье исследуется роль таможенных пошлин в финансовой политике государства в XIX веке. Раскрывается понятие таможенного тарифа, показано его регулирующее значение.

Ключевые слова: таможенная пошлина; таможенный тариф; протекционизм; бюджет.

DOLAKOVA M.I.

CUSTOMS DUTIES IN THE SYSTEM OF STATE BUDGET INCOMES IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN EMPIRE

The summary. This article examines the role of customs duties in the financial policy of the state in the nineteenth century. Expands the concept of the customs tariff is shown to regulate the value.

Key words: customs duties, customs tariffs, protectionism, the budget.

Таможенные пошлины представляют собой широко распространенный вид обложения, существующий с древних времен. По оценке дореволюционного профессора В.А. Лебедева, таможенные пошлины «составляют особую форму взимания налога с потребления весьма разнообразных предметов, причем, признаком податной обязанности принимается переход предмета через границу государства» [9, стр. 269].

Таможенные пошлины играют важную роль в плане пополнения государственного бюджета и, кроме того, служат эффективным способом воздействия на развитие промышленности в стране. При этом две указанные цели таможенного обложения могут противоречить друг другу. Фискальные интересы требуют повышения таможенных пошлин, но чрезмерно высокие пошлины могут стать запретительными, и ввоз

данного товара в страну прекратится. Часто повышение таможенных пошлин приводит к сокращению ввоза и, следовательно, к падению доходов казны.

Таможенные пошлины устанавливались в Российской империи на основе двух нормативных источников: таможенного тарифа и таможенного устава. Характерной чертой отечественного таможенного законодательства, как и всего налогового права, являлась его нестабильность. Таможенные уставы, определявшие общий порядок функционирования таможенной службы и устанавливавшие ответственность за таможенные правонарушения, включая контрабанду, менялись не слишком часто. Но таможенные тарифы менялись даже чаще, чем ставки акцизов. Это было типично, впрочем, не только для России, так как потребности экономики менялись и побуждали к

пересмотру таможенных тарифов. В ряде стран законодательство устанавливало обязательность такого пересмотра раз в 10 лет.

В наше время таможенным тарифом называется совокупность или свод ставок таможенных пошлин. Содержанием таможенного тарифа является перечень товаров, подлежащих обложению таможенной пошлиной при их перемещении через таможенную границу, и ставок пошлин, соответствующих каждому виду товаров [13, стр. 103].

Таможенный тариф в рассматриваемый период являлся документом, в котором фиксировались действовавшие таможенные пошлины. Он состоял из двух частей. В первой, общей части, содержались основные правила его применения и пояснения к ним. Вторая, особенная часть, перечисляла конкретные предметы с указанием таможенных пошлин, взимаемых с них. Такое перечисление могло быть двух видов – алфавитное или систематическое. Очевидно, что систематическое было удобнее, особенно при большом количестве облагаемых пошлинами товаров.

Систематический тариф, как правило, должен иметь четыре основных подразделения: товары беспошлинные, обложенные финансовой пошлиной товары, обложенные охранительной пошлиной товары, запрещенные к ввозу или вывозу товары [9, стр. 325].

Таможенные пошлины, как показывает исторический опыт, могут быть ввозные, вывозные, транзитные и внутренние. Для Российской империи основное значение имели ввозные пошлины. Остальные виды таможенных пошлин почти прекратили свое существование.

Первые серьезные шаги к правовому закреплению рациональной организации таможенных сборов были сделаны при Алексее Михайловиче, с принятием в 1653 году Торгового устава. Данный документ упорядочил и унифицировал существовавшие таможенные пошлины. В соответствии с ним, иностранные купцы платили пошлины как при ввозе товаров в Россию, так и при вывозе. Ему на смену пришел Новоторговый устав 1667 года – крупный памятник отечественного таможенного законодательства. Он имел протекционистский характер вплоть до того, что запрещал иностранцам розничную торговлю в России. Затем в течение почти 200 лет один таможенный тариф сменял другой, и к

середине девятнадцатого столетия, то есть к началу интересующего нас периода, Россия подошла с таможенным тарифом, имевшим почти запретительный характер [8, стр. 66].

В начале XIX века рациональные принципы и подходы к установлению таможенных пошлин были сформулированы в «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 года, где говорилось, что «временное умножение таможенного дохода, если стесняет народную промышленность, приводит источник государственного богатства в оскудение. Пошлинный сбор есть налог на потребителей: при учреждении его не должно отягощать их... Вывозная пошлина должна быть самая умеренная... Что касается до привозных товаров, то пошлина на них должна быть располагаема по силе и достатку потребителей; следовательно, предметы роскоши должны быть обложены больше. Вообще же чрезмерная пошлина поощряет к тайному провозу... Умеренность пошлин, обеспечивая сбор, может отвратить все затруднения и доставить казне весь тот доход, который, не умаляя источника внутреннего богатства, может быть взимаем с внутренних и внешних потребителей» [9, стр. 365-366].

Несмотря на достаточную разумность данных положений, они не стали в полном объеме достоянием законодательной практики. Кроме того, при разработке таможенных тарифов сталкивались мнения сторонников либерализма и протекционизма, и потому тариф должен был в той или иной степени служить компромиссом между противоположными взглядами.

В 1848 году было решено приступить к пересмотру таможенного тарифа, действовавшего с 1822 года. Комиссия, работавшая над проектом нового тарифа, пыталась достичь следующих целей: упростить тарифные статьи, улучшить систему классификации товаров, поощрить внутреннюю промышленность, отменить излишние запреты, понизить чрезмерные пошлины, которые вредят доходам казны и способствуют контрабанде. В качестве конечного результата нового таможенного тарифа планировалось увеличить доход казны от таможенных пошлин, способствовать развитию промышленности и внешней торговли.

Новый таможенный тариф был принят в 1850 году, но не принес желаемого результата. Снижение пошлин не было столь значительным,

чтобы привести к уменьшению контрабанды и активизации внешней торговли. Это привело к принятию нового тарифа в 1857 году. Принятие этого тарифа повлекло за собой активизацию промышленности, но почти не отразилось на таможенном доходе [8, стр. 67].

Необходимость поиска новых источников дохода привела к принятию в 1868г. нового тарифа. Данный тариф страдал рядом недостатков, например, чай, являвшийся народным напитком, был обложен пошлиной в 10 раз выше, чем кофе, который потребляли более богатые слои населения [4]. В целом, тариф носил покровительственный характер. Например, как отмечал министр финансов Н.Х. Бунге, «В видах поощрения соответствующих отраслей производства, машины и материалы, потребные для типографского дела... обложены по тарифу 1868 года. довольно высокими пошлинами» [6]. Покровительственный характер таможенных тарифов во многом определялся просьбами заинтересованных лиц. В архивах сохранились поступавшие в Министерство финансов от производителей просьбы увеличить пошлины на те или иные виды товаров, чтобы оградить их от конкуренции. Так, прибалтийские промышленники просили о повышении пошлин на гипс и алебастр, владельцы глуховских копей фарфоровой глины выступали за повышение пошлин на глину, с аналогичными просьбами обращались производители мрамора, мельничных жерновов и т. д. [5].

С 1 января 1877 года таможенные пошлины стали взиматься в золоте, что привело к их реальному увеличению на 40% [3]. В дальнейший период пошлины на отдельные виды товаров повышались практически ежегодно. Но, несмотря на увеличение ставок таможенных пошлин, соответствующие доходы казны росли медленно – с 1879 по 1885 гг. всего на 2 миллиона руб. [12, стр. 41].

После очередной смены министра финансов и прихода на этот пост И.А. Вышнеградского начался пересмотр таможенного тарифа. Новый тариф был утвержден 11 июня 1891 года и вступил в силу уже с 1 июля того же года. Как отмечал И.И. Янжул, данный тариф имел «решительную тенденцию к покровительственному увеличению пошлин: пошлины увеличены в 164 случаях, уменьшены в 15 случаях, введены в первый раз в 11 случаях, и, наконец, остались старые ставки в 173 случаях» [14, стр. 429]. Данный тариф

«отражал принцип полного покровительства всей русской промышленности на всех стадиях производства, начиная от добычи сырья и заканчивая изготовлением готовых изделий» [7, стр. 265]. В следующем, 1892 году, был принят новый таможенный устав, определивший составы преступлений в таможенной сфере, установивший в качестве ответственности за их совершение не только имущественные санкции, но и высылку из приграничной полосы, и тюремное заключение [1].

Интересным фактом развития отечественного таможенного законодательства стала «таможенная война» с Германией, описанная в воспоминаниях С.Ю. Витте. Ее причиной стало отсутствие торгового договора между двумя странами, вследствие чего Германия обкладывала российские товары крайне высокими пошлинами. В качестве ответной меры Высочайшим повелением от 13 июля 1893 года на товары, ввозимые из Германии, был введен двойной таможенный тариф. Германское правительство ответило адекватным повышением пошлин на русские товары. Сложилась ситуация, невыгодная ни одной из сторон. Россия потеряла важный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции, Германия лишилась рынка сбыта металлообработки и машиностроения. Результатом стало принятие российско-германского договора о взаимном понижении пошлин на определенные группы товаров – первый случай значительного понижения русского таможенного тарифа с 1868 года. Как писал С.Ю. Витте, «договор вышел в отношении обеих держав довольно справедливый» [2, стр. 490].

Анализируя финансовую политику российского государства в XIX столетии в области таможенных пошлин и тарифов, И.И. Янжул отмечал, что среди иностранных таможенных типов трудно было встретить такого «огульного» покровительства собственной промышленности: «Чем больше видов промыслов захватывается покровительственной политикой и чем она интенсивнее, тем больше встречается противоречий в результатах этой политики и тем более страдают интересы одних классов населения ради незаслуженной пользы и выгоды других. Земледелие приносится в жертву промышленности, рабочие классы – интересам предпринимателей, торговля – производству, потребители – производителям» [14, стр. 437]. Но далеко не все современники придерживались такой точки зрения.

Например, Д.И. Менделеев, изучавший таможенные тарифы с экономической точки зрения, высоко оценивал данный документ [10].

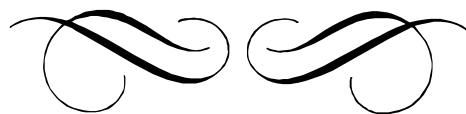
В конце XIX века в результате совершенствования соответствующего законодательства в России сложилась единая система таможенных органов. Во главе данной системы стоял Департамент таможенных сборов Министерства финансов, который осуществлял непосредственное руководство таможенным делом страны. При нем состояли члены особого присутствия по применению таможенного тарифа к товарам, а также таможенные ревизоры. Последним поручалась ревизия таможенных учреждений и расследование дел о контрабанде.

Ниже стояли таможенные округа, в состав каждого из них входило определенное число таможен, застав и таможенных переходов [7, стр. 265]. В начале XX века поступления от таможенных пошлин составляли 14,5% доходной части государственного бюджета [11, стр. 29].

Таким образом, важное место в системе финансовой политики государства в период Российской империи занимали вопросы, связанные с таможенными пошлинами и тарифами. При этом таможенные тарифы играли как фискальную, так и регулирующую роль, не только способствуя пополнению бюджета, но и нередко выступая важным элементом протекционистской политики правительства.

Список литературы

1. СЗ, 1892, т.6.
2. Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: Т.3. – М., Мн., 2002.
3. Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). – Ф.1099. – Оп.1. – Д.154. – Л.171, об.
4. ГАРФ. – Ф.1099. – Оп.1. – Д.204. – Л.14, об.
5. ГАРФ. – Ф.1099. – Оп.1. – Д.204. – Л.24-26.
6. ГАРФ. – Ф.1099. – Оп.1. – Д.204. – Л.50, об.
7. Заседателев Д. Исторический опыт финансовой деятельности российских таможенных органов // Право и жизнь. – 2001. – №42.
8. Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В. Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). – М.: Статут, 2006.
9. Лебедев В.А. Финансовое право. – М.: Статут, 2000.
10. Менделеев Д.И. Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России в связи с общим таможенным тарифом 1891года. Вып.1-3. – СПб., 1891-1892.
11. Российское таможенное право. – М., 1997.
12. Судейкин В.Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). – СПб.: Сенатская тип., 1895.
13. Халипов С.В. Таможенное право. – М., 2004.
14. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. – М.: Статут, 2002.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ.

АНТОНОВ Игорь Алексеевич,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: docantonov@mail.ru

ХАБАРОВ Александр Владимирович,
начальник УФСИН России по Новгородской
области
E-mail: pressa-ufsin@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная
деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная
деятельность

БЕЗОПАСНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ВОПРОСЫ ИНЖЕНЕРНО- ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрен опыт применения технических средств обеспечения безопасности осужденных и персонала в уголовно-исполнительной системе России. Проанализированы сложившиеся в настоящее время терминологические основы деятельности инженерно-технических подразделений уголовно-исполнительной системы, рассмотрены комплексы мер по обеспечению безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: технические средства; безопасность; уголовно-исполнительная система.

ANTONOV I.A.
KHABAROV A.V.

SECURITY OF INSTITUTIONS EXECUTING PUNISHMENTS OF IMPRISONMENT: ISSUES OF ENGINEERING AND TECHNICAL SERVICES

The summary. The article considers the experience of application of engineering facilities for ensuring the security of convicted persons and personnel in the penal enforcement system of Russia. The current terminology basis of the engineering and technical units activities within the penal enforcement system are analyzed, the complexes of measures for ensuring the security in the penal enforcement system institutions are considered.

Key words: engineering facilities; security; penal enforcement system.

Угроза криминализации общественных отношений сегодня продолжает оставаться актуальной проблемой. В связи с этим требуется

реализация оперативных и долгосрочных мер по предупреждению и нейтрализации внутренних и внешних угроз, обеспечению на территории России

личной безопасности человека и гражданина, его конституционных прав и свобод [2].

Одним из субъектов обеспечения безопасности государства является Федеральная служба исполнения наказаний, обладающая правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Одна из основных задач Федеральной службы исполнения наказаний – это обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и в следственных изоляторах, обеспечение безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов [1].

Для обеспечения безопасности в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в структуре ФСИН России, наряду с оперативными отделами, отделами безопасности, функционируют подразделения инженерно-технического обеспечения, которые играют важную роль в системе безопасности уголовно-исполнительной системы. Однако в нормативных актах, регламентирующих деятельность данных подразделений, не дается определения инженерно-технического обеспечения безопасности, лишь указывается перечень инженерных и технических средств охраны и надзора, определяются организационно-технические мероприятия по их эксплуатации, а также порядок организации и производства работ по оборудованию инженерно-техническими средствами объектов уголовно-исполнительной системы. И этот пробел должен быть устранен.

Кроме того, отсутствие единой терминологии, общепринятого понятийного аппарата в сфере обеспечения безопасности в местах лишения свободы приводит к различным подходам и оценкам однотипных ситуаций, не позволяя спланировать и упорядочить действия и взаимодействие подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы по предупреждению, ликвидации последствий различных кризисных ситуаций. Отсюда вытекает необходимость анализа терминологических основ деятельности инженерно-технических подразделений уголовно-исполнительной системы в рассматриваемой сфере.

В настоящее время существует множество определений безопасности, каждое из которых по-своему раскрывает природу этого явления.

В большей степени отражает специфику деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в рассматриваемой сфере определение, которое дает А.М. Савишин: «Безопасность в уголовно-исполнительной системе – это состояние защищенности сотрудников, осужденных, иных лиц, а также учреждений и органов, исполняющих наказания, в целом, от возможных угроз и опасных посягательств» [9, стр. 13].

А.Г. Перегудов в его определение включал систему юридических норм, являющихся средством для достижения поставленной цели, а также соответствующие механизмы для реализации таковых. Сами же механизмы, как он полагал, заключены в организационной, управленческой и оперативно-тактической деятельности [8, стр. 27-28].

Особенность категорий безопасности персонала и безопасности осужденных определяется специальным правовым статусом, а также спецификой функционирования исправительной колонии.

Назначая осужденному наказание в виде лишения свободы, государство, руководствуясь соответствующими положениями международного права и внутреннего законодательства, предусматривает право осужденного на безопасность и меры ее обеспечения в пенитенциарных учреждениях. Безопасность осужденных обеспечивается реализацией определенного ряда комплекса мер, имеющих несколько уровней.

Первый уровень – общегосударственные меры, направленные на улучшение экономического положения исправительных учреждений, условий содержания осужденных и т. д., то есть меры управленческого характера.

Второй уровень – меры безопасности осужденных, принимаемые региональными органами государственной власти. Они направлены на устранение неблагоприятных факторов (экономических, бытовых, организационных и др.) в исправительных учреждениях, а также во внешней среде их функционирования.

Третий уровень – меры безопасности, осуществляемые органами управления уголовно-исполнительной системы, в частности

распределения осужденных по исправительным учреждениям, открытие новых исправительных учреждений, создание специальных учреждений для отрицательно характеризующихся осужденных, перевод осужденных в целях безопасности из одних исправительных учреждений в другие, определение перечня инженерно-технических средств, применяемых в исправительных учреждениях и т. д.

Четвертый уровень – меры обеспечения безопасности осужденных, принимаемые администрацией исправительных учреждений в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы. Такими мерами являются:

1. Уголовно-правовые меры, предусматривающие ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, а также за иные преступления, нарушающие безопасность осужденных в исправительных учреждениях.

2. Меры уголовно-исполнительного характера, среди которых можно выделить меры, направленные на обеспечение безопасности личности в исправительных учреждениях, и меры, непосредственно обеспечивающие безопасность осужденных. К мерам, направленным на обеспечение безопасности личности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, относятся такие, как: надзор за осужденными, который при правильной его организации, должен обеспечить их изоляцию и безопасность, предупредить совершение новых преступлений.

Таким образом, обеспечение безопасности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, – это комплекс управленческих, правовых и организационных мер, направленных на реализацию состояния защищенности учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, а также лиц, находящихся на их территории.

При рассмотрении инженерно-технического обеспечения учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в сфере реализации безопасности, следует отметить, что технические и инженерные средства не являются самостоятельным видом средств обеспечения безопасности. Однако, своевременное выявление конкретных лиц, замышляющих и подготавливающих преступления, должно обеспечиваться силами не только оперативных

аппаратов, но и других служб и с помощью технических средств [5, стр. 178].

Согласно приказу Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы», их применение, также, как и применение инженерных средств обеспечивают:

- необходимые условия для выполнения служебных задач минимальной численностью караулов и дежурных смен в любое время суток и года;
- повышение эффективности несения службы подразделениями уголовно-исполнительной системы для поддержания установленного режима содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей;
- управление составом караула, резервной группой, дежурной сменой, подразделениями и службами учреждений уголовно-исполнительной системы при выполнении ими служебных задач и действиями при чрезвычайных обстоятельствах;
- обнаружение нарушителя при различных способах преодоления им линии охраны или при его несанкционированном выходе из специальных зданий и транспортных средств;
- оповещение караула, дежурной смены, подразделений и служб учреждений уголовно-исполнительной системы о нарушении линии охраны, несанкционированном выходе из специальных зданий и транспортных средств или об угрожающих действиях осужденных и лиц, содержащихся под стражей, по отношению к лицам, находящимся на объекте;
- задержание нарушителей в пределах запретной зоны объекта уголовно-исполнительной системы на время, необходимое для действий караула, резервной группы, дежурной смены, соответствующих подразделений и служб учреждений уголовно-исполнительной системы по предотвращению и пресечению побега;
- регистрацию (документирование) сигналов, распоряжений, команд и переговоров должностных лиц учреждений уголовно-исполнительной системы, караула, резервной группы, дежурной смены;

- установленный пропускной режим на объектах охраны уголовно-исполнительной системы, условия для досмотра транспорта на контрольно-пропускных пунктах, обнаружение запрещенных предметов при попытках их перемещения (передачи, провоза) через пункты контроля и воспрепятствование их перебросу через запретную зону;
 - дистанционное наблюдение за территорией объекта охраны уголовно-исполнительной системы, прилегающей к нему территорией, на которой установлены режимные требования, а также за поведением осужденных и лиц, содержащихся под стражей;
 - раздельное содержание и изоляцию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в соответствии с установленными режимными требованиями;
 - безопасность осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории охраняемого объекта;
 - вызов дежурной смены для своевременного реагирования на обращение лиц, содержащихся в помещении камерного типа, штрафном изоляторе, едином помещении камерного типа, дисциплинарном изоляторе, карцере;
 - условия отражения нападения на охраняемые объекты уголовно-исполнительной системы, караулы и служебные наряды, на пункты постоянной дислокации подразделений охраны и территориальные органы уголовно-исполнительной системы;
 - маскировку объекта охраны и предупреждение осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также посторонних лиц о границах запретной зоны;
 - возможность контроля мест несения службы лицами караула и дежурной смены;
 - подачу команд и распоряжений [3, стр. 5-6].
- При этом применение технических средств, в основном, средств видеонаблюдения, позволяет контролировать поведение осужденных практически в любое время и вне зависимости от места их нахождения, что существенно повышает эффективность надзора за осужденными.

Применение систем видеонаблюдения в настоящее время является одним из самых эффективных средств обеспечения режима в исправительных учреждениях и изоляции подозреваемых, обвиняемых в совершении уголовных преступлений в следственных изоляторах ФСИН России, а также на спецтранспорте при осуществлении конвоирования спецконтингента [6, стр. 118].

Преимущества их применения очевидны: дистанционность, т. е. возможность нахождения наблюдателя на достаточном расстоянии от объекта наблюдения; объективность, поскольку информация «очищена» от субъективных оценок наблюдателей и посредников; возможность фиксации информации с помощью жесткого диска компьютера; оперативность, т.е. возможность быстро оценить ситуацию сразу в нескольких секторах наблюдения.

Положительным моментом применения видеосистем является и своеобразный психологический эффект, заключающийся в том, что на объектах, где они установлены (в силу самого их наличия), снижается количество правонарушений среди осужденных, улучшается служебная дисциплина сотрудников [4]. Психологи утверждают, что присутствие наблюдения может существенно изменить наблюданное поведение, поскольку для человека не безразличен тот факт, что за ним наблюдают [7, стр. 3].

В результате проведенного анкетирования 59% опрошенных осужденных считают, что установленные камеры видеонаблюдения способствуют соблюдению внутреннего распорядка, а, следовательно, и обеспечению безопасности в местах лишения свободы.

Помимо средств видеонаблюдения к техническим средствам, которые применяются в исправительных учреждениях, относятся: системы и устройства сбора и обработки информации; средства обнаружения; приборы контроля и досмотра; средства тревожной сигнализации; средства оперативной связи [3, стр. 8].

Помимо технических средств на охраняемых объектах уголовно-исполнительной системы применяются инженерные средства, необходимые для создания условий по обеспечению установленного режима содержания, безопасности персонала, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, предупреждению и пресечению побегов, других преступлений и несанкционированных

действий, а также выполнения других служебных задач, возложенных на отделы охраны, конвоирования, розыска и безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы. К ним относятся: ограждения объектов охраны; инженерные заграждения; сооружения и конструкции на постах; сооружения и конструкции в специальных (режимных) зданиях и помещениях; сооружения и конструкции на контрольно-пропускных пунктах; сооружения и конструкции на внутренней территории объекта уголовно-исполнительной системы; средства инженерного вооружения [3, стр. 7-9].

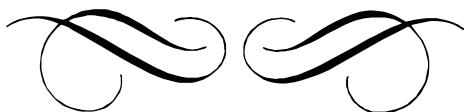
Совокупность технических и инженерных средств, применяемых в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, составляет комплекс средств обеспечения безопасности. Эффективное применение данного

комплекса в местах лишения свободы способствует осуществлению структурными подразделениями учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, функции по обеспечению безопасности осужденных и персонала уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, можно сделать вывод, что инженерно-техническое обеспечение безопасности в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, – это реализация системы мер управленческого, правового и организационного характера, адекватных внешним и внутренним угрозам состоянию защищенности учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, а также лиц, находящихся на их территории с использованием инженерно-технических решений по применению технических и инженерных средств.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (в ред. от 17 ноября 2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 92. – Ст. 4109.
2. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
3. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 сентября 2006 года № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2006. – № 10.
4. Гончаров А. Использование технических средств при обеспечении режима и организации надзора за осужденными // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2009. – № 4.
5. Горожанин А.В., Артемьев Н.С., Некрасов А.П. Роль исправительных учреждений в борьбе с рецидивной преступностью: Монография. – Самара: Самарский юрид. институт ФСИН России, 2005.
6. Использование систем видеонаблюдения при осуществлении надзора за осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. А.В. Пискунова. – М.: НИИ ФСИН России, 2006.
7. Общий практикум по психологии: Метод наблюдения, Метод указания. Часть 1 / Под ред. М.Б. Михалевской. – М.: Издательство Московского университета, 1985.
8. Понятие обеспечения безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания // Курс лекций по обеспечению безопасности, порядка управления и отбывания наказания в ИТУ / Под ред. А.Г. Перегудова. – Уфа: УВШ МВД России, 1996.
9. Савихин А.М. Организация и правовые основы функционирования службы безопасности в уголовно-исполнительной системе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006.

ПАЛАТИНА Татьяна Анатольевна,
старший дознаватель отдела дознания ОМВД
России по Лодейнопольскому району
Ленинградской области
E-mail: palatina1986@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СУДА КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности процессуального статуса суда как одного из участников уголовного судопроизводства по делам частного обвинения. Автор, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретических положениях правопонимания, с позиции правоприменительной практики реализации норм уголовно-процессуального права, акцентирует внимание на актуальных проблемах, связанных с позиционированием суда как субъекта уголовно-процессуальных правоотношений в процессе разрешения уголовных дел частного обвинения.

Ключевые слова: процессуальный статус суда; дела частного обвинения; уголовное судопроизводство.

PALATINA T.A.

THE REMEDIAL STATUS OF COURT AS SUBJECT OF CRIMINALLY-REMEDIAL LEGAL RELATIONSHIP ON AFFAIRS OF PRIVATE CHARGE

The summary. In article prominent features of the remedial status of court as one of participants of criminal legal proceedings on affairs of private charge are considered. The author, by the complex analysis, being based on fundamental theoretical positions правопонимания, from a position правоприменительной practice of realization of norms criminally-procedural right, focuses attention on the actual problems connected with positioning of court as the subject of criminally-remedial legal relationship in the course of the permission of criminal cases of private charge.

Key words: the remedial status of court; affairs of private charge; criminal legal proceedings.

Исключительность положения суда как органа правосудия основана на Конституции РФ (ч. 1 ст. 118). Только суд, созданный на основании закона, вправе осуществлять правосудие. Назначение суда состоит в защите основных прав и свобод человека и гражданина, в осуществлении правосудия, в способствовании утверждению демократических принципов правового государства. Уголовное судопроизводство является той сферой деятельности суда, где вопрос защиты прав и свобод человека стоит наиболее остро. Исследование правового положения суда

как участника уголовного судопроизводства приобретает особое значение в свете задачи улучшения качества правосудия и повышения уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Реализацию этой задачи невозможно осуществить без учета требований международно-правовых стандартов и практики Европейского Суда по правам человека. Количество жалоб о нарушении прав и свобод, подаваемых в Европейский Суд, свидетельствует об уязвимости отдельных процедурных правил деятельности суда в сфере уголовного

судопроизводства [6, стр. 3].

Суд (судья) является главным субъектом уголовного процесса, основная функция которого – осуществление правосудия путем разбирательства и разрешения уголовных дел. Только ему предоставлено конституционное полномочие признать приговором подсудимого виновным в совершении преступления, а также подвергнуть его уголовному наказанию в соответствии с законом (ст. 118 Конституции РФ и ч. 1 ст. 8 УПК РФ) [3].

В п. 48 ст. 5 УПК РФ определяется понятие «суд» через употребление термина «суд общей юрисдикции». Суды общей юрисдикции подразделяются на федеральные суды общей юрисдикции и мировых судей. В систему федеральных судов общей юрисдикции входят Верховный Суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные (городские) суды, военные и специализированные суды.

При осуществлении правосудия как особой функции государственной власти в задачи суда входит защита конституционного строя России, прав и свобод граждан, прав и законных интересов предприятий, учреждений и организаций [7, стр. 225-226; 10, стр. 46]. Как видно, защита прав и свобод граждан стоит на втором месте, однако это не умаляет значимости и необходимости такой защиты. Более того, такая очередность вполне оправдана и логична, т.к. права, свободы человека и гражданина равно, как и их защита государством, признаются неотъемлемой частью конституционного строя [8, стр. 38].

В ходе судебного разбирательства суд обязан принять все предусмотренные законом меры для полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела [2]. Суд основывает свой приговор на доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании, и не связан при вынесении приговора ничьим мнением [4]. Судьи независимы и подчиняются только Конституции и Федеральному закону (ст. 120 Конституции РФ).

УПК РФ только суд наделил правом применения к лицу принудительных мер медицинского характера (гл. 51) и мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (гл. 50).

Суду предоставлены широкие полномочия по решению в ходе предварительного расследования

важнейших вопросов, связанных с ограничением прав и свобод человека и гражданина, в том числе: избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста; продление срока содержания под стражей; помещение подозреваемого, обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар; проведение в жилище обыска, выемки, осмотра; наложение ареста на корреспонденцию и некоторые другие (ч. 2 ст. 29 УПК РФ) [9, стр. 75-76]. Суд правомочен в ходе досудебного производства рассматривать жалобы заинтересованных участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, дознавателя.

Суд действует в уголовном судопроизводстве как коллегиальный орган или в составе одного судьи. Следует заметить, что в последние годы единоличное рассмотрение уголовных дел по действующему УПК РФ получило широкое развитие. Вместе с определением полномочий суда закон освобождает его от выполнения ряда не свойственных ему как органу правосудия функций, возлагавшихся на него ранее действовавшим законодательством, в частности, от права возбуждать уголовные дела по своей инициативе; восполнять в судебном заседании пробелы предварительного расследования путем самостоятельного поиска обвинительных и оправдательных доказательств; направлять в этих целях дело на дополнительное расследование; оглашать обвинительное заключение; продолжать рассмотрение уголовного дела при отказе прокурора от обвинения и некоторых других [5].

Суду отводится роль организатора судебного разбирательства, обязанного создать условия для исполнения сторонами своих обязанностей и осуществления предоставленных им прав, а также обязанность объективно и справедливо разрешать уголовные дела по существу. Состязательность, получившая закрепление в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, является одним из основных принципов, лежащих в основе уголовного правосудия. Обвинение и защита осуществляются сторонами, наделенными равными правами. Суд руководит ходом судебного разбирательства, участвует в исследовании материалов дела и выносит по уголовному делу приговор. При этом суд не выполняет функции защиты или обвинения, а выступает как орган правосудия [11, стр. 41].

Для состояния дел современного суда, а также мирового судьи, действующего в рамках УПК РФ,

характерны следующие черты: расширение круга обязанностей судов (судей) и наделение их новыми полномочиями для осуществления функций судебного контроля над решениями и действиями органов предварительного расследования; предоставление судьям ряда полномочий по самостоятельной организации и осуществлению правосудия; упрощение ряда судебных процедур в целях облегчения задач судопроизводства и повышения его оперативности; ограничение пределов усмотрения и круга правомочий судей в решении некоторых задач при осуществлении правосудия по уголовным делам, судебной защиты прав граждан и публичных интересов.

В силу того, что судебное разбирательство по уголовным делам частного обвинения осуществляется мировыми судьями, считаем необходимым дать более подробную характеристику этого нового субъекта уголовного процесса.

В рамках Концепции судебной реформы 31 декабря 1996 г. был принят Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» № 1-ФКЗ, содержащий ряд новых для законодательства о судоустройстве положений, предусматривающих установление некоторых организационных механизмов, ликвидирующих пробелы ранее действовавшего законодательства, новых институтов, существенно изменяющих структуру судебной системы.

Наиболее весомым из нововведений стало включение в судебную систему Российской Федерации мировых судей.

На базе Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» был принят Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ, а 29 декабря 1999 г. – Федеральный закон № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации».

Целью возрождения на новой основе института мировых судей было усиление гарантий доступности правосудия, защиты прав и свобод граждан, освобождение районных судов, чья штатная численность не соответствует реально необходимому количеству, от рассмотрения многих менее значительных уголовных и гражданских дел.

Мировые судьи в РФ являются судьями общей юрисдикции и входят в единую судебную систему РФ. На них распространяются законодательные

нормы о статусе судей судов общей юрисдикции [1]. Мировые судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны. Проявление неуважения к мировым судьям влечет установленную законом ответственность. Требования и распоряжения судей при осуществлении ими полномочий обязательны для всех без исключения государственных органов, общественных объединений, должностных, юридических и физических лиц. Неисполнение распоряжений мировых судей влечет установленную законом ответственность.

В соответствии с п. 1 ст. 4 ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» мировой судья осуществляет деятельность в пределах судебного участка. Согласно п. 4 ст. 4 названного закона судебные участки создаются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 30 тыс. чел. В административно-территориальных участках с численностью менее 15 тыс. чел. создается один судебный участок.

Мировой судья в рамках уголовно-процессуальной функции разрешения дела исследует доказательства, руководит судебным процессом и разрешает дело по существу, т. е. принимает решение о виновности (или невиновности) подсудимого и о назначении наказания в случае признания подсудимого виновным.

Мировой судья является судьей первой инстанции и рассматривает уголовные дела о преступлениях, за совершение которых может быть назначено максимальное наказание не свыше трех лет лишения свободы, кроме дел о преступлениях, перечень которых содержится в ст. 31 УПК РФ, а также рассматривает уголовные дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в отношении решений, вынесенных им и вступивших в законную силу. Рассмотрение уголовного дела мировым судьей осуществляется в соответствии с общими правилами судебного разбирательства. Приговоры и другие решения мирового судьи могут быть обжалованы в апелляционном порядке. Мировой судья осуществляет правосудие именем Российской Федерации. Вступившие в законную силу решения мирового судьи обязательны для всех и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, на основании изложенного, можно сделать следующие выводы.

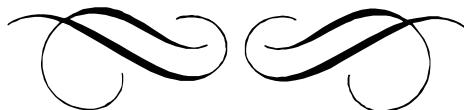
Суд является одним из доминирующих участников уголовного судопроизводства по делам частного обвинения с позиции реализации принципов законности и справедливости в процессе разрешения уголовного дела.

Рассмотрение уголовных дел частного

обвинения в соответствии со ст. 31 УПК РФ отнесено к компетенции мировых судей. Производство по уголовным делам частного обвинения регламентировано гл. 41 УПК РФ. Полномочия мирового судьи по уголовным делам частного обвинения определены УПК РФ и Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации».

Список литературы

1. О статусе судей в Российской Федерации: ФЗ от 15.12.2001 № 3132-1 // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 51. Ст. 4843.
2. Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.1987 № 1, в ред. 21.12.1993 // Сб. постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1993. – М., 1994.
3. О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 1.
4. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.1996 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 7.
5. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 5.
6. Абдулвалиев А.Ф. Суд как участник уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2010.
7. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. – М., 1996.
8. Грудынина Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект // Законодательство и экономика. – 2003. – № 8.
9. Михайловская И.Б. Новый УПК РФ: прощание с советским типом уголовного судопроизводства // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. – М., 2002.
10. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Личные конституционные права и свободы в СССР: система, характеристика, особенности реализации. – Уфа, 1990.
11. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Предложения по совершенствованию некоторых норм УПК РФ // Российский следователь. – 2002. – № 12.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО.

МАМЕДОВ Самир Касим-оглы,
соискатель кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: saqert@yandex.ru

Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право

ПРОЯВЛЕНИЯ СЕПАРАТИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Аннотация. Рассматривается проблема сепаратизма в контексте современной системы международной безопасности. Приведены примеры конкретных проблемных регионов, даны принципы сепаратизма, его соотношение с правом на самоопределение.

Ключевые слова: сепаратизм; международное право; международная безопасность; проблемные регионы; право на самоопределение; территориальная целостность государства; национально-освободительное движение; народы; нации.

МАМЕДОВ С.К.

DISPLAYS OF SEPARATISM AND INTERNATIONAL LAW

The summary. The separatism problem in a context modern systems of the international safety Is considered. Examples of concrete problem regions are resulted, separatism principles, its parity with the right to self-determination are given.

Key words: separatism; international law; international security; troubled regions; right to self-determination; territorial integrity of the state; national liberation movement; peoples; nations.

Опасность сепаратизма всегда сопутствовало человечеству и ныне представляет угрозу территориальной целостности государств. В отношении содержания понятия сепаратизма всегда существовал неоднозначный подход среди ученых и практиков. В марксистско-ленинской фразеологии проводилось противопоставление между сепаратизмом и национально-освободительным движением [4, стр. 207].

В новейшее время с оружием в руках территориальное отделение отстаивали многие народы и нации, которые не все имеют право на самоопределение в соответствии с международным правом, а именно: уйгуры и тибетцы на территории КНР, обитатели Западного

Ириана, Ачеха в Индонезии, каренцы, мон, качины, шаны, аракан в Бирме/Мьянме, бенгальцы Восточного Пакистана, многочисленные движения на северо-востоке Индии, сикхи Пенджаба, белуджи и пуштуны в Пакистане, курды в Ираке, Иране и Турции, эритрецы и сомалийцы в Эфиопии, сомалийцы в Джибути и Кении, обитатели региона Шаба в Заире, немусульманское население Судана, арабская и христианская коммуны Чада, туарега Мали и Нигера, Биафра в Нигерии, баски в Испании, корсиканцы во Франции, албанцы в Сербии и Македонии, сербы и хорваты в Боснии и Герцеговине, ирландцы в Великобритании, армяне в Азербайджане, чеченцы в России, русские и украинцы в Молдове, осетины

и абхазы в Грузии.

Сепаратистские движения довольно редко достигают итоговой цели, чаще всего удовлетворяясь предоставлением конкретной группе автономии. В качестве примеров успешных сепатессий можно назвать только Бангладеш, Эритрею, среди балканских стран – Хорватию, Словению, Боснию, Македонию, Черногорию. На постсоветском пространстве успехов по отделению добились движения в Южной Осетии и Абхазии. В России в 1996 – 1999 гг. наблюдалась активизация сепаратистов в Чеченской Республике [4, стр. 208].

В остальном мире сепаратисты контролируют ситуацию в Косово, на Тайване и в Сомалиленде. Как известно, Косово признали не многие европейские государства, ряд из них, например, Испания, против этого образования. Активно возражает и Российской Федерации.

Во многих государствах мира существуют различного рода партии и организации, преследующие сепаратистские цели. Так, в Европейском союзе в настоящее время действует Европейский свободный альянс – объединение партий разных стран, имеющих сепаратистскую или про-меньшинственную направленность.

В большинстве словарей сепаратизм – это стремление к отделению, обособлению, сепатессий; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии. Согласно толковому словарю СИ. Ожегова сепаратизм – это стремление к отделению, обособлению [3, стр. 710]. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова сепаратизм толкует как стремление к отделению, обособлению от большинства с той или иной целью (книжн.) и политическое движение, направленное к отделению какой-нибудь области от государства (полит.) [6].

По мнению Н.В. Явкина, сепаратизм – это стремление к отделению, сам процесс отделения или обособления со ставкой на полное автономное существование и развитие. В общественном развитии это, как правило, стремление к обособлению у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий [7, стр. 39].

Несмотря на столь широкое понимание

сепаратизма, под ним на межгосударственном уровне понимается стремление населения той или иной территории к отделению, с целью государственного обособления или присоединения к другому государству.

Для сепаратизма, согласно концепции, предложенной Л.И. Воловой, свойственно следующее:

- сепаратизм имеет отрицательный смысл, реакционное содержание;
- при сепаратизме обычно доминирует стремление добиться отделения от целого такой органической части территории, которую невозможно выделить, не затронув глубинных политических, экономических и других интересов страны, то есть происходит насильственное навязывание ее расчленения;
- при сепаратизме гипертрофируется роль отделения. Оно становится основной целью;
- сепаратизм обычно осуществляется при активном участии внешних сил, которые инспирируют сепаратистскую деятельность, оказывают материальную и военную поддержку сепаратистам;
- сепаратистские лидеры игнорируют интересы других народов, поскольку они действуют вопреки интересам своей страны, государств континента;
- сепаратистские образования с позиции современного международного права не могут считаться суверенными государствами, поскольку образованы и провозглашены незаконно [2, стр. 71]. На наш взгляд, указанное вполне совпадает с ситуацией в Нагорном Карабахе.

Условия появления сепаратизма могут быть самыми различными. Одними из них являются этнические конфликты. В самом общем виде под этническим конфликтом следует понимать социальный конфликт, субъектами-носителями которого являются социальные группы, различающиеся по этническим признакам. К таким признакам относится общность языка, особенности культуры и психического склада, закрепленные в устойчивых стереотипах поведения, и этническое самосознание [1, стр. 43]. Более конкретно под этническими конфликтами понимаются организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и гражданские войны, в которых противостояние

проходит по линии этнической общности [5, стр. 223] и др.

При этом в оценке правомерности происходящего довольно часто существует субъективный подход. Те или иные события нередко трактуются исходя из разных правовых позиций.

В международном праве на универсальном уровне понятие сепаратизма, так и не выработано. Нередко в отношениях государств используется его научное определение и, как показано выше, не всегда однозначное.

В то же время отдельные признаки сепаратизма, как противоправного явления, нашли отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, утвердившей Декларацию о принципах международного права 1970 года. В этом документе, наряду с подтверждением права народов на самоопределение, установлен запрет на любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен в данном документе; и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи.

Как справедливо считает Н.В. Остроухов, не нарушая принцип невмешательства и принцип равноправия и самоопределения народов, ООН могла бы предпринимать, прежде всего, предупредительные меры по противодействию сепаратизму [4, стр. 241].

Несмотря на неоднозначную оценку деятельности ОБСЕ, принимаемых в ее рамках решений, вопросы сепаратизма или якобы существующего, по мнению европейских государств, сепаратизма можно найти в принятых этой международной межправительственной организацией решениях. В частности, такие вопросы нашли отражение в Лиссабонском документе встречи ОБСЕ на высшем уровне от 3 декабря 1996 года, где европейские государства рассмотрели ситуацию в Бывшей Югославии, Молдове, Грузии и Абхазии.

Итак, анализ проявлений сепаратизма с позиции международного права позволил прийти к следующим выводам:

Сепаратизм одна из основных угроз территориальной целостности государств, несомненное нарушение соответствующего принципа.

Сепаратизму могут предшествовать неудачные попытки решения вопроса о самоопределении на основе международного права и национального законодательства.

В отличие от борьбы за самоопределение на основе международного права сепаратизм это всегда негативный процесс, сопровождающийся грубыми нарушениями прав и свобод человека и гражданина.

Сепаратистские движения часто удовлетворяются предоставлением определенной группе автономии.

Имеющиеся (Косово, Абхазия и Южная Осетия) и предполагаемые варианты успеха сепаратистских движений (Нагорный Карабах) создают существенную угрозу для международной безопасности.

Сепаратистские движения, акцентируя внимание на реализации права на самоопределение и громогласно заявляя о правах самоопределяющегося народа, игнорируют интересы ряда национальных групп на соответствующей территории (Косово, Северный Кипр), интересы народа государства в целом (Азербайджан).

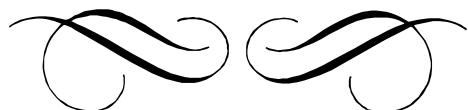
Сепаратистские движения предваряются, а в дальнейшем сопровождаются деятельностью националистических партий, часто опираются на терроризм и иные противоправные формы.

Меры, направленные на противодействие сепаратизму, содержатся в ряде специальных международно-правовых документов. Однако ряд государств не подписывает соответствующие документы (Армения).

Поддержка сепаратизма – грубейшее нарушение международного права, которое должно предполагать соответствующие санкции к нарушителям, однако в силу двойных стандартов, политических причин этого часто не происходит (действия Армении, НАТО и др.), что развязывает руки имеющимся и потенциальным сепаратистам.

Список литературы

1. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. В 2 ч. – Ч. 1. – Ставрополь, 1996.
2. Волова Л.И. Нерушимость границ – новый принцип международного права. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1987.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990.
4. Остроухов Н.В. ТERRиториальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009.
5. Степанов Е.И. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). – М., 1999.
6. Толковый словарь русского языка: В 4т. /Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940.
7. Явкин Н.В. Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение: Дис. канд. полит. наук. – Н.Новгород, 2004.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.

АРТАМОНОВА Галия Калимоловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета предпринимательства
и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВО И ЗАКОН: ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ

Аннотация. В статье рассматриваются основные различия и противоречия права и закона. Закон представлен как выраженное явление правовой сущности, а сфера права – как условное, абстрактное понятие. Говорится о необходимости дальнейшего исследования понимания права и закона. Ссылаясь на И. Канта, авторы констатируют: юристы все еще ищут свое понятие права. В исследовании сосредоточено внимание на соотношении права и закона в естественно-правовой теории и юридическом позитивизме. По мнению авторов, многогранно и разнообразно содержание понятия «естественное право». Что же касается закона здесь, то он трактуется вторично и обусловлено, как зависящее от человеческого усмотрения, решения и выбора. В этой ситуации различие права и закона, как теоретическая конструкция, выполняет две основных функции: оценочную и объяснительную. В статье представлена характеристика этих функций. Естественное право, по мнению исследователей, постоянно напоминает людям о долге человека быть таким, каким его создала природа, о справедливости как мировой цели.

Большинство доктрин юридического позитивизма исследуются в статье с позиций правового монизма. Понятие права здесь представляется тесно связанным с политической реальностью общества – государством, его суверенитетом, политикой как сферой общественных отношений. Идет речь о смешении политического и правового.

По мнению авторов статьи, право и закон необходимо рассматривать как два взаимообусловленных и вместе с тем различных реальных явлений.

Ключевые слова: право; закон; естественно-правовая концепция; юридический позитивизм; сфера права; правовая реальность; человеческое усмотрение, решение, выбор; оценочная и объяснятельная функции; долг человека; справедливость; правовой монизм; политические реалии; общество; государство; суверенитет; общественные отношения.

ARTAMONOVA G.K.
GORBASHEV V.V.
RETUNSKAYA T.P.
REUF V.M.

LAW AND JUSTICE: NATURAL LAW THEORY AND JURIDICAL POSITIVISM

The summary. The article considers the main differences and contradictions of law and justice. The law is presented as a distinct phenomenon of legal essence and the sphere of justice – as a conditional, abstract concept. The subject is concerned with the necessity of making a further research for understanding of law and justice. Referring to I. Kant the authors state: lawyers are still searching for their notion of law. The research focuses on the correlation of law and justice in the natural law theory and juridical positivism. It is the authors' opinion that the content of the "natural law" is multifaced and diverse. And as for the justice here it is has a secondary interpretation and is conditioned as dependent on human discretion, decision and choice. In this situation the difference of law and justice as a theoretical construction performs two major functions: evaluation and explanation. The article presents the characteristics of these functions. Natural law, in the researchers' opinion, constantly reminds people about the duty of person to be the way the nature created it, about justice as a global goal.

The majority of juridical positivism doctrines are studied in the article from the perspective of legal monism. The concept of law is presented here as closely connected to the political reality of the society – the state, its sovereignty, the politics as a sphere of social relations. The subject is concerned with mixing the political and the legal.

In the article authors' opinion the law and justice should be considered as two interdependent but at the same time different phenomena of reality.

Key words: law; justice; natural legal conception; juridical positivism; sphere of law; legal reality; human discretion, decision, choice; evaluation and explanation functions; individual's duty; justice; legal monism; political realities; общество; the state; sovereignty; social relations.

К теории различения права и закона можно относиться по-разному, быть ее сторонником или же противником, приводить различные доводы за и против, быть приверженцем широкой или узкой концепции, только вопрос решается один и тот же. Как и каким наилучшим путем достигать перехода от должного к существу, от фактической нормы закона к ее реальному жизненному воплощению, что подразумевает различение права и закона [6;

7; 8; 16].

Сторонники большинства различных концепций признают правосознание как дозаконодательное правовое явление. В силу своего надстроичного характера, право – это одна из форм общественного сознания, и именно в этом своем качестве право в то же время, по существу, одно и то же, является формой общественных отношений. Право, представленное в правосознании, это не

закон, не позитивное право, но одно из проявлений права в его различении с законом. Правовые нормы, правовое сознание, правовые принципы, правовые формы, правовые отношения и т. д. – это составные элементы единого понятия права как формы, различимые лишь в теоретической абстракции. Эти элементы – различные способы бытия и выражения одного и того же правового начала и права. Эти элементы подразумевают друг друга, являясь составляющими понятиями права и образующие в совокупности правовую культуру общества [13, стр. 157-163; 14, стр. 7-10; 15; 19, стр. 19-22; 21, стр. 122-124].

То же касается соответственно и закона – норма законодательства, законоотношение, законосознание. Такой аспект аналогии закона с правом не случаен, а глубоко закономерен. В законе эта материя получает свою необходимую конкретизацию и детализацию в пределах правовой сущности. Закон, законодательство, все формы позитивного права, право, – это то же надстроечное явление, явление идеальное, а не материальное и в этом смысле форма общественного сознания, когда закон, в своем различении с правом – это официально признанная и надлежащим образом зафиксированная и выраженная вовне форма сознания, законосознания.

В плоскости отношения права и закона как сущности и явления ясно, что положения закона как формы выражения права отличаются той степенью определенности, которая возможна именно на уровне явления, но не сущности, то есть закон это выраженное явление правовой сущности. Сфера права при этом условна, абстрактна, в сфере же закона необходима конечная определенность среди различных иных возможностей. Достигается это официальным общеобязательным решением, но только выявлением правовой сущности, где норма закона детализирует именно правовое содержание и начало – всеобщую меру свободы, которая должна пронизывать все законоположения, все установления положительного права [5, стр. 18-20].

Теоретико-методологическая обоснованность и плодотворность концепции различия права и закона очевидны в свете огромного опыта истории права и правовых учений, истории формирования и развития историко-материалистической концепции права и законодательства, общей теории государства и права. Ценность этой теории в том, что она стимулирует различные направления

научного исследования права и нацеливает на комплексный его анализ [18].

Поиски наиболее широкого, целостно отражающего определения права способствуют дальнейшему углублению правопонимания, совершенствованию законодательства.

Широко распространенное в юридической науке определение понятия права как совокупности норм, изданных государством, по сути дела, отождествляет право и законодательство. Вышинский, один из инициаторов этого определения, писал: «Право – это не один закон, а вся сумма или вся совокупность законов» [9, стр. 421].

С позиций распространенного определения закон, наряду с другими видами актов, – один из источников права, однако отождествление права с законодательством свидетельствует о том, что речь идет не об источнике в формальном смысле, а скорее о фактическом источнике права. В результате, понятие права включает в себя узкое и ограниченное законодательством значение, что ограничивает и не раскрывает сущности значения понятия права. Самое развернутое общее определение понятия права не может исчерпывающе раскрыть его сущность и полностью осветить его понятие. Имеющиеся в нашей литературе различные концепции, разные определения понятия права – при всей их взаимной полемичности – в заметной степени взаимообогащают друг друга и в целом конкретизируют общее научное понимание права. Система понятий в своей развитости и разветвленности должна в целом соответствовать реально-историческому содержанию исследуемых государственно-правовых явлений. Точно так же и каждое понятие, претендующее на всеобщность, должно теоретически охватывать и выражать соответствующие явления действительности в их исторически целостном развитии и многообразии, а не лишь в каком-то содержательно и хронологически ограниченном фрагменте их функционирования. Без учета требований принципа историзма невозможно избежать односторонних и поверхностных формулировок понятий, которые, претендуя на всеобщность, на самом деле значимы не для всех эпох исторического функционирования соответствующего феномена, выражаемого в искомом понятии, а лишь для той иной эпохи или исторически ограниченной ситуации. Следовательно, и сегодня можно

повторить известные слова Канта о том, что юристы все ищут свое понятие права.

В основе всякого теоретического подхода к правовым явлениям лежит та или иная концепция права, то или иное понимание того, что есть право и закон, каковы их взаимосвязи. Если придерживаться существа дела, то исходный смысл проблемы соотношения права и закона можно сформулировать в самом общем виде так: различаются или не различаются право и закон как разные феномены? Положительный или отрицательный ответ, по сути дела, и проводит принципиальную грань между концепциями двух противоположных типов правопонимания. История правовых учений показывает, что в концепциях, различающих право и закон, под правом понимается нечто по времени или по смыслу предшествующее и определяющее по отношению к закону. То или иное различие права и закона является необходимым моментом любого теоретического подхода к правовым явлениям, предполагающего различие сущности и явления и выяснения их соотношения. Представляет ли данное явление именно эту сущность или оно есть явление другой сущности.

Многолико и разнообразно содержание понятия «естественное право». Это и физическая природа, и космос, и природа человека, и общество, и мир социально-политических отношений, причем, правообразующая природа не для всех авторов является вечной и неизменной, раз и навсегда данной, существуют и концепции естественного права с исторически изменяющимся содержанием.

Что же касается закона в его отношении к праву, то он трактуется как нечто вторичное и обусловленное, зависящее от человеческого усмотрения, решения и выбора, как хорошо или плохо, справедливо или несправедливо изготовлен продукт человеческого творчества.

Различие права и закона как теоретическая конструкция выполняет две основные функции: оценочную и объяснительную. Существо оценки состоит в характеристике закона в качестве правового или внеправового установления.

При этом право выступает в качестве основания и критерия для суждения о ценности закона, его соответствия своему назначению. Значимость и сила подобной оценки в том, что она происходит с точки зрения права – необходимого и безусловного. В своем оценочном отношении к закону право

предстает как концентрированное выражение всех тех требований, без соответствия которым закон не имеет силы: закон, не соответствующий праву, – это произвол. Требования к закону представляют собой следствие соответствующей трактовки права. Конечной целью права является достижение социальной справедливости, свободы личности, материальное и духовное благосостояние для всех индивидуальных и коллективных субъектов. Эта цель должна быть достигнута только в том обществе, где господствуют адекватные отношения к человеческой природе, божьему замыслу.

В самом общем виде справедливость есть воплощение мировой гармонии на земле, общий лад в человеческих взаимоотношениях и состояние равновесия общества, где каждый служит каждому, отдает и получает «свое», где люди честны и полностью доверяют друг другу. Справедливость есть мера, применяемая к человеческим взаимоотношениям. С этой стороны она близко примыкает к праву. Справедливое общество – не утопия, как утверждают неопозитивисты. Теоретическое представление о нем есть онтологическая конструкция, лежащая в плоскости бытия и, следовательно, возможная, осуществимая. Отказ от цели построения справедливого общества всегда заслуживает упрека, влечет обвинения, вызывает общественное беспокойство и смуту.

Естественному праву принадлежит заслуга в том, что оно постоянно напоминает людям о существовании этой онтологической программы, о долге человека быть таким, каким его создала природа, о справедливости как мировой цели, об универсальности нормативных структур. Противники данной идеи часто признавали свое бессилие перед мистикой естественного права, великой жизненной мощью его традиций, уходящих в глубокую древность.

Большинство юридико-позитивистских доктрин, представляя различные трактовки сущности права, отстаивают известный принцип юридического мировоззрения, который можно определить как правовой монизм. В социальном пространстве общества, политически организованном как государство, существует и должна поддерживаться система, объединяющая все явления правовой жизни, исходящая из политического авторитета и воли государства. Правовая система есть некоторая тотальность,

обязанная своим существованием государству, в полной мере зависимая от него в своем функционировании и развитии. Данная конструкция, доведенная до своего конца, не признает никакого другого права, кроме системы правовых норм, устанавливаемых государством и обеспечиваемых возможностью применения принудительной силы государства.

Понимание права и правовой системы в рамках классического юридического позитивизма тесно связано с политической реальностью общества – государством, его суверенитетом, с самой политикой как сферой общественных отношений. Т. Иеринг определял право как «совокупность принудительных норм, действующих в государстве». Это свидетельствует о политизации сферы права, которая широко развивается в настоящее время.

В области категорий юриспруденции это выражалось в форме отождествления ряда понятий, одни из которых на самом деле являются юридическими, а другие – политическими. Даже на этом уровне начинается смешение политического и правового.

Правовой монизм предполагает целую систему государственных монополий в сфере права, то есть исключительных прав государства, эксклюзивных институтов, на которые не может претендовать никакая другая организационная организованная структура внутри гражданского общества. За многие сотни лет юридический позитивизм выработал четкую, логически непротиворечивую систему аргументов в пользу монистической концепции права, государственной монополии в сфере права. Так, общая методологическая посылка юридического позитивизма, согласно которой право логически и исторически выступает как продукт государственной деятельности, по сути, делает невозможным, ненужным поиски научно обоснованных ответов на вопросы исторического генезиса права. Начинает работать схема: «в этом обществе нет права, потому что там не было еще государства». В концепции юридического позитивизма пугают безграничные возможности государства в сфере правотворчества, вызывает желание не согласиться, что единственная гарантия существования правовой системы это государственное принуждение. Наводит на мысли представление общества как неуправляемом, бесконтрольном, низко развитом стаде, где нет

места личному и внутреннему развитию, росту над самим собой и его места в обществе, а есть только обобщенное понятие государства, некая мистическая категория, управляющая безвольным обществом. Отсутствует стимул развития, движения вперед.

По вопросу о соотношении государства и права представители естественного права занимают совершенно иные позиции. Для них право выступает как порядок дел в обществе, отражающий естественный порядок вещей. При этом типичный субъект естественного права – это рефлектирующий субъект, индивид либо сообщество индивидов, способное приближать своими действиями идеалы к действительности. Государство ничем не выделяется из круга таких субъектов, никакого своего избранничества оно не утверждает. Зародыш позиции лежит в корнях естественного права. Зарождение парадигм естественно правовой мысли относятся к глубокой древности, когда государства, возможно, еще не было, и большую часть своего исторического пути естественное право проделало под покровительством канонического, церковного, а не государственного права.

Естественное право представляет противоположный правовому монизму принцип юридического мировоззрения, юридической плюрализма.

Идея плюрализма начинается с естественно-правовых предложений, согласно которым, право есть порядок, а позитивное право – это ситуация порядка, отвечающая естественному состоянию, в котором пребывают индивиды. Все они в равной мере от первобытной группы до современного государства могут быть упорядочены на базе высших норм и естественных законов. Для плюралистов право – комплексная, необозримая сфера. «В одно и то же время, на одном и том же социальном пространстве могут существовать несколько правовых систем; прежде всего, государственная, но наряду с ней и другие, независимые от них. Такова исходная гипотеза юридического плюрализма, стремящегося опираться на факты».

Противостояние юридического монизма и плюрализма имеет определенный политический смысл. В любой своей форме юридический плюрализм создает препятствия политике укрепления и централизации государства, потому что он основывается на том, что государство не

имеет монополию на право, и отдает юридические средства в руки наиболее могущественных секторов общества. «Социум – не монолитное образование, он сегментирован, разделен на группы и подгруппы, каждая из которых вырабатывает внутри себя нормы общения между людьми, поддерживаемые лидерами более или менее авторитарными методами».

В методологическом отношении юридический плюрализм означает, прежде всего, признание тотальной зависимости структур права от среды. В целом юридический плюрализм можно считать реакцией на монополизацию функций права современным государством.

Естественное право всегда культивировало и провозглашало критическое отношение человека к действительности, к положительному правовому опыту, позитивному праву и законодательству. Эта черта естественно-правового мышления представляет собой существенное различие с юридическим позитивизмом, который, в лучшем случае, имеет дело с формально-логическими противоречиями в нормах права, законах, юридических понятиях и концепциях. «Критицизм позитивизма крайне узок, формален и догматичен: выискивая недоработки и недочеты внутри позитивного права, он безоговорочно принимает его основы. Не сомневается и в правоте законодателя».

Естественно-правовая мысль, напротив, постоянно судит законодателя, сверяет принятые им законы с идеалом, настаивает на необходимости совершенствовать позитивное право и законодательство. Естественное право призывает человека осмотрительно повиноваться закону, критически оценивать его с точки зрения правовых идеалов и справедливости, ставить свое законопослушание в зависимость от такого рода

оценок. Долг человека – активно противостоять тирании и тираническому праву, сопротивляться произволу и недомыслию законодателя, несправедливым государственным решениям. Человек может выступать в качестве обличителя законов и борца против них, если у него есть соответствующее на то основания, если данные законы нарушают справедливость. Разумная и свободная личность сама определяет пределы своего повиновения закону.

Противоположную позицию занимает юридический позитивизм, большинство направлений которого недвусмысленно отвергает саму возможность неповиновения закону, оспаривают социальные и исторические доводы, оправдывающие какие-либо отступления от позитивного закона и законности. Начиная с IX в., позитивисты, обосновав теорию безусловного законопослушания, заняли позицию юридического консерватизма, который выразился в крайне настороженном отношении к юридическим новациям, критике права, правовым реформам.

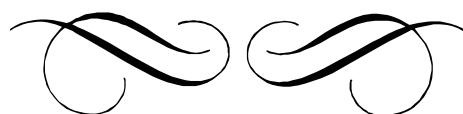
Первостепенной задачей права является поддержка устоявшегося порядка вещей, защита традиций, на которых основано общество, пусть не совершенное и не всех устраивающее, но представляющее возможность большинству людей нормально жить и развиваться. Только с этой отправной позиции можно и нужно улучшать общественную систему, не рискуя общественным благосостоянием, не ухудшая положение общества [1; 2; 3; 4; 10; 11; 12; 17; 20; 22].

Объяснительная функция концепций различия права и закона состоит в том, что право и закон рассматриваются как два взаимосвязанных и вместе с тем различных реальных явлений, отношения которых в теоретическом плане эти концепции и отражают.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001.
2. Алексеев С.С Право: азбука-теория-философия. – М., 1999.
3. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
4. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Рейф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политico-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 27-34.
5. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
8. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.

9. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. – М., 1949. – 421 с.
10. Зубрин В.В. Конституционная законность и механизм ее обеспечения в федеральном округе / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
11. Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы. – М., 1999.
12. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
13. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от контраста цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
14. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1. – С. 7-10.
15. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. – Саратов, 1989.
16. Сальников В.П., Ивашов Л.С., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методические основы геополитической доктрины России). – СПб., 2006.
17. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
18. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство. – СПб., 2005.
19. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 4(8). – С. 19-22.
20. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. – М., 1988.
21. Шаля В.М. Методология исследования феномена «правовая культура» // Философия права. – 2008. – № 3. – С. 122-124.
22. Явич Л.С. Сущность права. – Л., 1986.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

ХАСАНОВА Сульета Гидовна,
доцент кафедры уголовного права Адыгейского
государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: khasanova@gmail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО: АКСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье идет речь о формировании системы ценностей, на базе которой развивается гражданское общество. В этом процессе существенная роль отводится самому государству, которое должно иметь очень четкие ценностные ориентиры, обладать реальной государственной идеологией и способностью обеспечить сохранность традиционных ценностных устоев, иметь ценностное значение для общества, быть ценностю для него.

Обосновывается мысль о необходимости государственного участия в процессе становления системы социальных и идеологических ценностей.

Подробно анализируются выступления и статьи Д.А. Медведева и В.В. Путина по вопросам создания в России гражданского общества, формирования общесоциальных и идеологических ценностей. Поддерживается идея о том, что социальной ценностью российского общества и государства является «русское культурное ядро». Подчеркивается мысль об уникальности российского опыта государственного развития, способного находить общие для всех ценности и обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности, опирающейся на нашу культуру, историю, тип идентичности.

Исследуется правоохранительная деятельность государства. Именно в рамках правоохранительных отношений, справедливо полагают авторы, и обеспечивается нормальное функционирование общества и достойная жизнь человека. Такое общество и государство имеют для граждан социальную ценность, традиционализм.

Ключевые слова: человек; гражданское общество; государство; аксиологическая оценка; идеологическая ценность; охранительные правоотношения; ценностные ориентиры; государственная идеология; традиционные ценностные устои; гармоничное развитие; поликультурная общность.

BABADZHANOV I.Kh.
REUF V.M.
KHASANOVA S.G.

PERSON, SOCIETY, STATE: AXIOLOGICAL EVALUATION AND IDEOLOGICAL BASIS OF PROTECTIVE LEGAL RELATIONS

The summary. The article deals with the formation of the system of values on the basis of which civil society develops. In this process an essential role is allocated to the state itself which should have very distinct axiological objectives, a real state ideology and capability to ensure preservation of traditional value foundations, be of valuable significance to the society, present a value for it.

The idea of the need for the state involvement in the process of forming the system of social and ideological values is justified.

A detailed analysis is given to speeches and articles of D.A. Medvedev and V.V. Putin on the issues of civil society creation in Russia, formation of all-society and ideological values. The support is provided to the idea that a social value of the Russian society and state is "Russian cultural core". The emphasis is put on the uniqueness of the Russian state development experience capable to find out common values and provide harmonious development of multicultural community based on our culture, history, identity type.

The state law enforcement activities are under study. The authors reasonably believe that it is within law-enforcement relations where a normal functioning of the society and dignified life of individual are ensured. Such a society and the state are of social value, traditionalism to the citizens.

Key words: person; civil society; the state; axiological evaluation; ideological value; protective legal relations; axiological objectives; state ideology; traditional value foundations; harmonious development; multicultural community.

Государство, не имеющее ценностных ориентиров, не обладающее реальной идеологической основой [33; 37; 61; 62; 72; 73; 75; 78; 79] и не способное обеспечить сохранность традиционных ценностных устоев, само утрачивает ценностное значение для общества, перестает быть ценностью [23; 24; 31, стр. 18-21; 35; 46; 47, стр. 45-54; 48, стр. 5-15; 50; 52; 55; 59; 64; 68; 69; 76; 77, стр. 307-312]. В силу этой причины, сегодня все очевиднее проявляется необходимость государственного участия в процессе формирования такой системы ценностей, на основании которой может развиваться гражданское общество [5; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 18; 21; 26; 28; 34; 54; 60; 67; 74; 82], совершенствоваться и эффективно функционировать система публичной политической власти [6; 12; 17; 19; 22; 29; 32; 41, стр. 13-21; 44; 45; 63; 66; 70, стр. 3-16; 71; 81; 83]. Такая необходимость осознается на высшем политическом уровне. В частности, в своем первом

президентском Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Д.А. Медведев особое внимание уделил ценностям, представление о которых «делает нас единым народом» и которые формируют наше представление о будущем. В качестве таких ценностных ориентиров Президент выделил: справедливость, свободу, жизнь человека, семейные традиции, патриотизм. В Послании определяются также ценностные приоритеты развития российской правовой системы, которые, как представляется, должны составлять основу, «ядро» объекта конституционно-правовой охраны: становление демократических институтов; формирование качественно новой правовой системы и независимого суда; преодоление пренебрежительного отношения к праву; реализация закрепленных Конституцией социальных гарантий; укрепление международной законности [1].

В послании президента Федеральному собранию 22 декабря 2011 года Д.А. Медведев

особо подчеркнул необходимость проведения комплексной реформы политической системы современной России. По его мнению, необходимо дать всем активным гражданам законную возможность участия в политической жизни. С этой целью ввести упрощенный порядок регистрации партий, изменить систему выборов в государственную Думу, порядок формирования Центральной и региональных избирательных комиссий. Все эти «меры сделают политическую систему страны более эффективной, лучше представляющей интересы граждан нашего государства. Особенно актуальны такие изменения накануне важнейшего политического события – выборов Президента России. Выборы должны быть честными, прозрачными, отвечающими современным представлениям о законности и справедливости».

Большое значение, по мнению Президента, имеет децентрализация нашей жизни. Необходимо провести серьезное перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов. Пора на деле приблизить к людям исполнение важнейших для них функций государства, чтобы более качественно исполнялись его обязанности перед гражданами. Процесс «децентрализации власти будет сопровождаться усилением политической ответственности руководителей регионов и муниципалитетов за конечные результаты их работы по развитию территории, по повышению качества оказываемых людям услуг». Нужен «федеральный закон, предусматривающий создание федеральной контрактной системы. Новые процедуры государственных и муниципальных закупок должны обеспечить высокое качество исполнения государственного заказа и препятствовать формированию монопольно высоких цен и многомиллиардных коррупционных схем».

Важное значение имеют и меры по реализации идей Конвенции ООН против коррупции об установлении ответственности за незаконное обогащение. Д.А. Медведев подчеркнул: «Эта ответственность устанавливается в соответствии с принципами именно нашей правовой системы». Важно «радикально снизить экономическую заинтересованность в совершении корыстных преступлений».

При реализации государственных функций и оказании публичных услуг населению

существенное значение имеет полномасштабный переход к бесконтактным технологиям документооборота. И это одна из задач, которую ставит Президент на ближайшее время. «Расширяются возможности граждан получать многие государственные и муниципальные услуги дистанционно... Гражданам будет проще общаться с государством в режиме реального времени...».

Важную социальную ценность имеют программы, связанные с поддержкой многодетных семей, учителей, врачей, молодых инженеров и ученых. «Они должны получить, – по мнению Президента, – лучшие возможности для улучшения жилищных условий с помощью льготной ипотеки».

Одна из важнейших задач всех органов власти и общества в целом – это полноценная реализация программы «Доступная среда». Инвалиды должны чувствовать себя комфортно в обществе, условия их жизни, их возможности не должны быть ограниченными. Это важно для каждого из нас, для всех нас, для всего общества. В этом проявляется его зрелость, его социальная ценность.

Значительную социальную ценность имеет развитие бюджетной сферы: детских садов, общеобразовательных школ, школ искусств, музеев, клубов, библиотек, учреждений культуры, которые непосредственно работают с детьми. На их дальнейшее развитие направлены усилия государства. Повышается уровень оплаты труда работающих с детьми преподавателей и воспитателей. По мнению Д.А. Медведева, «продолжится и повышение зарплат школьных учителей».

Для гражданского общества и зрелого социального государства очень значимо патерналистская функция. Наше «государство, – пообещал Президент, – примет дополнительные меры, которые стимулируют рост семейных форм устройства детей-сирот». В регионах будут приняты программы, необходимые для медико-психологического и педагогического сопровождения семей, которые воспитывают детей-сирот. Им нужна помощь, и она должна быть практической. Пора завершить во всех регионах страны разработку программ социальной адаптации выпускников детских домов.

Социальная ценность государства определяется зрелостью государства, в том числе в сфере уголовного права и судопроизводства, и справедливостью судебной системы. Судебной

системе отводится особая роль в проведении уголовной политики. «От нее зависит, – считает Президент, – станет ли система назначения наказаний более гибкой, дифференцированной, а значит и более справедливой». В стране будет продолжена работа по улучшению качества судейского корпуса. В ближайшее время будут созданы системы самостоятельных экзаменационных комиссий, через которые будут проходить все кандидаты на должность судьи. Важную социальную и идеологическую ценность имеют процедуры медиации. У нас практически нет культуры ведения переговоров и поиска взаимоприемлемых решений. «Законы о медиации, которые приняты, – считает Президент, – почти не работают, случаи заключения соглашений все еще единичны. Надо более активно информировать граждан о возможности разрешить спор с помощью квалифицированного посредника, а также подумать над целесообразностью введения обязательного применения примирительных процедур для разрешения некоторых видов споров».

Огромную идеологическую ценность имеет реализация идеи Д.А. Медведева о создании открытого правительства. Конечно, это уже выходит за рамки устоявшихся государственных институтов. Открытое правительство может объединить для решения стратегических и оперативных задач все уровни и ветви власти, общественных деятелей, экспертов, всех кто готов участвовать в процессах реального управления государством, в выработке и экспертизе важнейших решений и программ. «Такое открытое правительство, – считает Президент, – это ведь, по сути, социальный лифт для самых активных и талантливых людей, кадровый резерв для обновления и пополнения исполнительной власти в центре и регионах…».

Наконец, открытое правительство – это эффективный способ обратной связи, позволяющий оценить действенность государственной политики, принципиально иначе построить работу органов власти, сделать ее современной, опирающейся на инициативу с мест» [2].

Необходимость государственного участия в процессе становления системы социальных и идеологических ценностей не должна восприниматься с волюнтаристских позиций, как это было в середине 90-х годов прошлого века, когда понятие национальной идеи толковалось как явление однопорядковое с государственным

заказом. В современных условиях государство должно, прежде всего, выступить гарантом тех социальных ценностей, которые имеют традиционную значимость, являются универсальными для всех социокультурных общностей, проживающих сегодня на территории Российской Федерации. Это означает особую роль государства в охране и защите соответствующих социальных ценностей, а соответственно актуализирует проблематику, связанную с аксиологическим аспектом охранительного воздействия и охранительного правоотношения.

Показательна, в этом отношении, статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» [3]. Квинтэссенцией данной статьи является вывод о том, что «самоопределение русского народа – это полигэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром».

Социальной ценностью российского общества и государства является именно «русское культурное ядро». Для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, конечно, носит фундаментальный характер. Каждый гражданин должен понимать, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие.

Исторически Россия возникла и веками развивалась не как этническое сообщество, а как многонациональное государство. В нем постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе, рядом с русскими. «Освоение огромных территорий, – констатирует В.В. Путин, – наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки, как и этнические татары, евреи, белорусы...».

Многонациональный характер имело уже древнерусское государство. Об этом указано и в одном из самых ранних русских философско-религиозных трудов «Слово о законе и благодати», такую же характеристику нашего древнего государства можно найти и в «Повести временных лет». Особый характер русской государственности постоянно подчеркивал И. Ильин. Он полагал важным не искоренять, не подавлять, не порабощать чужую кровь, не задушить

иноплеменную и инословную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину, всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, а самых лучших вовлечь в государственное и культурное строительство. Нужна именно такая уникальная цивилизация, а ее стержнем, скрепляющей тканью является русский народ, русская культура. Русский народ давно самоопределился. «Самоопределение русского народа, – как справедливо подчеркивает В.В. Путин, – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей».

Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колossalные возможности для развития во всех областях. И при таких условиях «необходимо не только соблюдение взаимных обязательств, – по справедливому замечанию В.В. Путина, – но и нахождение общих для всех ценностей.... Уверенность, что мы можем обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности, опирается на нашу культуру, историю, тип идентичности».

В русской идентичности свой культурный код. Русский народ является государствообразующим по самому факту существования России. «Великая миссия русских, и в этом прав В.В. Путин, объединять, скреплять цивилизацию». Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Ф.М. Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознания «свой – чужой» определяется общей культурой и общими ценностями. В этом и проявляется аксиологическая оценка нашего общества и нашего государства, а самое главное – нашего русского человека.

Совершенно прав В.В. Путин, когда пишет о том, что именно такая «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности».

В статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин особое внимание обратил на

аксиологическую роль российской государственной идеологии. Она должна пронизывать государственную политику в области культуры, определять ценностную сущность телевидения и кино, всех средств массовой информации, всего того, что формирует общественное сознание, задает поведенческие образцы и нормы. С их помощью важно внедрить в сознание граждан лучшие с точки зрения национальных интересов и с позиций общественной морали ценности. Государство обязано и имеет право направлять свои усилия и ресурсы на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию, и решение других осознанных социальных общественных задач. В этом и проявляется идеологическая роль государства [3].

Обращаясь к проблеме правоотношений, следует, прежде всего, констатировать, что в их рамках последовательно или комплексно выполняются различные задачи, решение которых необходимо для достижения общей цели правоохранительного воздействия. В частности в рамках охранительного правоотношения оказывается *предупредительное и ситуативное* правовое воздействие. Такая направленность охранительных правоотношений определяется тем, что охранительная функция, в свою очередь, складывается из подфункций или функций второго порядка – профилактической и оперативной. Этот критерий функциональной градации, по сути, отражает прямую и обратную связи социального управления – создание необходимых условий (гарантий) и соответствующая реакция на нарушение. Важно выделить также три сферы социальной жизнедеятельности, традиционно рассматриваемые в качестве основы классификации социальных явлений – экономика, политика и идеология (*как система ценностей, определяющих способ и цель социального развития*). В соответствии с этим критерием выделяются политическая, экономическая и аксиологическая функции охранительного правоотношения.

В рамках охранительных правоотношений обеспечивается нормальное функционирование общества путем охраны и защиты явлений, имеющих существенное значение для устойчивого развития социальной системы, и определяющих ориентацию поведения участников социальных отношений. В основу осуществления аксиологической функции положен принцип, в

соответствии с которым искажение ценностных ориентаций противоречит социальной природе человека и соответственно является антиценностью. В частности, в форме охранительных правоотношений осуществляется решение общественной задачи по охране представляющих социальную ценность возможностей (свобод) участников социальных отношений. В охраняемом состоянии эти субъективные *возможности* приобретают качество субъективных прав, реализация которых обеспечивается государственным установлением корреспондирующей *необходимости* (юридической обязанности) для остальных субъектов. Если посредством ценностей выявляется положительное или отрицательное значение для человека и общества оцениваемых объектов, то сами охранительные отношения становятся своеобразным *оценочным критерием*, на основании которого субъекты права регулируют свое поведение, реализуют свои интересы. В рамках охранительных правоотношений осуществляется оценка социальной реальности, определяется круг ценностных ориентиров, положение конкретной социальной ценности в сформировавшейся и воспринятой ценостной иерархии, устанавливается связь различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами, структурой правосознания и пр. Целью оценки является осознание ценности, то есть положительного или отрицательного значения объекта для оценивающего субъекта. Поэтому публичная оценка при установлении правовой нормы и частная оценка в процессе реализации права – необходимые этапы на стадиях правового регулирования социальных отношений. В этом смысле охранительные правоотношения выполняют оценочную функцию, значение которой определяется тем, что «следование ценностям жизни и культуры укрепляет общество и его организующий стержень – государство, придает ему действенность» [35].

Ценостное значение явления выступает своеобразным критерием разграничения на позитивные и негативные явления социальной реальности, в связи с чем ценностный аспект раскрывается в виде отношения «ценность – антиценность». осуществление аксиологической функции права на первом, основном этапе воплощается в оценке социальных явлений.

Оценочная процедура в данном случае формализуется (моделируется) в процессуальных нормах и реализуется в форме правотворческой деятельности. Правильная оценка любого социального явления очень важна. Особое значение она приобретает в многонациональном государстве в условиях национальной напряженности. Безусловно, существует прямая зависимость между нерешенными социально-экономическими проблемами, несовершенством правоохранительной системы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве. По справедливому замечанию В.В. Путина [3], системные проблемы общества очень часто находят выход именно в форме межнациональной напряженности. Когда отсутствует справедливость, имеет место безответственность и бездействие представителей государства, неверие в равенство перед законом и неотвратимость наказания для правонарушителя, когда складывается мнение, что все куплено и правды нет – вот тогда и проявляется обостренная реакция людей. Они оценивают эту ситуацию как отрицательную, что и влечет за собой общественный, в том числе и межнациональный конфликт [27; 52; 54; 80]. В данной ситуации очень важна объективная оценка деятельности (или бездеятельности) органов власти, правоохранительных структур [3; 58], которая привела к межнациональному напряжению. Очень важно подчеркивает В.В. Путин, – «отдавать отчет, какие риски и угрозы заключены в ситуациях, чреватых переходом в стадию национального конфликта» [3].

Здесь необходимо видеть роль и назначение средств массовой информации, оценивать их профессионализм и ответственность, деятельность в рамках существующего правового поля.

Определяя какое-либо деяние в качестве, например, антиценности, законодатель предоставляет полномочия соответствующим органам государства и гражданам быть публично-правовым или частноправовым правоприменяющим субъектом охранительного правоотношения. От результата правотворческой оценки зависит формулировка состава неправомерных юридических фактов, установление запретов и санкций. Запрет как указание вида (модели) нежелательного поведения имеет своей целью предвосхищение применения санкций,

предупреждение социально-вредного поведения [4; 7; 20; 25; 27; 30; 36; 38; 39; 40; 42; 43; 49; 51; 54; 57; 80]. Санкция в свою очередь является указанием вида и меры негативных последствий, наступление которых обеспечивается государством для субъектов права, не придерживающихся в своих поступках официально закрепленной системе публичных ценностей [56, стр. 125]. *Запрет выражает относимость охраняемого явления к социальным ценностям, а санкция отражает степень значимости этой ценности для общества, ее место в ценностной иерархии.* В целом, система юридических запретов и санкций отражает качественную общественную оценку вариантов возможного поведения.

В настоящее время, например, наших граждан очень волнуют проблемы, связанные с внешней и внутрироссийской миграцией, многие ее издержки. И здесь необходимо, по мнению В.В. Путина, значительное повышение качества миграционной политики государства, проведение взятых политических функций, усиление активности миграционных служб. Речь идет не о механическом ужесточении миграционной политики, а о повышении ее эффективности [53; 65].

Повышение качества миграционной политики предполагает, в том числе, и совершенствование миграционного законодательства. Вряд ли можно дальше обходится без обязательных требований, предъявляемых к мигрантам при приобретении или продлении миграционного статуса, таких, как экзамен по русскому языку, по истории России и

русской литературе, по основам российского государства и права. Необходимо сформировать и предоставить мигрантам соответствующие образовательные программы, возможно и обязательное дополнительное профессиональное обучение, например, за счет работодателей. Необходима интеграция мигрантов в российское общество. А без такой социальной ценности как образование, хотя бы минимальное – это невозможно. «Нам надо выстроить такую модель государства, цивилизованной общности с таким устройством, – справедливо полагает В.В. Путин, – которая была бы абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто читает Россию своей Родиной» [3].

Предполагаемое общество и государство будут оцениваться гражданами как социальная ценность.

Эта оценка имеет существенное значение в процессе осуществления правоохранительной деятельности. Осуществляется оценка конкретной фактической деятельности государства, его должностных лиц, граждан как правомерной (социально ценной) или как неправомерной, причем, не только не представляющей ценность, но и деструктивно влияющей на саму систему социальных ценностей (социально вредной, общественно-опасной).

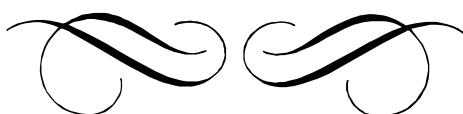
В процессе правоохранительной деятельности важно укреплять наше «историческое» государство, доставшееся нам от предков, государство-цивилизацию, которое способно решить все вопросы, возникающие в этом непростом, даже очень сложном Мире.

Список литературы

1. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г. // Российская газета. – 2008. – № 230. – 6 ноября.
2. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 22 декабря 2011 г. // Российская газета. – 2011. – №290 (5666). – 23 декабря.
3. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – №7 (5493). – 23 января.
4. Антонян Ю.М. Принципы преступного поведения. – М., 1992.
5. Байниязов Р.С. Роль правосознания в гражданском обществе // Правоведение. – 2004. – № 7.
6. Байтин М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
7. Быков В.П., Бачинин В.А. Философия права и преступление // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 253-256.
8. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. – М., 1995.
9. Войтович Л.В. Реформа Гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы в контексте становления гражданского общества // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. научно-практ. конф.: 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередко. – СПб., 2011. – С. 105-111.
10. Гафуров З.Ш. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование // Государство и

- право. – 2008. – № 5. – С. 11-20.
11. Геллер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Пер. М.Б. Гнедовского. – М., 2004.
12. Гончаров В.В., Жилин С.М. Понятие и сущность государственной власти: конституционно-правовой анализ // Социология власти. – 2010. – № 1.
13. Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 1996.
14. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1991.
15. Грандонаин К.А. Противоречия гражданского общества: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.
16. Григонис Э.П., Исхаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
17. Дмитриев Ю.А., Златопольская А.А. Гражданин и власть. – М., 1984.
18. Дмитриев Ю.А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. – 1994. – № 7. – С. 28-34.
19. Дробышевский С.А., Будилина Т.В. Научная мысль в поисках наилучшей политики-правовой системы. – Красноярск, 2000.
20. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1992.
21. Замбровский Б.Л. К вопросу о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политический журнал. – 1991. – № 6. – С. 15-23.
22. Златопольский Д.Л. Государство и личность: основы взаимоотношений // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 1993. – № 1. – С. 3-12.
23. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., 2007.
24. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
25. Игощев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974.
26. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и правовое государство // Полис. – 1992. – № 1-2. – С. 8-17.
27. Имагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
28. Кальной И.И., Лопушанский И.Н. Гражданское общество: истоки и современность. – М., 2006.
29. Каменская Г.В., Родионов А.Н. Политические системы современности. – М., 1994.
30. Карабанова Т.М. Условия жизни и реальное поведение людей. – М., 1995.
31. Карнаухов С.С. «Интересы» или «ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена // История государства и права. – 2009. – № 7.
32. Керимов Д.А. Философские основания политico-правовых исследований. – М., 1986.
33. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
34. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / Пер. с нем. – М., 1998.
35. Косарев А. Ценности и оценки в истории государства и права // Юридическое образование и наука. – 2006. – № 4.
36. Криминальная мотивация / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1986.
37. Крыгин С.С. Правовоспитательная функция современного российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
38. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
39. Кудрявцев В.Н. Социальная деформация. – М., 1992.
40. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М., 1978.
41. Лившиц Р.З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Сов. государство и право. – 1990. – № 10.
42. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. – М.: Наука, 1991.
43. Лунеев В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. – М., 1980.
44. Любашин В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды // Правоведение. – 2002. – № 6.
45. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 94-99.
46. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
47. Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. – 1996. – № 4.
48. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10.
49. Механизм преступного поведения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1981.
50. Неновски Н. Право и ценности. – София: Болгарская академия наук, 1983.
51. Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. – Владивосток, 1989.
52. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости. – М.: Юристъ, 2005.

53. Подольский А.В. Оптимизация миграционной функции современного российского государства (вопросы теории и практики): Автoref. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011.
54. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
55. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985.
56. Радью Т.Н. Функции социалистического права. – Волгоград, 1970.
57. Ратиков А.Р. Ефремова Г.Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. – Красноярск, 1988.
58. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
59. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
60. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 64–72.
61. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы геополитической доктрины России). – СПб., 2006.
62. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
63. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства. – СПб., 2006.
64. Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. – 2005. – № 12.
65. Собольников В.В. Проблемы предупреждения миграционной преступности. – Новосибирск, 2006.
66. Смоленский М.Б., Дунаев Н.Н. Правовая культура и личность в контексте российской государственности. – Ростов-на-Дону, 2002.
67. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 197-204.
68. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 11-19.
69. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 24-32.
70. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4.
71. Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 52-59.
72. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
73. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
74. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования. // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 23-31.
75. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Автор вступит. ст. В.П. Сальников. – СПб., 1999.
76. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
77. Шамба Т.М. Законность и правопорядок в системе политico-правовых ценностей современной правовой жизни // Научные труды Российского государственного торгового университета. – М., 2004.
78. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
79. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
80. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1995.
81. Юриспруденция XXI века: горизонты развития: очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб., 2006.
82. Явич Л.С. Господство права (к концепции правового государства в СССР) // Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 11-20.
83. Явич Л.С. О философии права на XXI век // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 4-33.

КИРИЛОВ Игорь Вячеславович,
соискатель Академии ФСБ России
E-mail: kirilovord@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕЧЕНИЯ «ВАХХАБИЗМ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы возникновения течения «ваххабизм» и его основные проявления. Особое место отводится анализу ваххабизма в 90-е годы двадцатого столетия на территории России и постсоветского пространства. В статье автор выделяет негативные последствия для общественной стабильности и государственной безопасности проявления ваххабизма.

Ключевые слова: ваххабизм; национальное мусульманское сообщество; государственная безопасность; салафиты; незаконное вооруженное формирование.

KIRILOV I.V.

ON THE ORIGIN OF “WAHHABISM” MOVEMENT AND ITS INFLUENCE IN RUSSIA

The summary. The article deals with the issues of the origin “Wahhabism” movement and its main manifestations. A special place is allocated to the analysis of Wahhabism in 1990's within the territory of Russia and the former Soviet republics. In the article the author distinguishes negative effects of Wahhabism manifestations for social stability and national security.

Key words: Wahhabism; national Muslim community; national security; salafits; unlawful paramilitary group

Чаще всего слово «ваххабизм» употребляется для обозначения религиозно-политического экстремизма, соотносимого с Исламом. Ваххабизм, в узком и точном смысле слова, означает учение, сформулированное в XVIII веке аравийским религиозным реформатором Мухаммадом Ибн-Абд-аль-Ваххабом [2, стр. 125]. Под ваххабитами подразумеваются либо носители идей, составляющих учение Ибн-Абд-аль-Ваххаба, либо члены группировок, которые руководствуются этим учением. Основатель движения выступил с проповедью, в которой обвинил мусульман в отходе от учения о единобожии. По его мнению, только Аллах как единственный источник творения достоин поклонения. Его учение не было оригинальным: он повторил идеи сирийского теолога XIV века Таки ад-Дина ибн Таймии.

Однако есть одна сложность, связанная с ваххабизмом. Сами ваххабиты стремятся не называть ваххабизмом ни религиозное учение Ибн-Абд-аль-Ваххаба, ни идеологию движений и групп, принимающих и распространяющих ваххабитские представления и реализующих ваххабитские установки в мире (в том числе в России).

Самая главная причина нежелания ваххабитов называться ваххабитами состоит в том, что тогда имплицитно будут признаны обвинения, выдвигаемые мусульманами против ваххабитов, – в том, что ваххабиты в рамках Ислама являются еретиками (в исламской терминологии мубтадиа), то есть людьми, которые следуют особому религиозному учению, разработанному конкретным человеком (Мухаммадом Ибн-Абд-аль-Ваххабом) в конкретный период времени (XVIII в.) и не существовавшему прежде в таком

виде и с таким содержанием [1].

С момента возникновения ваххабизма, всеми мусульманами мира ему была дана крайне негативная оценка и все действия ваххабитов были охарактеризованы как смута и новшество. Многие мусульманские ученые осудили деятельность Ибн-Абд-аль-Ваххаба, они написали множество трудов по этому поводу.

Поэтому ваххабиты не любят называть себя ваххабитами и именуют себя либо просто мусульманами, либо салафитами, «последователями благодетельных предков» (салафийон).

Ваххабизм, появление которого в XVIII веке было инспирировано англичанами с целью внесения раскола в арабский мир, противостоявший завоевателям, носил явно химерные и антисистемные черты. Исторически течение ваххабизма, представлявшее сугубо политическую субстанцию, служило инструментом разворачивания внутриисламского конфликта, при котором активно происходившее разобщение мусульман достигало критической массы своего развития и перерастало в противоборство, а в ряде случаев, при удачном для колониальной Англии стечении обстоятельств, приобретало характер вооруженных столкновений. «Игра на религиозных чувствах» [2, стр. 140] могла приобретать такой степени размах, при котором создавалась ситуация невозможности контролирования Османским государством собственных территорий, что не только гарантировало ослабление мусульманского государства на международной арене, но и ставило под угрозу целостность его существования. Подобная расстановка сил в полной мере соответствовала интересам колониальной политики и вполне успешно претворялась в жизнь.

И сегодня эта политика, направленная на разрушение Ислама, продолжается и успешно выполняет поставленные перед ней задачи.

В 90-е гг. двадцатого столетия объектом ваххабитской агрессии стала Россия. Наиболее яркое проявление вооруженной ваххабитской агрессии - вторжение с территории Чечни в Дагестан в 1999 г. дагестанских, чеченских и арабских ваххабитов [4]. Но до этого, вооруженная агрессия арабских ваххабитов на российскую территорию – в Чечню означененная учиненной ими бойней в ущелье Ярыш-Марды в апреле 1995 года, когда была уничтожена колонна 245-го мотострелкового полка.

Вооруженная агрессия сочеталась с агрессией

идеологической – с начавшимся еще раньше распространением ваххабитских идей, которое приводило (и продолжает приводить) к созданию ваххабитских ячеек и плацдармов на территории России.

Внедрение ваххабизма обязательно приводит (об этом свидетельствует опыт его распространения в мире) к следующим сугубо негативным для общественной стабильности и государственной безопасности последствиям [3, стр. 126-127]:

- раскол национального мусульманского сообщества в той или иной стране;
- создание из части расколотого национального мусульманского сообщества (она может быть небольшой) активной антисистемной (антиобщественной и антигосударственной) группы или групп;
- включение этой группы (групп) во всемирную сеть ваххабитских организаций с единой идеологией, централизованным руководством, внешним финансированием и, естественно, идущим извне, из ваххабитского центра (центров) политическим целеполаганием;
- распространение идеологии религиозной и национальной нетерпимости и вражды, реальное осуществление религиозной дискриминации и сегрегации в тех зонах, где ваххабизм сумел закрепиться;
- теоретическое оправдание насилия, экстремизма и терроризма в отношении всех тех, кто провозглашается «неверными».

В отношении ваххабизма на территории России (в первую очередь – на российском Северном Кавказе) необходимо констатировать, что ваххабизм в его разных проявлениях (ваххабитские идеи, ваххабитские публикации, ваххабитские миссионеры, ваххабитские группы и даже ваххабитские территориальные анклавы) фиксируется как бытующий с определенного момента времени. Проще говоря, сначала ваххабизма не было, а потом он появился.

Ведутся научные и оклонакучные споры относительно того, почему возник ваххабизм в России, т. е. каковы, в общем виде, причины его возникновения на российской территории. Некоторые исследователи утверждают, что ваххабизм (под которым они чаще всего понимают не собственно ваххабизм, а радикальный политизированный ислам) стал ответом на

обострение социально-экономического и культурно-идеологического кризиса. Даже если согласиться с этой точкой зрения, остается вопрос, откуда взялась не существовавшая ранее на территории России идеологическая форма этого ответа (все тот же ваххабизм).

Иные полагают, что «ваххабизм» (ученые этой группы предпочитают употреблять это слово в кавычках) на Северном Кавказе – явление, имеющее внутренние, северокавказские корни, т. к. «ваххабиты» – это салафиты, а салафиты – сторонники возвращения к чистому исламу, каким он был во времена Пророка Мухаммада, его сподвижников и праведных халифов, были в истории ислама всегда [1].

Статистики распространения ваххабизма как религиозного течения на территории России не существует. Если ваххабитские общины регистрируются, то не называют себя ваххабитскими. Чаще всего они действуют без регистрации.

Органы МВД и ФСБ обладают соответствующей статистикой – но в отношении активных ваххабитов, заявивших о себе в качестве проповедников-организаторов или боевиков незаконных вооруженных формирований. Так, по данным уголовного розыска Кабардино-Балкарии,

на сегодняшний день на учете в МВД этой республики состоит более 100 ваххабитов. По данным начальника Управления ФСБ по Северной Осетии, в Северной Осетии в настоящее время проживают около 40 человек, являющихся приверженцами ваххабизма.

Однако оценочные данные свидетельствуют о том, что ваххабитские общины составляют довольно высокий процент среди мусульманских общин России и распространены практически во всех тех регионах Федерации, где проживают мусульмане, включая Сибирь и Дальний Восток.

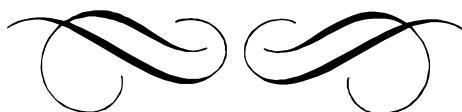
В заключении, хотелось бы отметить, что ваххабизм это идеология, выбранная в качестве катализатора вдохновения и привлечения новых ресурсов в большую авантюру под названием «война против Ислама».

Внедрение ваххабизма обязательно приводит (об этом свидетельствует опыт его распространения в мире) к расколу национального мусульманского сообщества в той или иной стране.

Исламский фактор удачно используется для создания опасности мировому сообществу в виде терроризма и дальнейшей борьбы с ним, дает возможность вмешательства и влияния во внутреннюю политику стран, выбранных в качестве ресурсно-сырьевых доноров.

Список литературы

1. Баликоев В.З. Ваххабиты: кто они и чего добиваются? // Советская Сибирь. – 2007. – № 179.
2. Ваххабиты: XVIII – XX века. Историческое исследование / Составители С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – М., 2002.
3. Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №2(8). – С. 126-127
4. Михайлин Д. Ваххабизм – не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета. – 1999. 28 сентября.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной юридико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации составляет не более двух месяцев со дня регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присыпается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный междусторочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
 - в тексте: [10, стр. 81].
 - в затекстовой ссылке: 10. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышенназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25

тел. / факс: (812) 755-56-58

E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru

www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503

от 01 июля 2010 г.

Название

Юридическая наука: история и современность

Адрес редакции

198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения

журнал

Язык(и)

русский

Территория распространения

Российская Федерация

Учредитель (соучредители)

Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»"
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

**Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций**

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года
№ 2124-1 "О средствах массовой информации".

Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в
соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2012, № 2

Подписано в печать 20.02.2012. Формат 60 x 84 1/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 18,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 389.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
